

Д. Джемчураев

ПО СЛЕДАМ БАСМАЧЕЙ

Д. Дженчураев

ПО СЛЕДАМ БАСМАЧЕЙ

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРУНЗЕ — 1962

Д — 407

В книге Джаманкула Дженчураева «По следам басмачей» рассказывается о героической борьбе бойцов и командиров отдельного оперативного Гурьевского дивизиона ОГПУ и курсантов Ташкентской военной школы имени В. И. Ленина против басмачей в песках Кара-Кумов и возвышенности Устюрт.

Автор создает запоминающиеся образы рядовых бойцов и командиров, проявивших беззаветную храбрость и мужество в борьбе с коварным врагом. К ним прежде всего следует отнести красноармейцев-разведчиков Захарова и Малахова, проводника Жеке, пулеметчика Калинина и других, погибших в борьбе с врагами Советской власти.

Киргиз

ОТ АВТОРА

За четверть века службы в Советской Армии, в войсках ОГПУ мне пришлось участвовать в борьбе с басмачами и классовым врагом в период коллективизации. Затем посчастливилось стать пограничником и более пятнадцати лет служить на восточной и западной границах начальником погранзаставы и комендантом пограничного участка.

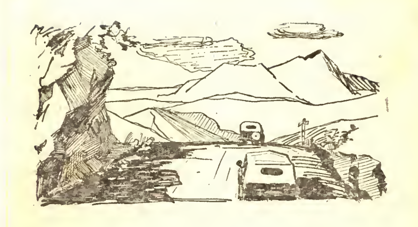
1941 год... Вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину. С первых до последних дней я участвовал в Великой Отечественной войне.

В 1931 году мне пришлось вместе с товарищами по оружию совершить трудный поход по безводным пескам Қара-Қумов и диким просторам Устюрта. В нестерпимую жару и морозы наш кавалерийский отряд громил басмаческие банды на громадной территории — от Каспийского моря до Памира и Тянь-Шаня.

В своих воспоминаниях я описал только борьбу с басмачеством в Средней Азии и Казахстане в 1929—1931 годы. Мне хотелось рассказать о славных бойцах отдельного оперативного Гурьевского дивизиона ОГПУ и Ташкентской военной школы имени В. И. Ленина, показавших исключительное мужество, отвагу и высокие моральные качества.

Как очевидец и участник всех этих операций, я счел своим долгом рассказать о тех незабываемых, трудных днях борьбы молодого Советского государства с врагами, мечтавшими установить власть эксплуататоров.

Посвящаю эти воспоминания нашей славной молодежи.

30 ЛЕТ СПУСТЯ

В один из жарких июльских дней я, секретарь райкома и директор МТС возвращались на «ГАЗ-69» в Кулундукскую долину на юге Киргизии. Машина шла на небольшой скорости.

Местность была живописной. Дорога серпантином вилась по склонам гор. Внизу расстилалась плодородная долина, орошаемая бурной горной рекой Ходжа-Бакырган. Куда ни кинешь взгляд — фруктовые сады, хлопковые поля и виноградники. Сквозь густую зелень светились зреющие яблоки. Налитые гроздья винограда клонили к земле гибкие лозы. Глинобитные домики дехкан были едва видны за зелеными валами пирамидальных тополей и огромных, в несколько обхватов, талов.

Внизу роскошная долина, а над головой громоздятся отвесные скалы, отполированные горячими ветрами. Ни единого кустика! От раскаленных солнцем скал так и веет зноем...

И вдруг я вспомнил это место, хотя долина изменилась за тридцать лет до неузнаваемости. Вот они, эти гигантские глыбы на вершинах гор, за которыми укрывались басмачи...

У деревянного моста на правом берегу реки, у подножья гор, я заметил овечий загон-ташкоро. Я сразу узнал его, и сердце мое забилось. Тридцать лет назад здесь разыгрался жаркий бой с басмаческой бандой. И если бы не эти полутораметровой высоты стены загона, нам пришлось бы туго.

Я тронул за плечо водителя. Машина остановилась. Секретарь райкома с недоумением смотрел на меня.

— Есть у тебя лопата? — спросил я шофера. Он молча вытащил из багажника небольшую лопату и подал мне. Я зашел в ташкоро и тоже молча стал копать каменистую землю.

— Что вы ищете? — спросил подошедший секретарь.

— Клад. Но только молчите.

Шофер и секретарь переглянулись. Видимо, подумали, что я, возможно, помешался; вчера только читал лекцию в колхозе о международном положении, а сейчас усердно копает землю в заброшенном овечьем загоне.

Я обливался потом. Но вот лопата звякнула о металл; показалась позеленевшая от времени гильза. Я поднял ее. Мои спутники подошли ближе, наперебой стали задавать вопросы и в конце концов упросили рассказать обо всем подробней.

Усевшись поудобней на горячем плоском камне, я начал свой рассказ:

— Это было более тридцати лет назад. Эта гильза пролежала в земле с 1929 года. Их тут много, только надо копать. В те времена в Ферганской долине, в верховьях Чирчика действовали банды Қаиппа Пансата, Джаныбека-Қазы, Джармата Максума и других курбаши. Всех и не вспомнишь...

В сентябре и октябре курсантами Ленинской школы города Ташкента были ликвидированы басмачи в Хожегентском районе в ущелье реки Чирчик. Это было всего в 90 километрах от Ташкента. Их было более 300 человек, а нас всего 60 курсантов-кавалеристов. После этих боев мы снова разместились в казармах, взялись было за учебу. Но вот однажды глубокой ночью кто-то осторожно разбудил меня. Я открыл глаза и увидел курсового командира и командира эскадрона.

Приказ был ясным и коротким. Подняли еще несколько курсантов. Нам было приказано одеться потеплее — приближался ноябрь.

В то время я был пулеметчиком. Со своим помощником — подносчиком патронов мы навьючили на коней диски с патронами. В полной боевой готовности 24 курсанта выехали в Ходжентский округ. Курсовой командир Смаилов уже в пути объяснил нашу задачу. Проделав 150-километровый переход, мы прибыли в окружной центр — город Ходжент.

Боевая разведка басмачей — до 30 вооруженных всадников, постоянно действовала в окрестностях Ходжента. Мы встретились с ними, вступили в бой и погнали в Кулундинские степи. О местопребывании основных сил басмачей мы ничего еще не знали.

Мы упорно преследовали бандитов, хотели заставить их принять активный бой, отрезать от гор и ликвидировать в долине. Противник, поняв наш замысел, поспешно стал уходить к глубокому ущелью у реки Ходжа-Бакырган. В Кулундинской степи наши кони окончательно пристали и нам пришлось сделать небольшой привал.

Безводна и уныла Кулундинская степь. Жалкая растительность еще в мае выгорает на корню. Курсанты изнывали от жажды, но воды близко не было. Курсовой командир бранил нас:

— Что вы, к теще в гости ехали? Почему не берегли воду, все фляги опустошили.

Курсанты виновато опускали головы.

На привале бойцы, окидывая хозяйским глазом расстилавшуюся равнину, говорили между собой:

— Какая здесь хорошая земля! Сколько сот десятин пропадает напрасно. Дать бы сюда воду...

Курсовой командир, старый большевик, участник гражданской войны, коротко, словно отрубил, бросил реплику:

— Разобьем эту сволочь и возьмемся за эти земли!

Все задумались. Предстояли упорные бои с басмачами.

После короткого привала мы снова сели на коней; началось преследование банды.

* * *

Позже мы узнали... В лагере басмачей на правом берегу реки Ходжа-Бакырган, неподалеку от овечьего загона, в большой юрте, стоящей на возвышенности, пировал курбаши... Развалясь на пышных шелковых подушках после жирного плова, он попивал кок-чай. Приближенные подобострастно заглядывали ему в глаза, переговаривались вполголоса. Тревога и ожидание были на их лицах: они с нетерпением ожидали возвращения своих разведчиков. О чем расскажут они? Может быть, даже сегодня ночью придется ринуться на Ходжент. А там уж можно разгуляться: грабить мирных жителей, насиловать женщин, истязать партийных и советских работников, с живых сдирать кожу...

В разгар пиршества на взмыленном коне прискакал басмаческий связной, на четвереньках вполз в юрту и стал докладывать курбаши:

— Тахсыр, под Ходжентом встретились с небольшим отрядом кызыл-аскеров, приняли бой,— он запнулся,— под натиском красных наша боевая разведка возвращается, а кызыл-аскеры преследуют по пятам.

Курбаши нахмурился, но быстро справился с волнением и твердо сказал:

— Пропустим аскеров в ущелье, устроим засаду. Закроем их там и уничтожим. Как вы думаете, мои орлы?

Приближенные, как один, одобрили его решение.

Курбаши приказал басмачам занять все возвышенности, тщательно замаскироваться. Задача была проста: пропустить головной дозор красных, а основные силы встретить перекрестным огнем и уничтожить.

Басмачи засели за скалами. Сам курбаши с английской винтовкой в руках поднялся с несколькими джигитами на одну из возвышенностей.

Внизу, в кишлаке, почти никого не было. Жители, напуганные зверствами басмачей, разбежались кто куда. В жуткой тишине слышался вой бездомных голодных псов.

Курбаши приложил к глазам бинокль и стал наблюдать за подходом кызыл-аскеров.

* * *

Два дозорных двигались впереди нас метров в семистах. Они достигли входа в ущелье. Противника не было. Дозорные въехали в ущелье.

Узкая тропа жалась к отвесным скалам. Под нами бушевала горная река.

Колонна втянулась в ущелье. Каждую минуту мы ожидали схватки с бандой. Тревожно и молча ехали курсанты. Казалось, вот-вот из-за этих камней грохнет залп притаившегося врага; за этими скалами могла укрыться целая армия.

Курсовой командир остановил колонну и в бинокль начал осматривать местность.

— Ничего подозрительного. Басмачи, по-видимому, замаскировались или ушли в глубь ущелья. Они очень коварны, надо быть готовыми ко всему.

Чтобы не попасть под огонь противника всей колонне, мы разделились на три группы. Каждая двигалась теперь с интервалом в пятьдесят метров друг от друга.

Головной дозор миновал мост и опять остановился для наблюдения. Стояла поразительная тишина, горы молчали. Но едва дозор достиг южной окраины кишлака, поднялся ураганный огонь. Оба дозорных были ранены. Они укрылись за забором. Басмачи перенесли огонь на нас.

Находящееся неподалеку какое-то строение послужило нам укрытием. Мы завели туда коней, курсанты залегли за камнями. Я с ручным пулеметом и помощник заняли позицию в овечьем загоне. Между нами и басмачами разгорелся огневой бой.

За камнями мелькали головы басмачей. В нас стреляли со всех сторон. Пули, врезаясь в камни, высекали тысячи осколков, и мы не могли поднять головы. Басмачи крепко прижали нас к земле.

Целых три часа шел упорный бой. Ни одна сторона не хотела покидать своих позиций.

К вечеру большой отряд басмачей пошел в наступление. Они спускались с гор, маскируясь за камнями. Их поддерживали своим огнем засевшие за скалами.

Когда басмачи приблизились на расстояние двухсот

метров, мы обрушили на них весь свой огонь, заставили залечь.

Мы воспользовались их заминкой и кинулись в атаку. Пошли в ход ручные гранаты. Враг дрогнул. Преследуя бандитов, мы натолкнулись на их коноводов, которые вели по лощине в горы десятка два коней. Мы открыли огонь. Часть коноводов и лошадей была уничтожена, оставшиеся бандиты скрылись за камнями. С тревожным ржанием носились по лощине басмаческие кони.

Мой друг Дадабаев Хасан был дозорным, прикрывающим наш правый фланг. Лицом к лицу он столкнулся с одним из басмачей. С кошачьей ловкостью тот юркнул за громадный камень и затаился. Начался поединок, настоящая дуэль.

Они расстреляли друг в друга по целой обойме. Стреляли почти в упор, но, видимо, так велико было напряжение, что промах следовал за промахом.

— Брось оружие, сдавайся! — крикнул Дадабаев.

И в тот же миг раздался выстрел. Из-за камня показалось озверевшее лицо бандита, сверкнули налитые кровью глаза.

Выстрелил и Дадабаев. И опять промах.

Игра со смертью явно затянулась. Дадабаев принял правильное решение, вытащил гранату и швырнул ее за камень. Взрывом басмача отбросило метров на пять.

В этот день бой продолжался до самого вечера. Воспользовавшись темнотой, остатки банды ушли в горы. А мы ощупью, чтобы не сорваться со скал, только к полуночи спустились к реке Ходжа-Бакырган. Усталые, голодные, еле передвигая ноги, подошли мы к юрте, где недавно пировал курбаши. Хорошо, что было кое-чем подкрепиться.

Чуть свет со всех сторон стали стекаться в кишлак жители. Их лица были радостные, счастливо светились глаза. Они от всей души благодарили нас за свое освобождение.

Утром возобновили преследование разбитой банды. Оставшаяся группа басмачей перешла через Туркестанский хребет. Мы шли по их пятам.

Остатки банды, не более двух десятков всадников, ушли к Зеравшанскому хребту. Мы потеряли их след и повернули назад.

* * *

5 ноября наш отряд вернулся в город Ходжент, чтобы дать отдых коням, пополнить боеприпасы. Расположились в так называемом культурном очаге — ветхом двухэтажном помещении. В нижнем этаже были избачитальня и чайхана, наверху три низенькие комнатушки, куда вела шаткая деревянная лестница.

Внизу расположились мы, курсанты, а наверху была освобождена одна комнатушка для нашего курсового командира. Покосившееся, с маленькими подслеповатыми окнами двухэтажное строение было одним из «лучших» в этом городе.

Ходжент в те времена ничем не отличался от других среднеазиатских городов. Кривые узкие улицы, плоскокрышие глинобитные домики, огороженные дувалами. Даже семилинейные лампы были величайшей редкостью. Почти в каждом доме чадил жировик. Об электричестве не имели никакого понятия.

7 ноября трудящиеся Ходжента встречали двенадцатую годовщину Октября. Всюду развевались красные флаги, пламенели знамена. С утра был митинг, потом за городом окружной исполком организовал национальные игры.

На состязание по козлодранию собралось около пятисот джигитов. Все как на подбор, на хороших резвых конях. Одежда праздничная. Каждый хотел показать свою ловкость и смелость, резвость своих скакунов.

Метрах в пятистах от места, где проходили игры-состязания, реял красный флаг на высоком древке. Рядом стояла телега. На ней были призы для победителей. Джигит, отбивший тушу козла и доставивший ее к телеге, получал вознаграждение.

Нам очень хотелось принять участие в состязаниях, но курсовой командир не разрешил трогать наших уставших коней. Группа курсантов двинулась за город пешью.

Когда пришли на место, состязание уже было в полном разгаре.

День был теплый. Курсанты стояли тесной кучкой и следили за игрой с большим интересом. Я с детства занимался спортом такого вида и не мог равнодушно

смотреть на состязания. Мы и не заметили, как подъехал председатель окружного исполкома на сером скакуне.

— Не хотят ли показать свою удаль курсанты? — громко спросил он.

Тургунбаев, Алимбетов глянули на меня.

— Товарищ раис*,— сказал я,— Тургунбаев и Алимбетов лихие кавалеристы. К тому же по возрасту они старше меня.

И сам тут же с тревогой подумал: «Неужели они не откажутся?»

Мои товарищи на самом деле отказались и подтолкнули меня к раису.

— Ты тянь-шаньский джигит, лихой кавалерист. На полном скаку хватаешь с земли монету. Покажи свою ловкость,— подхваливали они.

Делать было нечего. Я взял у председателя коня, подтянул подпруги, подогнал стремена и вскочил в седло. Застоявшийся конь так и плясал подо мной, пока я передавал свою фуражку товарищам. Курсанты тем временем давали мне наставления:

— Смотри, не осрамись! Кругом полно девчат, осмеют на весь округ.

Я им ответил:

— Постараюсь, друзья!

Я подъехал к разгоряченным всадникам. Более трехсот возбужденных, вспотевших джигитов стремились вырвать друг у друга тушу козла.

Несколько джигитов уже успели до меня доскакать с козлом к телеге с призами. Многие интересовались нами. Кавалеристы мы неплохие, но сумеем ли состязаться с ловкими ходжентскими наездниками.

В самую гущу я не полез, а стоял в сторонке, выжидая момент, когда кто-нибудь из джигитов вырвется из кишащей толпы с тушей козла.

Долго ждать не пришлось. Один здоровенный молодец при поддержке двух джигитов вырвался из толпы.

* Раис — председатель.

Он мчался во весь опор, придавив тушу козла обеими ногами к передней луке седла.

В один миг я очутился слева от всадника. Через спину наездника схватил за ногу козла и, упершись правой ногой в заднюю луку его седла, сделал рывок. Джигит даже вскрикнул от неожиданности. Но козел был у меня. Я стрелой примчался к телеге, сбросил на землю тушу.

Мне дали первый приз — большую шелковую шаль. После этого я еще два раза отбил козла и получил одну большую пиалу и червонец.

Курсанты встретили меня восторженно. Я передал коня председателю, поблагодарил его. Он спросил меня:

— Молодой джигит, откуда родом и как тебя звать? Я думал, что аскеры умеют только рубить и стрелять. Вы оказались лихим джигитом. Благодарю вас за участие в нашей национальной игре.

— Дорогой раис! Меня зовут Джаманкул, я киргиз. Моя родина — Тянь-Шань. У нас есть джигиты получше меня.

Мы и не заметили, как нас окружила толпа возбужденных людей. Все внимание было приковано к коню раиса. Наперебой выкрикивали цены — скакуна уже стали выторговывать.

— Я не цыган торговать лошадьми. Я его купил себе, чтобы ездить на нем. Больше жизни люблю хороших коней,— говорил председатель, похлопывая своего любимца по шее.

Курсовой командир, узнав, что я самовольно принял участие в козлодрании, дал мне нагоняй:

— А если бы несчастный случай, кому пришлось бы отвечать за тебя?

Я ответил:

— Виноват, товарищ командир!

— Нужно было дать тебе наряд вне очереди, но победителей не судят. Поэтому на первый раз прощаю. Чтобы этого больше не повторилось!

На второй день в нашем боевом листке появилась карикатура: курсант скачет на коне, прижав обеими ногами козла. Десятки рук тянутся к нему.

Долго хранил я этот боевой листок как память о прошлом.

* * *

В середине ноября поступило сообщение, что недобитая басмаческая банда появилась на территории Баткенского района. Мы снова выступили в поход.

На Алайском и Туркестанском хребтах выпал глубокий снег. Стояли сильные морозы. Внезапно поднималась пурга. Колючий сухой снег слепил глаза. Курсанты то и дело соскакивали с коней и растирали белеющие от мороза лица. Нужно было беспрерывно шевелить пальцами рук и ног, чтобы они не окоченели. Курсанты проклинали пургу, мороз и еще больше басмачей.

Достигнув высоких крутых гор, мы остановились. Перед нами был неприступный склон. Тропа занесена снегом. Слева зияла пропасть метров пятьсот — путь на перевал проходил по этому склону. Правда, была другая дорога, но в обход — в несколько десятков километров.

Курсовой командир подозвал меня:

— Дженчураев, ты житель горной местности. Скажи, сможем ли мы проехать по этому склону?

— Товарищ курсовой командир, разрешите пойти проверить!

— Идите. Только будьте осторожны.

Я осторожно продвигался по тому месту, где нам предстояло проехать. Снег лежал рыхлым пластом на крутом склоне, готовый сорваться и ринуться в пропасть.

Вернувшись, я доложил курсовому командиру, что снег глубокий, склон слишком крутой. Даже кашель человека может вызвать обвал: эту страшную стихию, во время которой даже не успевают взлететь чуткие сороки. Мы тоже можем быть погребенными навсегда. А басмачи потом скажут: «Безбожников кызыл-аскеров наказал сам бог!»

Нам предстояло вызвать обвал — это было единственное решение. Но каким образом?

Выстрелом или гранатой нельзя, мы обнаружим себя. Басмачи, если они поблизости, опять уйдут.

— Товарищ курсовой командир! —вдруг весело обратился к командиру мой друг, шутник и весельчак Да-

дабаев.— Дженчураев говорил, если чихнуть, то может произойти обвал. Разрешите мне, я громко чихаю.

Курсанты оживились. Шутка Дадабаева подбодрила их. Усталые и промерзшие до костей, стояли они над пропастью, держа коней под уздцы.

Дадабаев вынул кисет, заложил в обе ноздри махорочную пыль. Видимо, он переборщил: раздался такой громкий чих, что со склона с гулом сорвался обвал. Снег сошел весь, а наш Дадабаев все чихал и чихал.

Путь к перевалу был открыт.

Благополучно одолели мы перевал и спустились в лощину. Через несколько минут подъехали к окраине кишлака. Вдруг раздался выстрел. Из мазанок стали выскакивать и садиться на коней басмачи. Поднялась беспорядочная стрельба. Оказывается, нас заметил вражеский наблюдатель.

Мы с ходу завязали с бандой бой и стали преследовать отступающих врагов. Зимние сумерки сгущались быстро. Подул холодный ветер, разыгралась пурга. В двух шагах ничего не было видно. Непогода помешала нам уничтожить банду.

В начале декабря, при активной помощи местных жителей, банда была ликвидирована. Курбаши с одним только телохранителем скрылся в Горном Бадахшане.

А через несколько дней мы услышали такую историю. Где-то далеко в горах курбаши и его телохранитель не поделили награбленные ценности. Между ними завязалась борьба и телохранитель убил своего господина. Голову курбаши он уложил в торбу и привез ее в отделение милиции.

* * *

С тех пор прошло более трех десятков лет. Я всегда мечтал о том, что если буду жив, обязательно загляну в эти края: так они дороги для меня. И вот мне посчастливилось снова побывать здесь, своими глазами увидеть преображенный край.

За двадцать коротких суток я побывал в городе Ленинабаде (старом Ходженте), Соцгородке, в Кулундин-

ской долине и других местах. Я увидел то, о чем даже и не мечтали дехкане в самых лучших своих сказках.

На бывшей пустыне, у подножья гор, выстроен прекрасный Соцгородок. Утопающие в пышной зелени двухэтажные красивые дома, широкие асфальтированные улицы, больницы, гостиницы, школы, театры. На пустовавших веками землях неиссякаемым ключом бьет жизнь.

За несколько десятков километров видно море электрических огней: словно звездное небо опрокинулось на землю — это огни новых городов.

Бывшие Кулундинские пустыни, где мы бились с басмачами, покорены руками советских людей и превращены в цветущие оазисы. Здесь растет замечательный высококачественный хлопок. Кругом фруктовые сады, виноградники. Красуются среди зелени плановые дома колхозников.

Разве только глубокий старик с трудом может вспомнить сейчас об омаче — деревянной сохе, которой веками обрабатывали землю дехкане Кулундинской долины.

Через каменные горы пробит канал протяженностью в несколько десятков километров. По нему направлена живительная влага горной реки.

С тех пор изменился облик не только городов, кишлаков и пустующих земель, но сами люди в корне изменились. Они стали настоящими патриотами своей отчизны, хозяевами жизни.

* * *

С интересом слушали попутчики мой рассказ. Когда я закончил, наступило долгое молчание. И вдруг секретарь взволнованно сказал:

— А ведь я помню эти события. Мне было тогда пятнадцать лет. Утром на наше село напали басмачи. Многие покинули свои дома. Я и мой отец укрылись возле речки в зарослях канавы.

Начался бой. Над нашими головами свистели пули. Я все хотел подняться и взглянуть, как воюют, но отец крепко держал меня за плечо. Я не мог поднять головы.

Нам было страшно. Когда ночью все стихло, мы потихоньку подошли к своей юрте, узнали, что здесь не бандиты, а красноармейцы. После ухода красноармейцев в овечьем загоне и в других местах валялось очень много гильз... Я до сих пор не забываю тот памятный день и очень рад, что сегодня встретился с бывшим участником этих боев, который освободил наш кишлак от басмачей.

2—1760

РАЗЛУКА

Наш пулеметный взвод только что вернулся с тактических занятий. Не успели зайти в казарму, старшина, увидев меня, сказал:

— Вас вызывает командир эскадрона.

— Слушаю, товарищ старшина. Скажите, по какому вопросу?

— Он мне не докладывал. Но учтите, между прочим, он сердитый. Наколбасили, наверное?

Старшина лукаво улыбнулся и ушел.

Наш командир эскадрона редко вызывал курсантов. А если приходилось пропесочить, поручал это дело старшине... Я ломал голову, зачем он меня вызывает? За три года учебы я ни разу к нему не попадал. Все у меня было нормально: в учебе и дисциплине. Что будет, то будет! Поправил ремень, фуражку и, набравшись храбрости, направился к кабинету командира. По коридору навстречу мне торопливо шагает мой товарищ — Эрмекбаев. Встретились у самой двери кабинета.

— Ты куда? — спросил я.

— Вызвал командир эскадрона.

— Меня тоже. Не знаешь зачем?

— Не знаю...

Мне стало как-то легче на душе. Значит, он нас вызывает по делу. Но это было только наше предположение.

Эрмекбаев подтолкнул меня к двери:

— Давай, заходи первым.

— Нет, ты заходи. По возрасту ты старший.— И одновременно постучались в дверь.

— Войдите,— послышался знакомый голос.

— Разрешите доложить. По вашему приказанию прибыли.

Командир эскадрона поздоровался, критически осмотрел нас с головы до ног и спросил:

— Вы только с занятий?

— Так точно, товарищ комэскадрона. С тактических занятий, не успели переодеться.

Он указал нам на стулья и предложил сесть.

— Товарищи курсанты, вас вызывает к себе комиссар школы для беседы. Идите покушайте, переоденьтесь в парадную форму и через час явитесь к нему. Ясно?

— Ясно, товарищ комэск!

Четко повернувшись, мы вышли из кабинета. У двери снова встретились со старшиной.

— Ну, здорово вас пропесочили, будущие красные командиры? Даже пот прошиб!

Он весело улыбнулся.

— Пока все благополучно. Через час к комиссару, а там что будет— не знаем.

— Только не опаздывайте. Явитесь как штык в указанное время,— строго предупредил он и зашел в кабинет командира эскадрона.

А вскоре мы уже шагали в штаб.

Комиссар был не один в кабинете. С ним сидел начальник нашей школы Малышев. У обоих сверкали на груди ордена Красного Знамени. Комиссар, приветливо поздоровавшись с нами, предложил сесть. Они с нами долго беседовали, и в заключение комиссар сказал:

— От нашей школы, товарищи курсанты, вы вдвоем направляетесь в распоряжение политуправления. На вас возлагается особо важное партийное поручение. Мы думаем и надеемся, что это задание выполните с честью.

— Выполним!— Мы встали.

— Коммунисты должны быть только такими. Завтра к десяти часам явитесь в штаб Политуправления Среднеазиатского военного округа!

На следующий день ровно в девять утра нас принял начальник Политуправления Ястребов Григорий Герасимович, старый большевик-подпольщик, член партии с 1905 года. По-отечески похлопав нас по плечу, не выслушав наших рапортов, усадил на диван и сел рядом. Мы чувствовали себя неловко — ведь впервые попали к такому большому начальнику. Но его простота и задушевность ободрила нас.

Он расспрашивал о наших родных, интересовался, чем занимались до поступления в военную школу. Незаметно, полушутя, спросил, употребляем ли мы спиртные напитки.

Но мы в то время не пили даже пиво. Ястребов остался очень доволен. Далее он рассказал о предстоящих грандиозных планах реконструкции тяжелой промышленности и сельского хозяйства нашей страны, о внешней политике. Рассказ его был живой и убедительный. В заключение он сказал:

— Мы вас направляем в распоряжение Средазбюро ЦК ВКП(б). Подробный иструктаж и направление получите там.

Пожелав нам всего хорошего, добавил:

— В селах и аулах вам придется встретиться лицом к лицу с классовым врагом. Будьте бдительными!

Его простота и душевность заставила нас забыть, с кем мы разговариваем. Не всегда даже родной отец мог бы так войти в душу. А ведь с нами беседовал человек высокого воинского звания, с четырьмя ромбами на петлицах, член Военного Совета, революционер-подпольщик, человек с громадным жизненным опытом. Попросту, мы были перед ним настоящими сопляками.

По военной этике и уставу мы должны были стоять перед ним по стойке «смирно», отвечать на вопросы: «Есть!», «Так точно!», «Слушаюсь!». Но ничего подобного не было: состоялся чистосердечный разговор, запомнившийся на всю жизнь.

Образ этого человека до сего времени сохранился в моем сердце.

* * *

Когда мы вошли в здание Средазбюро ЦК ВКП(б), там было многолюдно и оживленно. Здесь были люди разных национальностей, разных возрастов и специальностей, прибывшие из разных городов нашей страны.

Здесь можно было увидеть старых большевиков с дореволюционным стажем и совсем еще юных комсомольцев. Но у этих разных людей была единая цель: перестроить мелкие крестьянские хозяйства, раз и навсегда покончить с эксплуататорами.

Для работы в деревне партия послала двадцать пять тысяч самых лучших своих людей с фабрик и заводов, из партийно-советских учреждений. Тут была целая армия, но только вооруженная не винтовками, а идеями Ленина.

Целую неделю мы слушали лекции об организации коллективного хозяйства, которыми лично руководил секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Зеленский.

По окончании инструктажа я со своим другом Эрмекбаевым получил назначение в Южную Киргизию, в Ошский округ. Нас было семнадцать — целая бригада.

Когда мы уселись в вагон, то среди нас оказалась одна девушка. Она была слушательницей Среднеазиатского комуниверситета. Среднего роста, с коротко подстриженными волосами, очень миловидная; она сразу привлекла наше внимание. На вид ей нельзя было дать и восемнадцати лет. Она казалась совсем еще юной. В ее серьезных больших глазах, обрамленных густыми черными ресницами, была решительность и что-то задорное.

Девушка устроилась в соседнем купе. Один молодой человек из нашей бригады, открыв чемодан, достал румяное яблоко, подошел к ней и протянул:

— Это для вас. Вы одна среди нас, берите! — с улыбкой сказал он.

Она смутилась. Другой товарищ, сидящий тут же, видя смущение девушки, подбодрил:

— Берите, берите, не стесняйтесь, девушка!

Щеки ее зарделись. Несколько пар глаз были обращены на нее. Она не знала, что делать: взять яблоко или отказаться. Все же взяла, поблагодарила и подошла

к окну. Наши взгляды встретились. Она тут совсем растерялась. С яблоком в руке вышла в коридор и стала у открытого окна.

Теплый ветер ласкал ее разгоряченные щеки, играл вьющимися волосами. Я долго смотрел на нее. И мне показалось вдруг, что я ее больше не встречу. Как мне хотелось, чтобы она хоть раз взглянула на меня!

Я одернул гимнастерку, поправил волосы и шагнул к ней. И тут мой друг Эрмекбаев схватил меня за руку.

— Ты куда,— тихо сказал он.— Неприлично так сразу в погоню.

Я задумался. На самом деле — неприлично. Мое сердце билось учащенно, как у пойманного воробья. Никогда раньше такого не было со мною.

Мы ехали по Ферганской долине. За окном вагона открывались прекрасные виды, но мне было не до них. В глазах стояла девушка в простенькой синей юбке и серой блузке. Я слышал ее смех и звонкий голос; она с кем-то оживленно разговаривала. Кто-то из членов бригады оказался расторопней меня. К вечеру я окончательно потерял голову и рассказал о своих переживаниях Эрмекбаеву. Он засмеялся и спросил:

— Ты хоть поговорил с ней? Чудак, ты еще колхоз не организовал, а сам хочешь коллективизироваться. Ну и ну!

Он долго смеялся надо мной.

— Эх, друг, разве ты поймешь меня, женатый человек. У тебя ведь все в порядке.

— Не обижайся, любовь должна быть обоюдной. Друга выбирают на всю жизнь.

— Слово джигита — закон. Все равно она будет моей,— твердо сказал я.

Откуда появилась такая уверенность? И сам не знаю.

— Давай, давай, посмотрим,— сказал Эрмекбаев.

После выполнения задания я был отозван в Ташкент для сдачи выпускных экзаменов. После окончания военной школы я служил в г. Душанбе, в знаменитом своими подвигами трижды Краснознаменном Алайском кавалерийском полку.

В последних числах ноября 1930 года был переведен в г. Алма-Ата. И снова — новое место.

Получив назначение, выехали с женой — той сероглазой девушкой — поездом из Алма-Аты в город Кызыл-Орду. Погода стояла пасмурная, но теплая, несмотря на то, что был декабрь. Но едва отъехали от станции Туркестан, с запада подул холодный ветер. Повалил мокрый снег. Окна вагона залепило, стало сумрачно.

— Да, непогода разыгралась. Интересно, как сейчас в Кызыл-Орде? Тебе там приходилось бывать? Что это за город? — спросила жена.

— Бывал, могу вкратце рассказать. Город расположен на правом берегу реки Сыр-Дарьи. Около девяноста лет тому назад его называли крепостью Ак-Мечеть, которая принадлежала кокандскому хану Худояр-хану. Затем крепость была завоевана царской Россией и стала называться порт Перовск и город Перовск, а впоследствии он был переименован в город Кызыл-Орда и до 1928 года был столицей Казахской АССР.

Я стал рассказывать жене о политике царской России и англичан в этих краях...

За разговорами мы не заметили, как наш поезд прибыл на станцию Кызыл-Орда.

Мы вышли из вагона и я направился искать извозчика Но поиски мои были напрасны. Взяв в руки чемоданы, пошли в крепость, находившуюся на западной окраине города, в полутора километрах от станции.

Морозный декабрьский ветер обжигал лицо, пронизывал насквозь. Приходилось поворачиваться то спиной, то боком, защищаясь от разыгравшейся метели.

Улицы были безлюдны. Гудели под ветром деревья и к ногам падали сухие сучья.

— Вот это буран! Видишь, как метет? Я не думал, что здесь бывает такая холодная зима.

— Я не могу открыть глаза,— сказала жена.

— Нас, гостей, встречают так «вежливо»! Тебе тяжело идти с чемоданом? Дай мне,— я взял из рук жены небольшой чемодан.

— А тебе неудобно будет нести оба чемодана.

— Ничего, с грузом против ветра лучше идти, больше устойчивости. А ты за моей спиной защищайся от ветра.

— Нам еще далеко до крепости?

— Нет. Вот впереди крепость, там должен быть штаб.

Мы вошли в ворота крепости. Нас остановил часовой, укутанный в большой овчинный тулуп. Потом взял кусок железа и ударил по куску рельса, висевшему на столбе. На вызов часового явился дежурный. Он проверил предъявленные документы.

— Пойдемте, товарищ командир.

На первом этаже большого кирпичного здания я пристроил жену возле железной печурки и спросил дежурного:

— Где ваш командир дивизиона?

— Его замещает командир взвода... Старшие командиры еще не приехали.

— Вы, товарищ командир, к нам приехали работать?

— Да, я к вам. У вас такой лютый мороз! Здесь всю зиму так метет?

— Не всегда. Метель бушует только со вчерашнего дня. Пожалуйста, заходите.

В комнате за столом я увидел человека лет тридцати, с одним кубиком на малиновых петлицах. Прочитав поданное мною удостоверение, он весело улыбнулся:

— Слава богу, прибыл хоть один командир. Мы замучились. Комплектуем два дивизиона, а у нас всего три командира. Люди вашего дивизиона только начали прибывать.

Он вытащил из ящика стола папку.

— Посмотрите, вот список прибывших. Теперь сами комплектуйте свой дивизион. Мы трое не успеваем даже проводить занятия с личным составом своего дивизиона.

Утром я со старшиной дивизиона пошел проверять казармы и конюшни.

— Ну, старшина, найди мне хорошего коня!

— Пройдемте, есть конь по кличке «Дунай». Какой породы — не знаю. Сумасшедший такой, как тигр, никого не подпускает близко. Бойцы боятся подойти. Только один боец Артомошкин ухаживает за ним.

— Пойдем, посмотрим!

Конь был гнедой, невысокий, грива и хвост черные, густые. Стоял отдельно от других коней, привязанный к коновязи. Мы только подошли, он начал фыркать, бить

передними копытами, навострил уши. Косится на нас кровавыми глазами.

«Ему не более семи лет,— определил я.— По экстерьеру настоящий кавалерийский конь».

— Старшина! Знаете, какой породы этот конь? Настоящей, чистой калмыцкой породы! Взгляни на копыта. Ни у одного коня здесь нет ничего похожего. Копыта упругие, массивные, не требуют ковки. Передние и задние ноги сухие, прямые, а грудь широкая. И спина соответствует росту. Посмотри, какие упругие мышцы. Весь он жилистый. Видать, хороший у него шаг. Этот конь самый выносливый в пустынях, песках и горах. Есть у него хозяин?

— Нет, товарищ командир, все отказались брать.

— Тогда я возьму его себе. Моим коноводом будет тот боец, который ухаживает за ним.

Стоявший рядом со старшиной командир отделения покачал головой:

— Товарищ командир, убьет он вас!

— Я с пяти лет в седле. И вот — пока жив.

Командир отделения опять покачал головой.

Целый месяц чуждался меня конь, не подпуская к себе. Потом так привык, что без меня скучал. И как только завидит — ржет. Отпущу — идет за мной. Если кто-нибудь тронет меня шутя, он набрасывается на обидчика. На рубку летел, как стрела. Я еле успевал рубить лозы. Однажды делали переход по сильно пересеченной местности. За двенадцать часов я отмахал на нем сто тридцать километров. У коновода конь был тоже выносливый, но после этого перехода лежал три дня, не поднимаясь. А мой Дунай — хоть бы что.

К январю месяцу дивизион был полностью укомплектован. Учеба проходила усиленно. Бойцы и командиры не считались с трудностями.

После трехмесячной упорной учебы была проведена проверка всего личного состава дивизиона. Смотр боевой подготовки начали со стрельбы боевыми патронами. На стрельбище были слышны выстрелы и голоса командиров:

— Смена, встать! Оружие к осмотру!

Бойцы быстро вставали, клали винтовки на левое плечо в горизонтальном положении, и командир отде-

ления придирчиво осматривал винтовки. Убедившись, что в патронниках нет боевых патронов, командовал положить оружие. Бойцы четко и быстро выполняли его приказ.

— К мишеням шагом марш!

Бойцы занимали свои места — каждый против своей мишени.

Я подошел к первой мишени.

— Красноармеец Петров произвел пять выстрелов! — доложил боец.

— Хорошо, хорошо, товарищ Петров. Кучно научился стрелять, месяц тому назад было гораздо хуже.

Боец, покраснев до ушей, переминался с ноги на ногу.

Подхожу к следующей мишени.

— Красноармеец Пономаренко произвел пять выстрелов! — доложил боец.

— Подойдите ближе к мишени и покажите, где пробоины?

Он подходит к мишени, ссутулившись, и указательным пальцем показывает:

— Ось, ось, ось, ось.

— А пятая пуля где? — спрашиваю я.

Поискав на мишени пятую пробоину, он вздохнул:

— Ни бачу, товарищ командир взвода!

— Вот эти четыре пробоины— меткие и кучно, а пятой пули нет. Командир отделения, обратите внимание. Даю недельный срок. Провести дополнительные занятия с товарищем Пономаренко по огневой подготовке и прикрепить к отличному стрелку Тимофееву. Пусть он поможет ему.

Подошел к последней мишени:

— А, товарищ Желудков! Ну как, посмотрим. Ого! Молодец! Отлично! Две десятки, девятка, две восьмерки. Ну-ка, товарищи, идите сюда! Учитесь у него. Все стреляли неплохо, но у него лучше всех.

Все сгрудились около мишени Желудкова, а боец Пономаренко с неохотой подошел последним. Чувствовалось, очень переживает за свой промах.

— Товарищ командир отделения, а как у Желудкова по другим дисциплинам?

— По политической и огневой — хорошо, но у него

неважно обстоят дела с конной и тактической подготовкой. Когда он сидит на коне, животом закрывает переднюю луку седла. Бойцы на скаку достают предмет с земли, а он наклониться не может — опять-таки живот мешает. А когда ползет по-пластунски, снова живот не дает двигаться. И зад возвышается, как кочка, и является неплохой мишенью. Одним словом, надо кончить с этим.

— С чем? — весело спрашиваю я.

— Да с животом.

Бойцы смеются. А Желудков стоит весь пунцовый от стыда.

* * *

Я сидел с двумя командирами. Открылась дверь помещения, занятого под штаб, и вошел человек средних лет, в пограничной форме, с двумя шпалами на зеленых петлицах, плотный, высокого роста.

Шинель хорошо сидит на широких плечах, сапоги начищены до блеска, на них звонкие, сверкающие шпоры. Хрустящие ремни портупеи. С правой стороны маузер в деревянной колодке, с левой — кавалерийская шашка.

— Здравствуйте, товарищи командиры!

Узнав старшего командира по знакам различия, мы вскочили.

— Кто из вас Дженчураев?

Я ответил:

— Я Дженчураев.

Он вежливо:

— Садитесь, садитесь. Мы все здесь свои.

Вытащив из нагрудного кармана удостоверение личности, протянул мне.

— Я назначен командиром и комиссаром в отдельный оперативный Гурьевский дивизион ОГПУ.

Я проверил документы и вернул их.

— Товарищ командир дивизиона, четвертый месяц мы вас ждем.

— Я знаю, что вам было трудно. Сейчас дивизион в полном составе. Со мной прибыл замполит товариш Кукин, а двое взводных и политрук прибудут в Гурьев.

Командир дивизиона поинтересовался, как укомплектован личный состав.

Я доложил:

— Личный состав полностью укомплектован. Примерно восемнадцать процентов — бойцы второго года службы, а остальные — первого года. Среди них есть пограничники.

— Это очень хорошо! Сам еду с границы... Я вас прервал. Продолжайте.

— Учеба проходит нормально. Почти двадцать процентов личного состава дивизиона — комсомольцы. Членов партии — четверо. Коллектив спаянный, дружный. Конский состав укомплектован тоже полностью.

— Я доволен,— командир дивизиона помолчал минуту...— Да, товарищ Дженчураев, у нас и командиры неплохие. Задание перед нами ответственное. Проинформирую вас: завтра мы срочно отправляемся эшелоном в далекий путь— в Гурьев. А там, возможно, и дальше... В Кара-Кумах и на возвышенности Устюрт действуют большие группы басмачей. Убивают и грабят мирных жителей. Недавно они совершили налет на районный центр — форт Шевченко. Но были отбиты. Товарищ Дженчураев, приходилось вам воевать когда-нибудь с этими бандитами?

— Да, и в Ферганской долине и на Памире.

— Значит, имеете боевой опыт. Вы, товарищ Дженчураев, будете командиром первого кавалерийского взвода. Также назначаю вас начальником отправляющегося эшелона. Начальник станции имеет указание о предоставлении нам вагонов. Мы с вами пойдем сейчас туда, а завтра с утра займемся погрузкой и в семнадцать ноль-ноль отбываем.

Мы с ним обошли казармы, конюшни и направились к станции. Вечером командир дивизиона познакомил меня со своим заместителем по политической части Кукиным, фельдшером Ватолиным и ветфельдшером Чурсиным.

Я поздно вернулся домой. Жена приготовила несложный ужин из командирского пайка. Она давно ожидала меня.

Азимов, командир взвода другого дивизиона, у которого мы стояли на квартире, успокаивал ее.

— Завтра, наверное, уедете,— говорил он моей жене,— как я буду теперь жить один. Мне без вас будет скучно. Завтра же пойду в медшколу искать себе невесту.

Квартира Азимова состояла из одной квадратной комнаты с двумя окнами, выходящими на улицу.

Довольно-таки обширная комната была почти пустая. Обстановка ее состояла из односпальной красноармейской кровати, заправленной голубым тканевым покрывалом. Стол, три табуретки и составленный из двух чемоданов Азимова туалетный столик, который стоял в простенке между окнами. На нем небольшое зеркало, бритвенный прибор и флакон тройного одеколона.

У стены, возле кровати Азимова, стоял большой азиатский сундук, где он хранил все свое добро для будущей жены: начиная от пальто, кончая перчатками, чулками и разной мелочью.

С Азимовым мы учились в военной школе. Он старше меня на два года. Окончил Средне-Азиатскую военную школу на год раньше меня. В этом городе мы встретились как родные.

Он был среднего роста, с черной густой шевелюрой, густыми черными бровями и такими же черными, как уголь, глазами. Носил маленькие черные усики. Был всегда подтянут, хорошо одет. В свободное от службы время мой друг любил показывать содержимое сундука.

— Скажи, друг, ты подготовлял что-нибудь для жены до женитьбы?

— Даже косынку не приготовил. Я думал, что будут обеспечивать так, как обеспечивают нас,— смеялся я.— Ну, ты заготовил на сто процентов одежды. А может быть женишься не на худенькой, а на полной девушке. Что тогда будешь делать?

Он терялся от таких вопросов.

— Об этом я и не подумал,— отвечал он обычно и весело добавлял:— Я буду подбирать себе невесту к моим вещам.

Азимов по натуре был добродушным, откровенным и веселым. Мог поговорить на всякие темы. Мою жену

называл Рая-хон, не давал ей поднимать ведра с водой, запрещал мыть полы, говоря, что этого нельзя делать женщине, ожидающей ребенка.

* * *

Рано утром я направился на станцию посмотреть, как идет погрузка. Там застал старшину дивизиона, который руководил бойцами, работавшими на погрузке. Все шло хорошо, и я вернулся в штаб, где на ночь расположился командир дивизиона. Застал его за столом с бритвенным прибором в руках. Поздоровавшись, он спросил:

— Ну, как идет погрузка эшелона?

— К тринадцати ноль-ноль закончим погрузку имущества, а к шестнадцати ноль-ноль погрузим коней. Личный состав много времени не займет. Потребуется не более двадцати минут. У нас в резерве останется еще тридцать — сорок минут. За это время назначим дневальных по вагонам, дежурных... Вот и все.

— Товарищ Дженчураев, я забыл вас спросить, вы женаты?

— Как не быть женатым? Мне идет уже двадцать четвертый год.

— Ваша жена уже готова к отъезду? А вещей у вас много?

— Очень много, товарищ командир дивизиона,— я улыбнулся.

— Полвагона будет? — в его голосе была тревога.

— Точно не знаю. Сейчас посчитаю.

Взял карандаш, стал записывать:

— Два чемодана, одно ватное одеяло, одно покрывало, одна подушка, три простыни, матрац. Если все завернуть — получится один узел. Вот и все наше имущество.

Он от души рассмеялся.

— Вы настоящий солдат! У нас с женой столько же! А теперь можете идти к себе.

Осмотрев склады, казармы, я снова направился на станцию и пробыл там до двенадцати часов. В первом

часу пришел на квартиру и застал жену в тревожном состоянии. Она ходила молча из угла в угол.

В это время пришел Азимов.

— Что случилось, Рая-хон? Заболела? Скажи, где болит? Поясница? — забеспокоился он.— А то сейчас пойду за извозчиком.

Жена засмеялась:

— Ничего у меня не болит, товарищ Азимов, я с чемоданом немного повозилась и постель упаковывала. Наверное, от этого немного поясницу ломит.

— Нет, ты говори правду, не стесняйся, а то будет поздно!

— Я же говорю вам, что все в порядке,— скрывая свое смущение, сказала жена.

— Я, друг, все же пойду за извозчиком!

Он выскочил на улицу. А через полчаса вернулся и скомандовал:

— Едемте!

Мы поехали втроем. Погода была пасмурная, дул прохладный северный ветер. Но в воздухе уже чувствовалось приближение весны.

Зашли в приемную консультации, но, к нашему сожалению, приема уже не было. Работница посоветовала зайти в роддом.

И вот мы с другом сидим в приемной и ждем. Минут через двадцать медсестра вынесла одежду жены:

— Она останется у нас,— сообщила она.

Мы с другом вышли из роддома и пошли домой. Настроение у меня было паршивое.

— Дорогой друг, она останется одна в городе, где нет ни знакомых, ни родных. А я через четыре часа уезжаю. Прошу почаще наведывать.

Невольно в голову закралась тревожная мысль. В детстве я много раз слышал об умерших от родов. Успокоил себя тем, что жена находится в окружении наших советских врачей.

А дома меня снова одолели тревожные мысли. Мои думы прервал Азимов:

— Ты ведь утром ничего не ел, выпей хоть чаю,— он подал почти остывший чай, вскипяченный еще моей женой.

В этот момент кто-то постучался. Я накинул шинель

и открыл дверь. На пороге стоял мужчина среднего роста, худощавый, лет сорока шести.

— Дженчураев здесь живет?

Я ответил довольно неприветливо:

— Здесь. В чем дело?

— Я Мардиев!

Передо мной стоял тесть, которого я еще ни разу не видел. Я растерялся даже: встал по стойке «смирно» и взял под козырек. Подошел Азимов. Он посмотрел на меня, на моего тестя, и, не разобравшись в чем дело, тоже вытянулся перед приезжим. Азимов по-видимому подумал, что перед нами стоит большой начальник в гражданском костюме. Мой тесть, в свою очередь не понимая нас, вытянувшихся перед ним, был в полном недоумении.

— У меня там на извозчике чемоданы,— наконец сказал он.

Я опустил руку, поздоровался с ним и пригласил в комнату.

— Чемоданы мы сейчас принесем. Не беспокойтесь.

Мы с другом вышли на улицу. Азимов спросил:

— Скажи, кто это?

— Это большой начальник приехал из Москвы,— не моргнув глазом, твердо ответил я.— Проверять нас, как мы учим красноармейцев.

— Чем же угощать будем его?

— Я останусь с ним, а ты беги в магазин и принеси пару бутылок хорошего вина, закуски. Только долго не ходи — времени мало.

Про себя я подумал: «Ты надо мной два раза подшучивал. Первый раз, что мать приехала, а второй раз — позавчера сообщил, что жинка родила сына. Наконец-то, друг, ты тоже попался».

Занесли чемоданы в комнату, и Азимов убежал в магазин.

Я был рад тестю:

— Очень рад, что вы приехали вовремя. Я уезжаю в командировку. Рукия в больнице.

— Сынок, ты не беспокойся. Уезжай, выполняй свои обязанности. Я ее после больницы увезу домой, а ты возьмешь отпуск и приедешь к нам. Отдохнешь и посмотришь, как мы живем...

Вбежал Азимов с бутылками вина и множеством кульков. На скорую руку накрыли стол. Откупорив бутылку, я наполнил стаканы и стал знакомить:

— Отец, это мой друг Азимов. Вместе учились в военной школе.

И обратился к растерянному Азимову:

— Знакомься, это мой тесть.

Он хотел что-то сказать, но, видимо, постеснялся. Посмотрел на нас обоих и промолвил:

— Очень рад. Только жаль, что мой друг уезжает.

Наскоро закусив, мы с тестем поехали в больницу, чтобы порадовать жену приездом отца, а заодно и проститься с ней.

По дороге я думал: «Может быть, уже родился сын? Как было бы хорошо!»

В больнице были недолго. Жена всплакнула, но тут же взяла себя в руки, стала шутить. Мы расстались. Но на какое время?

Когда вернулись на квартиру, тесть открыл чемоданы со всякой снедью, стал упаковывать мне на дорогу: огромного копченого гуся, баурсаки — горка (очень вкусное свадебное кушанье), громадную банку липового меду...

Мы пришли с ним на вокзал. Красноармейцы заканчивали погрузку коней, времени оставалось совсем немного. Для командиров специально был выделен вагон, туда занесли мой чемодан.

Я обошел все вагоны. Потом простился с тестем.

Пронзительный гудок паровоза известил об отправке. Белые клубы пара заслонили здание вокзала. Красные вагоны тихо, словно нехотя, сдвинулись с места, и, постепенно набирая скорость, понеслись вперед, в неизвестное.

Облокотившись на поперечную перекладину в дверях вагона, я осматривал эшелон, от головы до хвоста:

не отстал ли кто-нибудь из бойцов? На перроне стояли тесть и мой друг Азимов. Они махали руками.

Я долго еще стоял в открытых дверях и думал о родных и близких...

— Уже вечер, товарищи холостяки,— вдруг услышал за спиной голос командира дивизиона,— за нами ухаживать некому. Зажигайте лампу, нужно поужинать, потом займемся рассказами, чтобы скоротать ночь.

— Покушать я всегда готов. Голосую обеими руками,— весело засмеялся замполит Кукин.

Ветфельдшер зажег семилинейную лампу и поставил на стол посреди вагона.

— Товарищи,— сказал я,— мой тесть привез сегодня кое-что. Посмотреть не было времени, а сейчас увидим.

Все закричали:

— Давай! Давай!

Я открыл сверток и вытащил за ногу огромного гуся.

— О! Как баран! Вот это да! Сейчас бешбармак будет. Копченый, жирный,— замполит потирал от удовольствия руки.

Я завалил весь стол ватрушками, плюшками, булочками.

Фельдшер Ватолин, смеясь, сказал:

— Я как врач должен снять пробу.

Он разломил ватрушку:

— Ого! Вкусная вещь! Разрешаю, товарищи!

За гуся взялся Чурсин, ловко разделал его. Все приняли активное участие в этом ужине. Смеялись, шутили, уплетая за обе щеки гусятину, ватрушки, пирожки, баурсаки. Кукин восхищался:

— Черт возьми! Вот так бы тещи и тести угощали каждый день. Ехать было бы гораздо веселее. Слушайте, товарищ командир дивизиона, ваша теща случайно не по пути живет? Дайте телеграмму, пусть навстречу выходит с гусем или поросенком. Мы не откажемся.

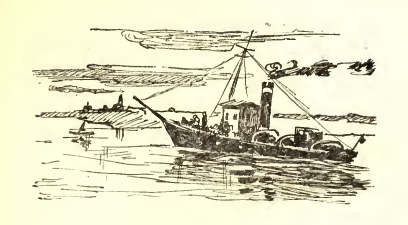
Все засмеялись.

Командир дивизиона стал печальным.

— Тесть и теща давно покинули этот мир. Между прочим, во время гражданской войны я ехал со своим эскадроном на Украину, в таком же вот вагоне. Они встретили меня на станции с жареными курами, утками и даже горилкой. Как сейчас помню, хороший ужин мы устроили.

После угощения все начали благодарить меня:

— Благодарите моего тестя, который приехал вовремя,— отшучивался я.— Он сразу завоевал мою симпатию с первой же встречи.

В ПУТИ

На одной из остановок мы с Кукиным решили пересесть в вагон, где ехали бойцы моего взвода.

Едва вошли в вагон, раздалась команда:

— Встать! Смирно!

Сидевшие бойцы вскочили и замерли.

— Товарищ замполит! Бойцы занимаются изучением ручного пулемета «Дегтярева»,— доложил помкомвзвода.

— Прошу садиться. Ну как едем, товарищи?

— Хорошо, хорошо,— ответило несколько бойцов.

Завязалась оживленная беседа. Красноармейцы непринужденно отвечали замполиту на все вопросы.

— Товарищ Дженчураев, ваш взвод оказывается самый интернациональный.— Кукин улыбнулся.— Кого только нет: и русские, и украинцы, и киргизы, и казахи, и татары...

— Да, товарищ замполит, все есть. А главное, живут дружно, как одна семья.

— Только так и должно быть,— сказал замполит.

— Товарищ замполит, бойцы хотят послушать ваш рассказ о боевых подвигах пограничников,— обратился к нему комсорг дивизиона Пшеничников.

— Если имеете желание, то с удовольствием могу рассказать один эпизод о двух пограничниках. Это было на восточной границе Советского Союза. Рано утром в один из осенних дней два пограничника, получив боевое задание от начальника погранзаставы, выехали на охрану госграницы. Легкий холодный ветерок дул с запада. Небо было затянуто серыми тучами. Старший наряда Сергей посмотрел на небо и указал на вершины гор.

— Посмотри, Гриша, вершины окутаны густым туманом. Как бы он не спустился ниже. Закроет наш сектор наблюдения, тогда трудно будет обнаружить нарушителей. А они только и ждут такую погодку.

— Ветер разгонит туман,— возразил ему товарищ.— Возможно, даже ночью выпадет первый снег. Тогда нам легче будет обнаружить следы.

Внимательно осматривая горы, прибыли они к указанному месту. Привязали коней в укрытии, а сами, заняв удобное место, начали вести наблюдение.

Это было единственное ущелье, проходимое в сторону госграницы. Оно протянулось на добрых десять километров с севера на юг. Отвесные бока были неприступны.

В полдень пограничный наряд обнаружил около тридцати всадников на своем участке. Они продвигались по ущелью в сторону границы. Пограничники уже ясно видели за спинами всадников винтовки. На каждой лошади перекинутые через седло хурджуны.

Старший наряда, не отрываясь от бинокля, сказал:

— Это вооруженные контрабандисты. Должно быть, с опием. Надо сообщить на заставу.

Он быстро написал донесение, прикрепил к ножному кольцу голубя и выпустил птицу. Голубь, покружившись над пограничниками, стал набирать высоту. Но в этот момент из-за высокой скалы вылетел ястреб и стал преследовать голубя. Через несколько секунд он настиг его и сбил. Закружились в воздухе белые перышки.

Старший наряда стукнул по колену кулаком:

— Ах, черт возьми! Откуда появился этот хищник? Не везет же нам. Расседлай моего коня. Я напишу записку, прикрепим ее к уздечке и отправим коня на заставу.

Младший наряда, сомневаясь в успехе, сказал:

— Пробьется ли? Ведь коню надо проскочить ущелье, по которому едут бандиты.

— Ничего, пробьется, умный конь. Мы своим огнем заставим залечь бандитов, в это время он и проскочит...

Он написал короткую записку, прикрепил к уздечке и похлопал коня по крутой шее:

— Ну, милый, на заставу на трех крестах, марш!

Конь, словно поняв хозяина, взглянул на него умными глазами и направился к ущелью. Он с хода перешел в карьер. В это время пограничники открыли дружный огонь по контрабандистам. Те, побросав своих коней, залегли за камни и открыли беспорядочную стрельбу.

Когда конь приблизился к ним, навстречу выскочило несколько бандитов. Они решили поймать его. Конь бросился прямо на них. Контрабандисты разбежались в разные стороны.

Конь мчался по ущелью. По нему открыли беспорядочный огонь и ранили его. В горячке он помчался еще быстрее.

Весь в крови прискакал конь к воротам заставы. К нему выскочил дежурный, взял за повод и тут же заметил записку. Вмиг донесение было в руках начальника погранзаставы. Бойцов подняли по боевой тревоге. К ущелью, на помощь пограничникам, понеслись два отделения...

Замполит сделал паузу и глянул на заслушавшихся бойцов.

— Товарищи, не утомил я вас своим рассказом?

— Нет, нет, товарищ замполит. Просим! Просим!

— Два пограничника вели неравный бой, окруженные контрабандистами,— продолжал замполит.— Младший наряда приподнялся и бросил гранату в подползавших к нему бандитов, но в ту же минуту упал сраженный пулей. Граната взорвалась в самой гуще врагов. Послышались стоны и проклятья. Воспользовавшись замешательством бандитов, старший наряда кинулся к товарищу.

— Григорий, Гриша, очнись! — тормошил он его.

Но Григорий был уже мертв. Старший наряда с еще большей ненавистью и злобой начал отбиваться от наседавших на него со всех сторон контрабандистов.

— Аскер, сдавайся. Мы хотим сохранить тебе

жизнь! — кричали они. Тогда он метнул гранату. Грохнул взрыв.

— Нате вам мою жизнь,— и метким выстрелом свалил показавшегося из-за камня бандита.

Он был окружен со всех сторон. Из-за камней кричали:

— Эй, аскер, не сопротивляйся, бросай оружие!

Пограничник швырнул последнюю гранату:

— Вот, берите оружие!

А товарищи спешили на помощь на взмыленных конях. Они услышали глухой взрыв и пришпорили коней. Начальник погранзаставы принял самое верное решение — ударить по врагу с тыла, отрезать их от границы.

Через несколько минут пограничники внезапно появились в тылу противника. Среди контрабандистов поднялась паника, путь отхода был отрезан. Враги пытались прорваться поодиночке, но попадали под губительный огонь. К вечеру они были полностью уничтожены.

Замполит закончил свой рассказ.

— Товарищ замполит, а старший наряда остался жив? — задал вопрос один из бойцов.

— Конечно жив. Он даже сидит среди вас.

— Среди нас?

Бойцы с недоумением стали смотреть друг на друга, отыскивая среди товарищей героя рассказа.

Замполит спросил:

— Ну, нашли? Он награжден именными часами за геройство от коллегии ОГПУ Союза ССР. Это командир отделения вашего взвода.

Все смотрели теперь на очень смущенного командира отделения. И тут же бойцы подхватили его на руки, стали подбрасывать.

Рассказ замполита глубоко запал в сердца слушателей. Они наперебой стали просить рассказать еще что-нибудь. И замполит согласился...

* * *

Ехали мы днем и ночью, нигде не задерживаясь. Както пронзительные гудки паровоза встревожили нас. Мы вскочили со своих мест. Медфельдшер дивизиона Вато-

лин подошел к полуоткрытой двери товарного вагона, стал всматриваться в туманную даль.

— Товарищи, подъезжаем к Астрахани! — радостно сообщил он.— Джаманкул, где-то недалеко должна быть древняя столица Хан-Батыя. Вы любите историю, я заметил это. Если будет время, мы пойдем с вами, посмотрим.

— Да, я очень люблю историю. Если будет время — посмотрим.

— Меня тоже возьмете, товарищ командир,— сказал ветфельдшер Чурсин.

— Хорошо.

Ватолин, смеясь, обратился ко мне:

— Чингиз-хан случайно не родня вам?

— Кажется, девяносто девятым коленом,— я тоже рассмеялся.— Разве вы не знакомы с историей?

— Знаю только то, что вот здесь была «Золотая орда», которая более двухсот лет сосала кровь русских, украинцев, белоруссов,— с грустью сказал Ватолин.

— Чингиз-хан держал в трепете не только Восточную Европу. Он покорил многолюдный Китай, Хорезмского шаха, у которого было в четыре-пять раз больше войск, чем у Чингиз-хана. Поработил он Афганистан и Среднюю Азию и другие государства, в том числе и тянь-шаньских киргизов, то есть мою родину. Целые века киргизы находились под пятой этого грозного и кровожадного хана и его бесчисленных потомков.

* * *

Погрузившись на пароход, мы покинули Астраханский порт и вышли в открытое море. Слева от нас проплывали крутые, обрывистые берега, а справа расстилалась безбрежная гладь морского простора.

Мне, жителю гор, впервые увидевшему море, все казалось невероятным, особенно такое обилие воды. Маленьким перышком казался проплывающий вдали пароход, пугали выпрыгивающие за бортом крупные рыбы. Но очень понравились непугливые белоснежные чайки, сопровождавшие наш пароход.

На следующий день, в нескольких милях от Гурьева, нас встретил пароход с руководителями партийно-совет-

ских и профсоюзных организаций. Они решили встретить нас прямо в море.

Пароходы остановились. Бойцы и командиры выстроились на палубе. По перекинутому с борта на борт трапу представители перешли к нам и открыли краткий митинг. Выступили с приветственной речью председатель горисполкома и секретарь городского комитета партии.

После митинга оба парохода направились в Гурьев. Прибыли туда днем. Выгрузив коней, весь дивизион строем двинулся на площадь, где собрались трудящиеся города, чтобы приветствовать наш отдельный оперативный дивизион, который назывался Гурьевским. Горожане встретили нас исключительно тепло и радушно. Площадь была заполнена доотказа.

Детвора с восхищением смотрела на кавалеристов. Под ними подтанцовывали отдохнувшие за дорогу кони. Бойцы красиво держались в седлах, сверкало на них вычищенное оружие.

В это время городская молодежь, видимо, только и мечтала стать кавалеристами, иметь таких же коней. Девушки не спускали глаз с бойцов, перешептываясь и указывая то на одного, то на другого кавалериста.

Митинг кончился, мы строем поехали по улице. Грянула дружная песня. Детвора сопровождала нас до самой конюшни. Теплая встреча жителей города радовала и трогала нас до глубины души.

Красноармейцы рассуждали:

— Как не защитить таких прекрасных людей? За них жизни своей не жалко!

Допоздна молодежь не покидала улицу, где разместился дивизион.

На следующий день с утра весь дивизион занялся устройством: приводили в порядок казармы, конюшни, конское снаряжение.

Воспользовавшись свободным временем, весь командный состав на конях поехал знакомиться с городом и его окрестностями.

Город был разделен рекой Урал на две части. Центр города находился на правом берегу. На левом расположился новый город — одноэтажные новые домики под железными крышами, выстроившиеся ровными рядами.

Гурьев — старый и новый — находился у самого устья реки Урал, недалеко от моря. В старом Гурьеве имелось несколько двухэтажных кирпичных домов, где размещались учреждения.

В окрестностях города еще сохранились окопы, траншеи, заросшие травой — следы былых боев гражданской войны.

— Товарищ политрук,— обратился я к Клигману,— давайте завтра поедем в Лбищенский район, где погиб Чапаев. Завтра — предвыходной день. Очень хочется посмотреть на все своими глазами. И другие товарищи тоже не откажутся.

— Правда, нужно завтра организовать такую поездку. Почтить память народного героя Чапаева на месте его гибели,— поддержал Клигман.

Переехав по мосту через реку Урал на левый берег, мы стали осматривать новый город, расположенный на песчаном побережье реки. Около новых домов были посажены деревья, которые принялись, но еще не успели разрасться. Тоненькие, хилые, они казались совсем жалкими на пустынных улицах. Вплотную подходила к новому Гурьеву узкоколейная железная дорога из Доссорского района, где добывали высококачественную нефть.

* * *

На следующий день, получив разрешение от командира дивизиона, мы выехали на машине АМО в Лбищенск. Дорога шла вдоль правого берега реки Урал. На голубом прозрачном майском небе не было ни единого облачка. Солнечные лучи освещали необъятные просторы степей, сливавшихся с горизонтом. Легкий ветерок разносил терпкий запах свежей полыни, ароматных степных цветов. Молодая сочная весенняя травка издавала своеобразный степной запах. Степь казалась огромным ковром, вытканным из разных цветов. После недельной дороги в теплушках мы не могли надышаться чистым воздухом. Тишина степного края казалась необъяснимой.

«Какие земли пустуют! — вдруг подумал я. — Такой простор! Нет ни скота, ни жилья. А сколько отар можно бы было прокормить!..»

Мои мысли прервал политрук, сидевший рядом:

— Дженчураев! Что размечтался? Кажется, это Лбищенск?

Через несколько минут мы подъехали к южной окраине села.

У небольшой церкви, выстроенной из жженого кирпича, мы остановились. С одного бока здание церкви было сильно разрушено. «По-видимому, вот здесь, на площадке колокольни, стоял пулемет Чапаева. Наверно, белоказаки обстреливали церковь из орудий, стараясь подавить огневую точку»,— подумал я.

Кирпичный дом рядом с церковью был разрушен. Остался один фундамент. Неподалеку было еще несколько таких же домов, совершенно развалившихся. Возле них сохранились неглубокие воронки, заросшие бурьяном... В окрестностях села виднелись окопы и траншеи, тоже заросшие травой.

К нам подошел пожилой человек. Мы спросили:

— Вы здешний?

— Да.

— Можете ли вы показать место гибели Чапаева?

— Я сам не видел, но старики показывали, где он утонул. Если хотите — пойдемте, покажу.

Он повел нас на восточную окраину села, к крутому правому берегу Урала.

— Это было двенадцать лет тому назад, осенью. Перед рассветом белые внезапно напали. Чапаев с небольшим отрядом стоял здесь, а его главные силы находились в другом месте.

Белогвардейцев было очень много. Чапаевцы сражались до последнего дыхания. Когда был ранен сам Чапаев, он вместе с адъютантом спустился с этого обрыва к реке и хотел переплыть Урал. Белые начали обстреливать плывущих. Чапаев не приплыл на тот берег, пуля сразила его в воде, и он утонул. Вот все, что я слышал,— закончил свой рассказ старик.

Мы сняли фуражки, встали по стойке «смирно» и простояли так несколько минут молча, глядя на мутные

воды Урала. Ими был унесен легендарный герой гражданской войны, верный сын Родины.

Сам Лбищенск почему-то показался мне мрачным; слишком свежа была память о Чапаеве.

Возвращались мы с песней о легендарном начдиве:

Но Чапаев не умер,
Чапаев живет!
Он, как знамя, всегда
впереди!..

СТОЙБИЩЕ БАСМАЧЕЙ

Позже мы узнали...

В ясный и теплый майский день более ста пятидесяти всадников расположились на левом берегу реки Эмба, под открытым небом. Сняв теплую верхнюю одежду, сидели на сухой песчаной земле и вели разговор о хорошей погоде, которая благоприятствовала им.

Недалеко от берега паслись спутанные и оседланные кони, жадно пощипывая свежую майскую траву.

Выставленный наблюдатель внимательно всматривался вдаль.

В вырытых на берегу очагах были установлены громадные котлы, в которых варилось мясо. Несколько джигитов собирали курай, сухие кустарники терескена и подносили к очагам.

У каждого очага стояло по два человека, один из которых подкладывал топку под котел, другой — черпаком помешивал бульон.

Сидящие басмачи с большим вниманием слушали пожилого человека лет шестидесяти, с небольшой седеющей бородкой, приплюснутым носом и поблекшими карими глазами. Это был посланец хана, которого послали объединить мелкие группы басмачей.

Посланец хана сделал паузу, оглядел всех пронизывающим взглядом и снова заговорил:

— Дорогие джигиты, я сегодня собрал здесь вас, чтобы рассказать обо всем. Вам уже известно: нашим ханом выбран тахсыр Тыналы, отец которого до Советов тоже был ханом. Тыналы я знаю как батыра. У него львиное сердце, он лучший стрелок. Хотя и старый, но его можно назвать лихим джигитом. Он ненавидел и ненавидит Советскую власть со дня ее рождения.

Тахсыр Тыналы и мы с вами стремимся возвратить прежнюю жизнь. Это цель, указанная нам самим Аллахом! До сих пор мы действовали отдельными мелкими группами, если в дальнейшем будет так, то нас быстро разобьют кызыл-аскеры. Мы должны создать единый кулак с единым начальником. Пора уже выполнить волю всевышнего. Сейчас как раз и наступило такое время: весна в разгаре, коням есть корм.

Другая наша цель: собрать побольше воинов за счет обиженных, недовольных советской властью. Кое-кого можно даже припугнуть и перетянуть к нам.

Мы не одиноки. Рядом действуют еще несколько отрядов. В Кара-Кумах, Кызыл-Кумах, на возвышенности Устюрте тоже наши джигиты. Учтите, и за границей у нас есть друзья, они тоже обещают нам помочь, как только мы начнем действовать по-настоящему.

Мы будем бить беспощадно кызыл-аскеров, уничтожать активистов, коммунистов и всех, кто будет стоять против нас. Я вам кратко сказал все. Как вы думаете?

Сидевшие полукругом басмачи зашевелились, стали переглядываться. Наступила тишина. Было только слышно фырканье коней, пасущихся неподалеку.

Молчание прервал один из сидящих. Привстав на одно колено и опершись правой рукой на рукоять камчи, он смело поднял голову:

— Тахсыр, я приветствую ваши слова. На днях я с своими джигитами был в Доссоре, в Гурьеве и в Жилой Косе. Там пока не видно кызыл-аскеров. Этот момент нам и нужно использовать. В Доссорском районе добывают нефть. Нужно налететь внезапно; разгромить милицию, захватить оружие и очистить райцентр. А нефтяные вышки поджечь. Пускай огонь будет виден всюду...

Отчаянную речь выступавшего поддержали несколько басмачей:

— Правильно, правильно, только так и надо!

Посланец хана, услышав одобрительные крики, улыбнулся. Приложив правую руку к груди, гордо произнес:

— Славные джигиты, вижу вас, как храбрых беркутов! Благодарю вас. Я понял, что мы все живем одними мыслями и желаниями. Дай, Аллах, мужества и здоровья в наших делах. Да пусть сопутствует нам счастье...

Воспользовавшись секундной паузой, один из джигитов — смуглый, молодой человек, с открытыми карими глазами, встал во весь рост и, прижав правую руку к груди, горячо произнес:

— Тахсыр, прошу извинения, что прерываю ваши мысли. Обо всем вы говорили хорошо. Я тоже согласен. Но мы не должны забывать народную поговорку, что палка имеет два конца. Пока нет кызыл-аскеров, мы возьмем Доссор и Жилую Косу. Ограбим, уничтожим неугодных нам людей. Когда придут кызыл-аскеры, они за это нас не пощадят. Об этом нам нужно подумать хорошенько. Как вы думаете?

Многие джигиты задумались над только что сказанными словами.

Посланца хана на минуту парализовала речь этого смело выступившего человека. Его бегающие острые глаза остановились на нем, но он вдруг оживился и наставительно заговорил:

— Джигит, как тебя зовут, не знаю. Но ты, видимо, трусоват и, наверное, не понял, о чем я говорил. Сколько наших отрядов и где они действуют? С таким заячьим сердцем и такими мыслями тебе не воевать, а только воду возить и обед готовить. Благодари аллаха, что нет здесь сейчас Тыналы-хана. Он бы поговорил с тобой подругому. Но я, его посланец, милостив. На первый раз прощаю тебе неумные речи.

— Тахсыр, меня зовут Мергеном, я не допонял вас, прошу прощения,— он опустил голову на грудь и приложил правую руку к сердцу. Немного постояв в таком положении, джигит пересел в другое место, позади всех.

Помощник хана проводил молодца злобным взглядом и негромко произнес:

— За признание своей вины на первый раз простим
Несколько голосов подхватили:

— Да, простим. Простим его!

Однако в душе Мерген считал, что он прав. Несколько джигитов тоже задумались над словами смельчака, а главное — о двух концах одной палки.

На этом сборище басмачи решили объединить все мелкие группы в один отряд. Руководство этим отрядом взял в свои руки посланец хана. Нападение на Доссор назначили в пятницу, на рассвете.

Джигиты подали кушать. Предводитель с несколькими приближенными уселись кружком и принялись за еду. На большом деревянном блюде горой лежало мясо, куски курдючного вареного сала, а сверху баранья голова.

С большим достоинством предводитель принял из рук джигита баранью голову. Вытащив из-за пояса нож, он принялся умело и привычно разделывать ее.

Мысли его бежали быстро. Они были красочными и радостными. Он думал: «Я сумел организовать отряд. Через неделю со своими джигитами разгромлю райцентр Доссор. А потом, может быть и Жилую Косу и даже Гурьев. Дай, аллах, нам удачи!»

Он почувствовал себя молодым, вспомнил свою молодую жену. Как он ее обрадует своим новым положением! Она полюбит его еще сильнее, несмотря на старость. Довольный самим собой, он пригладил бороду, улыбнулся, крякнул от удовольствия.

После трапезы басмачи воздали благодарность аллаху словами: «Аллах-акбар».

И молитвенно провели ладонями по лоснящимся от жира лицам.

К вечеру, вскочив на коней, они ускакали на ночлег, оставив на песке обглоданные бараньи кости.

* * *

Все командиры собрались у командира дивизиона. Вытащив из маленького кармашка брюк часы, он покачал головой и твердо сказал:

— Товарищи, нам пора идти на совещание.

Вошли в зал, где уже сидели сотрудники окружного ОГПУ. Поздоровавшись с ними, мы заняли свободные места. Долго ждать не пришлось.

Начальник окружного ОГПУ обвел всех взглядом, как бы проверяя, все ли из приглашенных на своих местах. Он был выше всех на целую голову. Атлетического сложения, смуглый, с крупной, крепко посаженной головой. Густые изогнутые брови, темно-карие открытые глаза. Крупный, энергично выдвинутый подбородок, придавал его лицу строгость и решительность. «У этого человека голова холодная, а сердце горячее»,— подумал я, вспомнив слова Дзержинского.

Говорить он начал обстоятельно, твердым, звенящим голосом:

— Товарищи, народ нашей необъятной страны под руководством большевистской партии борется за выполнение пятилетки в четыре года. Рабочий класс идет в авангарде этой борьбы. Наши успехи налицо. Империалистов бесят наши достижения, и они всеми силами стараются помешать строительству социализма в СССР, сорвать выполнение пятилетнего плана и коллективизацию. Вредительство, диверсии, бандитизм — вот их излюбленное оружие. Фактом может послужить нападение большой вооруженной банды басмачей на форт Шевченко. Басмачи большими группами действуют на возвышенности Устюрт, в Кара-Кумах, Кызыл-Кумах. Грабят и убивают преданных советской власти людей. Вот еще один факт. На днях несколько групп басмачей приняли решение из мелких групп сколотить крупный басмаческий отряд и совершить внезапный налет на нефтяные промыслы Доссора. Ликвидация этой волчьей своры поручена Гурьевскому оперативному дивизиону ОГПУ в районе возвышенности Устюрт, в первую очередь в районе реки Эмба и Доссоре. Есть ли вопросы?

Задача была ясна.

* * *

На следующий день поступили сведения о том, что геологической партией, работающей между Доссором и рекой Эмбой, была замечена большая группа вооруженных бандитов на правом берегу Эмбы. А в полдень бас-

маческих разведчиков увидели на восточной окраине Доссора.

В тот же день наш взвод прибыл в Доссор.

Районные партийно-советские организации, рабочие нефтяных промыслов уже создали самооборону. Жители в районном центре находились в тревожном состоянии. Их пугало появление басмачей вблизи райцентра. Они очень обрадовались нашему приходу.

— С неба свалились? Откуда бог послал вас? — смеялись и шутили они.

— Что вытворяют бандиты — и богу не нравится. Вот он и попросил нас усмирить их,— отвечали на их шутки бойцы.

Взвод Митракова, проделав форсированный стокилометровый поход на конях, прибыл к вечеру следующего дня. Этот взвод оставили для охраны райцентра Доссора.

Взяв с собой проводника, хорошо знающего местность, я со своим взводом на двух машинах выехал в район, где был замечен крупный отряд басмачей. Но здесь мы их не обнаружили. Подъехали к реке Эмбе — мутной и грязной. Она уносила к морю целые острова прошлогодней травы и кустарник.

Берег с нашей стороны, крутой и песчаный, размывался и обваливался прямо на глазах. Переправы не было. Ниже по течению, километрах в пяти, нашли удобное место для переправы. Обмотав моторную часть машины брезентом и кошмой, на быстрой скорости проскочили на противоположный берег. Шофер от радости был на седьмом небе.

— Вот я знаю теперь, как переправить машину через реку!

На левом берегу обнаружили следы стоянки: на песке валялись обглоданные кости, вся местность вскопычена. Следы уходили по направлению «Барса Кельмес».

— Товарищ проводник! Скажите, почему эта местность называется «Барса Кельмес»? — спросил командир дивизиона.

Проводник начал рассказывать:

— По древнему преданию два джигита поспорили меж собой. Один из них похвалился, что эту местность пройдет пешком от края до края. Другой доказывал, что это невозможно: безводные пустыни, где нет ни колод-

цев, ни рек, и большое расстояние похоронят любого смельчака. Поспорили на таких условиях: «Возьмешь воды, продуктов, сколько у тебя сил хватит донести. Пойдешь туда, и если живым вернешься, я тебе дам верблюда, лошадь и двух баранов. Кроме этого, будешь называться батыром»,— таков был уговор.

Самоуверенный молодой и сильный джигит согласился в присутствии целого рода на такие условия и отправился в путь от реки Эмбы в сторону Аральского моря.

Шел сутки, вторые, десятые, а конца не было видно. У него закончились вода и продукты. Но он так и не вышел к морю и не вернулся в родной аул. Поэтому так и называется эта местность: «Барса Кельмес» — «Пойдешь — не вернешься»... — закончил свой рассказ проводник.

Следы басмачей уходили на восток. Мы возобновили преследование. Проехали еще 150 километров, но они ушли еще дальше, к Аральскому морю. Видимо, пошли на соединение с другими группами, действующими на возвышенности Устюрт.

Басмачи были осведомлены о прибытии воинской части в Гурьев и Доссор и не решились напасть на нефтяные промысла и районный центр. Нашему дивизиону оставалось только одно — выехать в форт Шевченко и оттуда начать операцию по ликвидации басмачей.

В Доссоре бойцы побывали на нефтяных вышках, интересовались их работой. Бакинские инженеры, мастера, техники, приехавшие поделиться своим опытом и оказать помощь местным нефтяникам, с удовольствием объясняли и показывали нам способы добычи нефти.

Мы, командиры и бойцы, со своей стороны заверили нефтяников, что их покой и труд будет в полной безопасности, а басмачи, классовые враги советского народа, будут ликвидированы.

Попрощавшись с рабочими и служащими, мы вернулись в Гурьев.

РАЗВЕДКА

В конце мая к пристани форт Шевченко причалил наш пароход. Наш дивизион разместился в здании районного ОГПУ.

Воспользовавшись свободным временем, мы с Клигманом пошли осматривать районный центр Мангышлак и его окрестности.

Город расположен на песчаном берегу Каспия. По некоторым улицам тяжело было ходить. Ноги утопали в сыпучем песке. Побродив порядочное время, мы подошли к памятнику Тараса Шевченко. Сели отдохнуть на каменную плиту постамента, а потом стали рассматривать в бинокль морскую равнину. Море было спокойным. Временами налетавший слабый ветерок чуть-чуть рябил поверхность.

На далеком горизонте, на стыке воды и неба, море казалось совсем прозрачным. Множество разноцветных, искрящихся косых лучей солнца отражались на его бескрайней поверхности, казавшейся с берега огромным зеленоватым выпуклым стеклом.

Чайки, радуясь тихому весеннему дню, то взлетали с криком, то опускались так низко к воде, что касались ее своими серебристыми крыльями.

Недалеко от нас рыбаки дружной семьей вытаскивали сети с богатым уловом. Для меня, тяньшаньца, море всякий раз открывалось с какой-то новой стороны. Наблюдая за таким необъятным водным пространством, без конца и края, я как-то терялся — ничего подобного мне не приходилось видеть. Я только думал в такие минуты о чудесах природы, одним из которых было море...

Сидящий рядом политрук Клигман обратился ко мне:

— Дженчураев, ты знаком с биографией тараса Шевченко?

— Немного.

— Я тебе вкратце расскажу. Кстати, ты руководишь политзанятиями, надо знать таких великих людей. В этой вот пустыне семь лет томился Тарас. В ссылке написал революционные поэмы, стихотворения. И вот в этих песках он вырастил сад...

Клигман задумался, а потом задушевно стал читать бессмертные строки:

...Вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите...

В этот момент подошел связной и, приложив руку к козырьку, обратился к нам:

— Товарищ политрук и товарищ комвзвода, вас приглашает к себе командир дивизиона.

Мы встали, взглянули еще раз на море и зашагали вслед за красноармейцем. Каждый думал о своем.

Хотелось еще посидеть, полюбоваться этой прекрасной природой, помечтать, но предстояли неотложные дела.

Когда мы зашли в комнату командира дивизиона, на его столе была разложена карта и он разговаривал с двумя местными жителями.

— Вот, товарищи командиры,— начал он,— сижу над этой допотопной картой. Здесь нет рельефа местности и не указаны колодцы. Нанесены только Аральское и Каспийское моря; отмечены пунктиром Кара-Кумы и возвышенность Устюрт. Но вот эти проводники будут хорошей картой и компасом. Мне их рекомендовал районный комитет партии и райисполком как честных, предан-

ных товарищей. Вот это товарищ Гали, а это — Мурат, познакомьтесь.

Гали был высокий, плотный, широкоплечий гигант с рыжеватыми усами, мускулистый, загорелый. Густые, выгоревшие, с изломом брови нависли над темно-серыми, чуть косо посаженными глазами. Тонкий орлиный нос с широкими ноздрями придавал лицу суровый и немного злой вид. При разговоре он добродушно улыбался, лицо его становилось простоватым и красивым.

Второй, сидящий рядом, Мурат, среднего роста, с небольшой бородкой с проседью, свисавшими вниз усами. Взгляд умный, открытый. На переносице залегли глубокие морщины, говорящие о его настойчивом и твердом характере. Сильные руки с длинными пальцами немного не соответствовали его фигуре. Ему было около пятидесяти лет.

У меня мелькнула мысль:

«Как он похож на моего покойного отца Дженчоро, которого мы звали Жеке. Только он был ростом повыше и шире в плечах.

Я обратился к командиру дивизиона:

— Я его буду звать Жеке.

Он в недоумении посмотрел на меня. Мурат тоже с удивлением поднял голову. Я, не дожидаясь вопроса командира, сразу объяснил:

— Я Мурата хочу называть Жеке, потому что он очень похож на моего покойного отца.

Все засмеялись. Мурат от удовольствия благодарно улыбнулся, обнажив ряд белых зубов.

— Я от таких сынов не откажусь.

И с тех пор его все называли Жеке...

Командир дивизиона отпустил обоих проводников, предупредив, чтобы через час Гали был готов в путь.

— Ну, товарищи, обстановка такова: басмачи действуют большими и малыми группами на возвышенности Устюрт и в Кара-Кумах. В тридцати километрах, в местности Кара-Кынды, орудуют более ста пятидесяти вооруженных басмачей. Если они все еще находятся там, то во что бы то ни стало нужно их разгромить. Выполнение этой важной задачи возлагаю на вас, товарищ Дженчураев. С вами поедут политрук Клигман, уполно-

моченный ОГПУ Попов и проводник Гали. Выступать через час.

В точно указанное время кавалерийский взвод выступил вперед. К десяти часам вечера мы уже были в указанном месте.

Кара-Кынды представляла собой сильно пересеченную барханистую местность, со множеством котловин, где можно было легко укрыть до трехсот всадников.

Днем до нашего приезда банда находилась там же в аулах, требуя выдачи активистов и комсомольцев, которые до прихода басмачей успели уйти и укрыться в барханах.

Басмачи, узнав о прибытии отряда Красной Армии в форт Шевченко, поспешно ушли к одному из совхозов на отобранных у жителей хороших конях.

Выяснив обстановку, я с одним кавалерийским отделением выехал на разведку по следам банды. Два отделения с политруком Клигманом остались на месте для организации разведки окрестностей Кара-Кынды.

Утром следующего дня мы достигли животноводческого совхоза, преодолев за ночь семидесятикилометровое расстояние. В совхозе были только женщины и дети. а взрослые мужчины, узнав о приближении басмачей, ушли в пески.

Женщины с радостью и слезами встретили нас и наперебой стали рассказывать, как разбойничали здесь басмачи. Весь скот угнали, магазины разграбили. Басмаческий предводитель со своими головорезами, согнав оставшихся жителей, заявил, что с сего дня они переходят в их управление и теперь только с ними будут иметь дело.

Все местные жители обязаны помогать ак-аскерам (белой армии), которые борются против Советов и коммунистов и являются «подлинными защитниками дехкан».

После этого банда ушла в направлении гор Кара-Тау и Ак-Тау, находящихся в сорока километрах южнее совхоза.

Дав коням и людям отдых, мы двинулись по следам банды. Вскоре достигли Кара-Тау и Ак-Тау.

Горы возвышались на ровной долине, как острова. Высотой они не более пятисот метров, каменистые, совершенно лишенные растительности.

Половина этих гор состояла из черного камня, другая — из белого. Поэтому, видимо, жители этих мест называли Кара-Тоо и Ак-Тоо, что означает черные и белые горы.

На южном склоне гор, в двух километрах, мы обнаружили около десятка оседланных и пасущихся коней и дым от костров.

«Это заслон или разведка»,— заключил я.

По дыму костров можно было предположить, что басмачи готовили ужин.

К ним можно было незаметно подойти с западного склона по старому руслу реки глубиной метра в три. Это русло, не доходя метров двести до места стоянки басмачей, сворачивало и уходило к ним в тыл. С южной стороны, где паслись кони, метрах в трехстах от русла, находился холм, господствовавший над всей местностью.

Оценив обстановку, решили окружить басмачей и взять в плен. Незаметно спустились с горы в старое русло и двинулись по нему.

Не доезжая метров пятисот до местонахождения басмаческой группы, я приложил бинокль к глазам и увидел, как человек пятнадцать возились около двух костров и что-то пили из чашек. Занятые этим делом, они ни разу не взглянули в нашу сторону. Из ведер, висящих над кострами, доставали, по-видимому, вареное мясо. Они были так заняты своим делом, что даже не выставили наблюдетелей. Я про себя подумал:

«Наверное, вам не суждено есть это мясо. Скорее всего, оно достанется нам, но ваш труд будет учтен».

Пулеметчик занял огневую точку на холме и приготовился к бою.

Мой помощник с группой бойцов наступал с севера, а командир отделения с другой группой — с западной стороны. Я заранее предупредил бойцов: без приказа не открывать огонь. Короткими перебежками, от укрытия к укрытию, пошли в наступление. Басмачи нас заметили, когда мы подошли к ним на расстояние двухсот метров. Они схватились за оружие и подняли беспорядочную, бесприцельную стрельбу. Наш пулемет и стрелки откры-

ли огонь по ним. Часть басмачей успела вскочить на коней, но их срезали наши пули. Нам удалось окружить оставшихся в живых.

Уйти от нас басмачам было некуда. Внезапное нападение вызвало среди них панику. Бандиты действовали против нас неорганизованно, но некоторые из них отчаянно сопротивлялись. Бой продолжался всего полчаса. Заслон басмачей был полностью разбит.

От захваченных в плен узнали, что эта группа находилась в заслоне, прикрывая главные силы, которые расположились южнее в тридцати километрах возле пресного колодца. Банда насчитывала более двухсот всадников.

У разгромленного заслона изъяли пятнадцать оседланных коней, винтовки разного образца, из них большинство иностранных, сабли, кинжалы, а также несколько мешков, битком набитых мануфактурой, чаем, махоркой — из ограбленных магазинов.

Здесь мы сделали небольшой привал. Напоили коней и накормили бойцов.

Это было как раз кстати: бойцы уже третий день не ели горячей пищи. Получилось так, что басмачи словно ждали нас, почетных гостей, и приготовили на ужин мясо молодого барашка и даже голову для аксакала — все как положено по восточному обычаю.

Мы «пожалели», что сами хозяева не присутствуют при угощении.

Красноармейцы уплетали мясо, запивая его наваристым бульоном.

Солнце было на закате. Жара еще не спадала. Вдали искрились вершины барханов, освещенные последними багрово-красными лучами уходящего за горизонт солнца. С севера на юг на протяжении многих десятков километров тянулись барханы, которые казались застывшими седыми волнами сказочного моря. На них росли редкие кустарники, небогатые своими красками.

После короткого привала мы двинулись в путь, к животноводческому совхозу. Ехали всю ночь и утром до восхода солнца прибыли на место.

Наша разведгруппа за трое суток совершила двухсоткилометровый переход по пересеченной и песчаной местности. Людям и коням необходим был отдых.

Бойцы засыпали на ходу. Мы остановились у одного совхоза. Нам вскипятили чай и подали в пиалках. С шутками и разговорами все приступили к чаю, стали размачивать галеты, которые были тверды, как камень.

Попов двумя пальцами держал галету, наполовину погрузив в чай, ждал, когда она хоть немного размокнет. Но так и не дождался — опустил голову на грудь и уснул с галетой над пиалкой чая.

Я тронул его за плечо:

— Попов! Попов! Пальцы обожжешь! — Но он даже не шевельнулся. Я взял его за плечи, положил на кошму и подложил под голову серый армейский плащ.

Пожилая женщина, угощавшая нас чаем, покачала головой, тяжело вздохнула:

— Бедненький! И нам нет покоя и вам от этих бандитов! У нас была одна корова — и ту они угнали с совхозным скотом. И чая нет: магазины ограбили и ушли. Хотя бы на этом успокоились, а то еще могут вернуться и нас могут угнать. Мужья наши убежали от них, может быть, их в живых уже нет.

Она обратилась ко мне:

— Сынок, скажи, когда вы покончите с ними? Чего нянчитесь? Раньше баи-манапы кровь нашу пили, а теперь проклятые басмачи не дают житья.

— Мамаша,— сказал я, успокаивая ее,— они будут наказаны по заслугам. Мы разобьем их и очень скоро. Эти люди подкуплены иностранными капиталистами, которые являются злейшими врагами советского народа. Больше в вашем совхозе они не появятся.

— Пусть они сквозь землю провалятся! — сказала она обрадованно.

— А насчет чая, мамаша, не беспокойтесь. Мы отобрали у басмачей мешок чая и три мешка с мануфактурой. Все это сдадим вашему продавцу, пожалуйста, берите. И из района вам пришлют все необходимое. Из пятнадцати коней, отнятых у басмачей, выберете себе любую лошадь — за угнанную корову. Есть и кобыла с жеребенком, можете делать кумыс.

Она была рада и все благодарила:

— Спасибо, спасибо нашим защитникам-аскерам. Муж, если живой вернется, будет очень рад, лошади у

нас не было,— слезы радости навернулись на глаза пожилой женщины.

В это время зашел помкомвзвода Хорошаев и доложил, что по тропе, по которой мы только что проехали, движется много пеших и конных.

Я задумался...

— Кто может быть?

Хорошаев сказал:

— В бинокль я наблюдал — в руках у них как будто оружие.

Я дал команду:

— Поднять людей по тревоге. Незаметно занять постройки, подпустить на сто пятьдесят метров. Открывать огонь только по моей команде!

Помкомвзвода ушел. Я вышел за ним и начал наблюдать в бинокль. Примерно пятьдесят человек конных и пеших приближались к совхозу.

Мы подпустили их метров на двести и я крикнул:

— Стой! Слезайте!

— Мы свои. Рабочие и служащие совхоза! — голоса звучали радостью.

— Мы видели вчера вечером, как вы воевали с басмачами. Но придти домой боялись,— наперебой кричали они.

Из работников совхоза создали боевую группу. Вооружили рабочих винтовками, отнятыми у басмачей.

В четыре часа дня мы выехали в Кара-Кынды, где оставили Клигмана с двумя отделениями бойцов.

Семидесятикилометровое расстояние прошли за двенадцать часов и на рассвете были на месте.

Политрук проинформировал меня о том, что есть распоряжение командира дивизиона сегодня же выехать к колодцу Сенек. Туда он прибудет со своим штабом и взводом Митракова.

Я обратился к проводнику:

— Гали, ты знаешь пустыню? Скажи, где находится колодец Сенек и как до него добраться? Есть ли на пути колодцы?

Не задумываясь, он сразу ответил:

— Эге! Это далеко,— качая головой, указал пальцем на юго-восток,— не меньше трех дней туда ехать. Большие барханы, пески. Нет конца. Не зная туда дороги,

можно блуждать, возвращаться в одно и то же место несколько раз. На пути имеется один колодец с пресной водой.

Дав людям и коням двенадцатичасовой отдых, мы снова тронулись в путь.

Несмотря на то, что наступил вечер, жара не спадала. От раскаленного дневным зноем песка веяло нестерпимой духотой. Температура в тени была выше пятидесяти градусов.

Маршрут выбрали через совхоз, в котором были накануне. От совхоза повернули на юго-восток и взяли путь прямо на колодец Сенек.

В восемь часов вечера подъехали к двум холмам, которые выделялись на этой местности своей высотой. Они были удобны для наблюдения и обороны в случае нападения басмачей. Решили здесь заночевать, чтобы дать отдых коням и бойцам, а рано утром продолжать марш.

Наступающая ночь не принесла прохлады. Было душно. Раскаленный песок обжигал копыта коням, они беспрестанно переминались с ноги на ногу.

Фельдшер Ватолин, смерив температуру, шутил:

— В тени +60°, плюс к этому наша собственная — тридцать семь градусов. Скоро закипим, как чайники.

В этот момент прибежал командир отделения и обратился к Ватолину:

— Красноармеец Бурков лежит без сознания, видимо, солнечный удар.— Фельдшер торопливо побежал оказать помощь...

Дав указание своему помощнику о боевом обеспечении, мы с политруком Клигманом взобрались на возвышенность и стали вести наблюдение над прилегающей местностью.

Пост, находящийся в западном направлении, доставил мне одного неизвестного человека и доложил, что его задержали. При обыске оружия не обнаружили, кроме большого азиатского ножа.

Задержанный стоял в трех шагах от меня, приложив правую ладонь к груди. Слегка наклонив голову и корпус вперед, он приветствовал:

— Ассалям алейкум!

Я в свою очередь ответил на приветствие:

— Алейкум-салам! Слушаю вас!

— Меня зовут Мергеном, послан сюда с письмом от предводителя ак-аскеров, от таксыра Бек-Булата,— и начал искать в карманах письмо.

За этот короткий промежуток времени я успел его рассмотреть. Ему было лет тридцать пять, среднего роста, плотный, безбородый, небольшие черные усы, густые черные брови, прямой нос, загорелое бронзовое лицо. По внешнему виду спокойный, но видно, хитрый и умный.

Вытащив записку из внутреннего кармана, он торопливо подал ее мне и встал на прежнее место. Я предложил ему присесть.

— Для приема гостей у нас нет обстановки. Но зато здесь свежий воздух, дышать хорошо,— сказал я.

Он сел на песок, сложив ноги по-азиатски.

Я развернул письмо, написанное арабским шрифтом:

«Командиру Красной Армии!

Если вы не трус, встретимся с вашими войсками завтра в двенадцать часов дня в районе двух длинных холмов. Где мы находимся, скажет мой посланец. Предлагаю после вручения моего письма вернуть нашего посланца с ответом. Бек-Булат».

Пока я читал, посланец несколько раз поднимался и пересаживался на другое место. Видимо, раскаленный дневным зноем песок не давал ему спокойно сидеть на одном месте.

Я спросил:

— Что вас беспокоит, добрый гость?

Он улыбнулся в усы и ответил:

— Песок слишком горячий, сидеть невозможно.

— Посланец таксыра, а где же находятся два длинных холма? Далеко ли до них?

Он ответил:

— Отсюда в двадцати километрах на запад.

— А где же находится в настоящее время Бек-Булат и сколько у него басмачей? Какое у него вооружение?

— Когда я уезжал, они находились севернее в десяти километрах от двух холмов. У него около трехсот человек. Вооружены винтовками, охотничьими ружьями, саблями, пиками, и у некоторых имеются наганы.

— Сколько у них винтовок и какие? Много ли боеприпасов?

— Я не считал. Примерно половина вооружена винтовками, имеются английские, персидские и беш-атар-русские (трехлинейка). А патронов по тридцать-сорок на каждого.

— Где приобрели эти винтовки?

— Не знаю точно. Говорят, что была война в форте Александровске (ныне форт Шевченко на Каспийском море) в 1919 году между Красной Армией и англичанами. Тогда они подобрали и попрятали, а сейчас они, говорят, ждут оружие из-за границы.

— А когда будет Бек-Булат со своим войском в районе двух длинных холмов?

— Не знаю.

— Почему он сегодня не хочет встретиться с нами, а завтра?

— Не знаю... не спрашивал...

— А почему именно он хочет встретиться в районе двух длинных холмов, а не в другом месте?

— Там есть колодец с пресной водой, а без воды в этих песках сдохнешь без аллаха.

— Еще какие задания они вам давали, кроме письма?

— Больше никаких указаний не получал.

— Скажите правду, от души, кто был ваш отец: богатый или бедный?

— Мой отец был середняк — до советской власти и после.

— В колхоз вступали?

— Нет.

— Почему?

— Правду говоря, мы привыкли жить единолично, распоряжаться сами собой.

— Каким образом ты попал к басмачам? Грабите, убиваете честных людей, идете против бедняков. А ты ведь тоже крестьянин.

— Правду говоря, я случайно попал в басмачи. Но я оружия в руки не брал и никого не убивал. Басмачи меня затащили насильно. Грозили вырезать мою семью, если я не пойду с ними.

— Таких, как ты, много среди них?

— Есть...

— Как вы думаете, кто победит: басмачи или Красная Армия?

Он молчал некоторое время, опустив глаза, потом промолвил:

— Красная Армия победила белого царя вместе с его войском, а наши против аскеров, как песчинка в пустыне.

— Может быть, вы не вернетесь туда? Останетесь с нами и вместе будем бить ваших басмачей? — спросил я его.

— А кто же доставит ответ тахсыру?

— Вот поедет и сообщит он,— указал я на проводника Гали.

Гали с презрением смотрел на посланца басмачей, как орел на лисицу, готовый броситься, вцепиться сильными когтями и задушить в один миг. Его глаза горели ненавистью, и он сердито произнес:

— Вы портите чистый воздух, шайтаны! Ваша шайка

разбойников мечтает вернуть старое. Но этого никогда не будет!

Не на шутку разошелся Гали. Злоба и ненависть кипели в нем, он был готов растерзать посланца.

— Скажи своим головорезам, что скоро, скоро им придет конец. Мне даже противно сидеть рядом с тобой.

Он встал, отряхнул чапан, как будто какая-то зараза пристала к его одежде, вскинул на плечо винтовку и пошел прочь крупными шагами в сторону сидевших бойцов.

У Мергена выступили на лбу крупные капли пота. Опустив голову, он молчал. Он долго не мог вымолвить слова. Кашлянув, хриповатым голосом начал:

— Видимо, мы с ним одной нации. Но он прав, за его презрение и ненависть ко мне я не обижаюсь. Действительно, мы портим чистый воздух. Начальник, если вы разрешите, то я останусь у вас.

— В таком случае я вам дам хороший беш-атар (трехлинейку). Завтра в двенадцать часов мы встретимся с вашим тахсыром и его войском, а вы будете лежать рядом со мной и стрелять в них. Из каждых двух пуль должны уничтожить одного басмача. Согласны?

Он встал во весь рост и, низко опустив голову, произнес:

— Я на все согласен.

— Если мы отпустим тебя, ты сможешь заняться честным трудом?

— Клянусь аллахом и даю честное слово, буду трудиться,— его глаза засияли радостью.— Пусть бог будет свидетелем, я хочу сказать правду. Мне давно стала противна эта среда. Недавно они поймали двух активистов, так издевались над ними, пытали и замучили насмерть Это звери, а не люди. Я не один так думаю. Но уйти от них и жить мирной жизнью — боимся. Они уничтожат не только нас, но и наши семьи. Вот вы здесь беседуете со мной вежливо, как равный с равным. Если бы аскеры попали к ним, то они разговор вели бы камчой, кулаками, а потом ножом.

Тяжело вздохнув, он посмотрел на меня, и глаза его затуманились.

— Как мне быть дальше, товарищ командир?

— Мерген! Ты сейчас только раскрыл всю свою душу

и понял все. Советские воины — защитники, свой трудовой народ в беде никогда не оставят. Мы вас завтра отпустим. Но в своем стойбище расскажите своим друзьям, чтобы они покинули бандитов. Вернувшихся к трудовой честной жизни Советское правительство прощает, а заядлые враги советского народа будут беспощадно наказаны. Ну, как, джигит, подумаешь? Сможешь рассказать правду?

— Я понимаю. Вы мне указываете правильный путь и помогаете не только мне, но и многим другим. Конечно, разговор я должен вести осторожно и не в один-два дня, а постепенно. Вы можете мне верить!

Закончив разговор с посланцем тахсыра, мы с политруком пошли проверить организацию охраны.

В два часа ночи я встал, обошел все посты, подошел к бойцам. Они лежали на теплом мягком песке, подложив под головы свои плащи, сжимая в руках винтовки. Только было слышно похрапывание и сонное бормотание. Большинство людей стонало во сне: видимо, бойцам снились тяжелые и тревожные сны.

Ночь была такая тихая, что в этой тишине можно было бы услышать жужжание мухи.

В семь часов утра мы отпустили Мергена, чтобы он доложил своему предводителю, что кызыл-аскеры встретятся с ними в двенадцать часов у двух длинных холмов.

— Передайте это письмо тахсыру Бек-Болоту и скажите, чтобы к нашему прибытию приготовил бешбармак по всем правилам восточного обычая, а оружие сложил в одном месте. Чтобы выстроил своих басмачей и сам Бек-Болот встретил нас хлебом-солью. Иначе его банда вместе с ним будет разгромлена и стерта с лица земли.

Я подал посланцу письмо.

Мерген поскакал. Долго еще мелькала меж холмов, то появляясь, то снова исчезая, фигура всадника.

И тут же послали боевую разведку с проводником Гали в составе одного отделения с пулеметом по следам только что ускакавшего посланца.

Я, Клигман и Попов сели обсуждать план действия. Решили наступать с трех сторон, с охватом.

В восемь ноль-ноль выступили вслед за боевой разведкой с усиленным охранением флангов и тыла нашей колонны.

Проехав пятнадцать километров, обнаружили множество конских следов. Следопыт отряда определил, что давность их — прошедшая ночь. Следы уходили в ту сторону, где мы должны были встретиться с басмачами.

Боевая разведка стремительно двигалась вперед.

Местность была сильно пересеченная: барханы, холмы, глубокие лощины и заросли саксаула.

Не доезжая до места встречи километров двух, остановились, произвели тщательную разведку окрестностей. Но басмачей не обнаружили.

Передовая разведка дала сигнал: «Банда не обнаружена, можно двигаться дальше». Возобновили движение.

Через десять минут разведка достигла двух длинных холмов, обыскала местность и дала сигнал:

«Двигайтесь, дорога открыта».

Прибыли туда, обнаружили много вырытых басмачами окопов, свежие следы людей. Они, видимо, покинули местность час тому назад и скрылись в южном направлении.

Когда мы подъехали к колодцу, обнаружили, что он забросан дохлыми собаками и ишаками. Сделали привал. Одно отделение послали в разведку.

До колодца Сенек оставалось примерно пятьдесят километров. На этом расстоянии больше не было источников воды. Я дал распоряжение очистить колодец. Воду откачивали брезентовыми ведрами, углубили колодец еще на целых полметра.

В течение двадцати-тридцати минут вода поднялась на полметра. Напоили коней, запаслись водой. Через три часа вернулась наша разведка, которая пошла по следам басмачей. Доложила:

— След идет на юг. Ехали быстро, но банду не встретили.

Я спрашиваю проводника Гали:

— Где банда и наш бешбармак?

Он со смехом ответил:

— Этот друг Мерген напугал их. Они сиялись и ускакали. Больше сюда не вернутся. Они забросали колодец дохлятиной, чтобы мы без воды остались. Жаль, жаль, а то сегодня я хотел быть аксакалом на баранью голову...

Попов перебил:
— Гали! Как! Вам не оставили бешбармак и голову? Вон лежит ишак. У него голова больше, чем у барана.
Красноармейцы громко захохотали.

* * *

Позже мы узнали...
Когда Мерген прибыл на стойбище, предводитель басмачей Бек-Болот встретил его холодно и недоверчиво. Прищурив злые ненавистные глаза, он начал допрос. Мерген тоже смотрел на Бек-Болота смело и нисколько не терялся, чувствуя в себе уверенность. Вокруг Мергена и главаря образовался плотный круг басмачей.
— Почему долго ездил? Почему не вернулся вчера вечером? — резко спросил Бек-Болот и приказал доложить подробно о встрече с командиром кызыл-аскеров и разговоре с ним. Среди басмачей царило выжидающее молчание. Мерген, не торопясь, начал рассказывать:
— Я только сегодня утром нашел кызыл-аскеров и передал ваше письмо. Их командир, прочитав, засмеялся и сказал: «Очень хорошо, мы давно ищем встречи с ним. Посмотрим, кто трус, а кто герой».
— Что еще они спрашивали о нас?
— Они интересовались, сколько человек в нашем войске. Я ответил, что много... в несколько раз больше, чем ваших аскеров и хорошо вооружены.
Довольная улыбка пробежала по лицу главаря, и он одобрительно покачал головой:
— Молодец! Дал им почувствовать нашу силу. А что сказал командир аскеров?
— Это прекрасно, веселее нам будет воевать и навсегда покончить с Бек-Болотом и его бандитами в районе двух холмов,— говорил Мерген.
Бек-Болот вздрогнул. Но быстро справившись с волнением, он оглянул своих головорезов, которые пришли в замешательство, ошеломленные сообщением Мергена.
— Мерген! Скажи, сколько у них человек в войске? И есть ли пулемет? И какой нации аскеры?
— Тахсыр, я видел у них какое-то оружие в чехлах, возможно, это были пулеметы. Аскеров меньше, чем наших. Мне не удалось точно узнать, сколько их. Командир разговаривал со мною в другом месте, а аскеры на-

ходились в лощине. Все молодые и здоровые, разных национальностей. А командир молодой, из наших. Со мной разговаривал вежливо, спокойно, не угрожал ничем. Командир кызыл-аскеров велел передать вам лично: «Советы непобедимы! Кызыл-аскеры, защитники советской власти, разгромили сотни, тысячи войск, в том числе аскеров английских империалистов, на помощь которых надеются басмачи. И Бек-Болот, и другие главари пусть не забывают это. Они ответят перед советским народом за все грабежи и убийства мирных жителей».

Резко вскочив с места с поднятой камчой, главарь срывающимся голосом крикнул:

— Замолчи, собака! Кто тебя научил говорить такие речи?

Мерген тоже поднялся, в душе радуясь, что его речь задела бандитского главаря. Прикинувшись наивным, он покорно взглянул на Бек-Болота и робко произнес:

— Дорогой тахсыр! Вы сами приказали все подробно рассказать. Моей вины здесь нет,— приложив правую руку к груди, он низко опустил голову.

Многие из басмачей в этот момент были на стороне Мергена — у них промелькнула мысль о безнадежности их дела.

— Тахсыр, мне больше нечего говорить. Разрешите вручить вам письмо кызыл-аскеров.

Вытащив из кармана вчетверо сложенный лист бумаги, он передал его главарю, который в свою очередь передал его сидящему рядом мулле.

Мулла дрожащими руками развернул письмо и удивился:

— Тахсыр, посмотрите, письмо написано по-арабски, ровным красивым почерком.

— Мерген, кто написал это письмо? У них мулла что ли есть? — грубо крикнул предводитель.

— Нет, тахсыр, у них нет никакого муллы. Сам молодой командир написал, я видел.

— Читайте!

Мулла, медленно растягивая слова, как при чтении корана, начал читать:

— Бек-Болоту, главарю бандитской шайки. Ваше желание будет исполнено. Сегодня в полдень, в двенадцать часов, прибуду со своими аскерами к двум холмам.

К нашему приезду приготовьте бешбармак и обязательно голову молодого барашка. Аксакалом буду я. А все оружие до моего приезда должно быть сложено в одном месте. Выстроив своих головорезов, будешь встречать нас хлебом и солью. В случае невыполнения моего приказа будете разгромлены и стерты с лица земли и все ваши разбойники во главе с вами. Красный командир».

Мулла в недоумении держал письмо в руках и никак не мог собраться с мыслями. Бек-Болот вырвал письмо из его рук, разорвал в мелкие клочки и стал затаптывать их в землю. Некоторые бандиты возмущались, а другим понравилось содержание письма. Друзья Мергена, окружив его плотным кольцом, одобрительно подталкивали его. Среди басмачей появилась растерянность. Спорили, возмущались. В этот момент один молодой басмач громко выкрикнул:

— Тахсыр! Вы сами написали аскерам письмо, сами вызвали их на это. Теперь нужно ожидать их — время не ждет.

Главарь банды, немного остыв, глуховатым голосом обратился к своим басмачам:

— Мои джигиты! Как вы думаете? Будем воевать с аскерами или уйдем?

Все стояли в неловком молчании. Некоторые, словно решая и взвешивая важный вопрос, подняли головы к небу, думали о чем-то своем. Другие, опустив головы, словно искали ответа под ногами. Басмачам была известна храбрость кызыл-аскеров. Многим не хотелось умирать в этих сыпучих песках.

Молчание головорезов встревожило Бек-Болота, и он обратился к мулле:

— Как думаете вы, посланец бога?

Мулла знал, что он тоже смертный, как и все. Но сейчас, как никогда, он не хотел умирать, особенно в этой дикой пустыне. Дрожь пробежала по его спине. Он всегда думал только о богатстве и наживе.

Словно очнувшись ото сна, он вздрогнул и начал елейным голосом:

— Дорогой Бек-Болот! Рисковать своей жизнью и жизнью наших славных джигитов нет смысла. Я думаю, нам надо сегодня отклониться от боя с аскерами, ибо этого желает всевышний. Разумно будет нам идти на соединение с армией нашего мудрого хана Тыналы, и потом всей нашей силой нанести удар и уничтожить этих безбожников...

Басмачи решили поспешно покинуть район двух холмов и идти на соединение с главными силами.

С этого дня Мерген начал вести осторожный разговор среди недовольных и насильно загнанных в басмаческую шайку людей.

* * *

В пять часов вечера мы оставили местность двух холмов с его колодцем и тронулись в путь по самому трудному и тяжелому отрезку пути, по сыпучим пескам. В четыре часа утра подошли к колодцу Сенек.

Эта местность представляла небольшую долину, окруженную барханами.

Здесь имелись два колодца с пресной водой. Невдалеке стоял надгробный памятник-мазар, высотой метров 5—6 с куполообразной крышей. Он являлся хорошим местом для наблюдения. Стены местами потрескались и обсыпались, видимо от постоянных ветров и знойных лучей палящего солнца.

При ветре барханы передвигались, и на новых местах вырастали невысокие островерхие сопки. За день местность несколько раз меняла свой облик. На большом пространстве цепочками тянулись образовавшиеся из песка горы. Ночные наряды часто блуждали, потеряв привычные ориентиры.

Жара была неимоверная. Бойцы не находили себе места, чтобы укрыться от зноя. Сделав щель в песке глубиной в метр, делали над ней из саксауловых веток шалаши. Укрывали их попонами, но через каких-нибудь полчаса ветер заносил эти шалаши песком.

Бойцы старались уберечь оружие: песок попадал в стволы, магазинные коробки, затворы. Красноармейцы заворачивали оружие в тряпки, проклиная пустыню.

На следующий день, часов в двенадцать, часовой, стоящий на башне, заметил двух всадников, едущих прямо к колодцам. Наш разъезд бесшумно захватил их. Они оказались разведчиками. Были посланы отрядом басмачей разведать колодец Сенек. От них узнали о местонахождении крупных сил банды.

Мы тотчас выслали усиленный отряд. Басмачи, не приняв боя, ускользнули и скрылись в песках. Видимо, не имея запаса воды, не решались вступить в бой.

Целую неделю вели мы усиленную разведку. Несколько раз встречались с небольшими группами басмачей, которые после короткой перестрелки убирались восвояси.

Действия врага для нас были ясны; они избрали хитрую тактику — измотать наши силы, оттянуть время, выбрать выгодный момент и дать нам решительный бой.

Частые вылазки на разведку, погоня за басмачами по барханам, нестерпимая жара, духота — все это изматывало наши силы.

Как только начиналась жара, бойцы уходили каждый

в свою щель, где укрывались от солнечного пекла. И там лежали, тяжело дыша.

В такой обстановке даже небольшое веселье могло бы подбодрить бойцов, поднять у них дух.

Я решил устроить небольшую инсценировку: изобразить муллу, зовущего правоверных на молитву.

Обмотав голову полотенцем, натянув басмаческий чапан, незаметно поднялся на мазар. Заткнув уши большими пальцами, как это делает азанчи, начал протяжно и призывно кричать:

— Алла-акбар, алла-акбар!

Бойцы в это время лежали в своих щелях. После моего возгласа все в недоумении высунули головы, потом потянулись к мазару. Даже командир дивизиона выскочил из-под машины АМО, где лежал в тени. Я с закрытыми глазами продолжал кричать:

— Алла-акбар, алла-акбар!

Часового начали наперебой спрашивать:

— Кто это? Кто это?

А когда узнали, долго и весело смеялись:

— Мы думали, не покойник ли поднялся на вышку, кричит, призывает всех умерших подняться.

Я им говорю:

— Хватит лежать, коней нужно купать, от жары они тоже измучились.

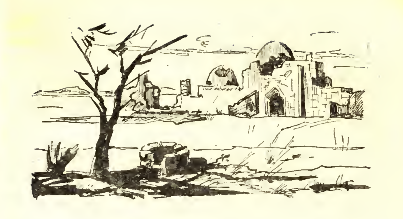
В этом же халате я пустился в пляс, выбрасывая разные коленца монголо-калмыцкой пляски.

Бойцы развеселились еще больше.

Я сказал шутливо:

— Политрук Клигман, запиши! Сегодня я провел концерт художественной самодеятельности.

После этого мне не было покоя от бойцов и командиров, которые просили еще и еще раз показать им монголо-калмыцкую пляску.

РАЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ

В июне басмачи снова изменили тактику. Они оставили в районе колодца Сенек несколько мелких групп, чтобы отвлечь внимание от своих основных сил, и ушли в глубь пустыни в район колодца Босога. Разгадав замысел врага, командование дивизиона приняло решение установить местонахождение главных сил врага и разгромить их.

Нашему взводу было поручено вести разведку в южном направлении от колодца Сенек до местности Босога. А дивизион тем временем должен двигаться за нами почти по пятам.

Личный состав был обеспечен трехсуточным запасом продовольствия и фуража. Это был последний запас. На рассвете наш взвод с проводником Жеке выступил вперед.

С трудом пересекли песчаную местность и вышли на пустынную равнину, заросшую мелкими редкими кустарниками терескена и невысоким чием. Мы изнывали от жажды. А перед нами то и дело возникали миражи: то голубое озеро, окруженное пирамидальными тополями, то дворцы с белоснежными колоннадами, то прозрачная река с живописными берегами.

Бойцы восхищались:

— Смотри, смотри! Озеро какое красивое с тополями.

— А вои город какой чудесиый, а говорят, пустыия!

Проводник Жеке посмеивался:

— Да, басмачи для иас выстроили здесь дворцы и сады вырастили.

Почти всю дорогу мы любовались причудливыми миражами. Наконец, добрались до колодца. Медфельдшер достал брезентовым ведром воду. Проверил. Она оказалась соленой.

Проводник Жеке предупредил, что эта вода ие годиа для питья, может вызвать сильное расстройство желудка.

Кони, почуяв влагу, ржали и тяиулись к колодцу. Мы выиуждеиы были иапоить их соленой водой, ио дали только по полведра.

Только два иаших верблюда, иавьюченных ящиками с боеприпасами, стояли невозмутимо спокойные, подияв головы и помахивая короткими хвостами, словно посмеиваясь над нами:

«Какие же вы иетерпеливые. Даже суток ие проехали, а уже ие можете выдержать. А мы вот можем жить без воды иеделю, а то и больше»,— казалось, осуждали оии нас.

Трое бойцов, соблазнившись ледяиой водой, напились втихую. Но в пути солеиая вода дала о себе знать: бойцы схватывались за животы и по очереди бегали за ближние барханы.

Комаидир отделения иевесело шутил:

— Ну, езжайте обратно, попейте еще ледяиой водички.

— Хорошо, что мы с тобой вытерпели, а ведь тоже хотели глотнуть,— переговаривались меж собою бойцы.

— Товарищ командир, что случилось с конями. Ведь, за ними идти невозможно, задохнешься! — весело улыбаясь, подтрунивал иадо миой уполномоченный Попов...

Ехали весь день, сделав лишь иебольшой привал, Люди и кони, размореиные дневным зиоем, нуждались в хорошем отдыхе. Жара поиемиогу спадала, но ие приносила бодрости, изнуряла духота. Люди понимали, что нужио двигаться и двигаться вперед форсированиым маршем.

Выбрав место, где можио было покормить коней и

бойцов, мы остановились на привал. А с наступлением темноты снова продолжали свой путь.

Вокруг господствовала тишина пустыни, только был слышен топот наших коней.

На темном фоне неба высоко-высоко мерцали мохнатые и очень близкие звезды. Изредка стремительно проносились по небосводу метеориты, оставляя длинные огненные хвосты.

Проводник наш указал рукой на пролетевший метеорит и весело сказал:

— Посмотрите, бог посылает нашим врагам летающих огненных змей, чтобы наказать их.

— Жеке, попросите бога, чтобы он послал побольше таких змей на басмачей,— подшутил Попов.

Шутка не вызвала даже улыбки на измученных лицах. Царило гнетущее молчание.

Время перевалило за полночь. Южный слабый ветерок принес легкую прохладу. Дышать стало свободнее, и уставшие бойцы почувствовали себя бодрее.

Вдруг справа от нашей колонны неожиданно раздалось ржание лошадей.

Мы остановились. Я подумал:

«Кто может быть здесь? Населения нет, могут быть только басмачи».

Выслал разведку. Через некоторое время отчетливо послышался топот копыт — всадники удалялись.

Не дождавшись возвращения разведки, наш взвод быстрым аллюром ринулся в погоню. Но через несколько минут мы встретились с нашей разведкой. Бойцы доложили:

— Товарищ командир, не могли установить в темноте: то ли конные басмачи ускакали, то ли табун одичавших лошадей. Умчались на запад.

Было решено: продолжать преследование.

Взвод с обнаженными клинками галопом пошел в погоню. В ночной тишине гулко гремели копыта. Вскоре в одной из котловин мы настигли и окружили наших беглецов. Это был табун одичавших лошадей. Мы насчитали двести лошадей. Они сбились в кучу, глядя на нас испуганными глазами и тяжело дыша.

Утром разведка прочесала местность, басмачей не обнаружила.

Когда мы вернулись на то место, где оставался наш проводник, увидели такую картину: Жеке уложил рядышком обоих верблюдов и занял оборону. На громадном горбу одного животного лежала заряженная винтовка.

Попов заливисто расхохотался:

— Жеке, вы здорово организовали круговую оборону. А верблюды — ведь это прямо неприступная крепость!

Проводник встал, отряхнулся и обнажил в подкупающей улыбке белые зубы:

— Я оборону держал прочно. А патронов у меня хватило бы на целый месяц.

Ночной скучный поход, равномерное покачивание в седлах, изнуряющий дневной зной — очень утомили бойцов. Но ночная атака на табун лошадей разогнала сонливость, всколыхнула людей. Теперь слышались шутки и звонкий смех.

Сделали небольшой привал и двинулись дальше. Проехали более десяти километров и перед нами открылась гористая местность.

Протянув руку вперед, Жеке сказал:

— Товарищ командир, вот это и есть урочище Босога. Здесь колодец с пресной холодной водой. Когда пьешь — зубы ломит. Такая вода в этом районе — редкость.

Бойцы оживились. Улыбки засияли на их лицах, они любовно похлопывали своих лошадей:

— Не горюй, дружок, через полчаса напоим вас, сколько вашей душе угодно.

Люди знали, что в такой местности всегда найдется вода.

Урочище Босога представляло собой обширную котловину, окаймленную с востока крутыми скалами, с юга — невысокими горами с остроконечными вершинами. Они постепенно переходили в пологие холмы. Вершины гор, отполированные ветрами, поблескивали на солнце. У подножия росли низкие колючие кустарники терескена и еще какая-то незнакомая нам растительность. В эту котловину вела узенькая, еле заметная тропинка между двух обрывистых холмов.

Мой помощник Хорошаев, улыбаясь, сказал:

— Этот проход очень похож на Бухарские ворота, только не закрывается. Видно, банда еще не успела навесить ворота.

Жеке заметил:

— По преданию наших предков эта котловина когда-то была заполнена водой, но вода куда-то ушла.

По всем признакам здесь действительно было небольшое озеро — километров десять длиной и километра четыре шириной. Ракушки и песок ясно доказывали это.

Я спросил проводника Жеке, как он, неграмотный человек, без карты и компаса знает все пути в этом безлюдном и обширном крае от Каспия до Аральского моря.

Он, хитро улыбнувшись, почесал затылок. Было видно: очень доволен такой похвалой.

— Сынок, я исколесил эти места вдоль и поперек с байскими гуртами. Трудности и мучения легко не забываются. Даже мои дети этого не забудут. Только при Советской власти казахская беднота увидела справедливость и хорошую жизнь. Теперь мы дышим полной грудью,— глубоко вздохнув, он добавил:

— Рахмат Ленину-ата!

За разговорами не заметили, как по тропинке подъехали к надгробному памятнику — мазару — высотой метров шесть. Он был искусно сооружен из глины. Над памятником возвышалась башня-минарет, куда можно было подняться по ступенькам. Вокруг мазара было очень много старых могил, заросших чахлой, колючей травой.

Солнце поднялось высоко, начало припекать. Наши кони требовательно ржали, толкали мордами своих хозяев — хотели пить.

Я спросил Жеке:

— Где находится колодец?

Он без колебания указал пальцем в сторону лощины, неподалеку от мазара.

— Пойдемте, Жеке, посмотрим колодец. Может быть, басмачи всю воду выпили и нам не оставили ни капли.

Мы подошли к колодцу в старом русле реки.

Я заглянул в него. Глубина была метров пятнадцать. На дне поблескивала вода, и на душе стало легче.

— Теперь заживем, Жеке!

В ответ проводник засмеялся и пригладил свои усы.

— Где есть еще колодец?

Он указал на восток, на еле виднеющийся холм, примерно в десяти километрах.

— Там есть колодец, но вода очень соленая и для питья не годится. Есть пресный колодец километрах в пятидесяти-шестидесяти, за этой горой,— он указал на юг.

Я обошел окрестности колодца. Всюду конский помет, следы, пепел костров, обглоданные бараньи кости. Все это говорило о побывавших здесь недавно басмачах. Следы уходили в горы, на юг.

Фельдшер снова взял пробу воды. Выставили наблюдателей, коней поставили в лощину, в укрытие.

— Попов, взгляните, что скажете на это?— я показал на следы вокруг колодца.

— Я думаю, что здесь стояла банда. Их здесь было много.

— Вызвав проводника, я обратился к нему:

— Жеке, вы мудрый аксакал. Кто здесь был, что вы на это скажете?

— Э-э! Это наши «друзья», которые нас ждут и хотят угостить бешбармаком.

Мы все засмеялись.

— Хороши друзья! Они снимут твою голову, дай им только возможность,— улыбнулся Попов.

— Пойдемте, товарищи, подкрепимся последним НЗ (неприкосновенным запасом), а то в животе бурчит.

Помкомвзвода Хорошаев доложил:

— Товарищ командир, все в порядке, только один конь из третьего отделения вышел из строя. Боец Белкин натер ему холку. Всю ночь спал, качаясь взад-вперед.

— В боевой обстановке конь для кавалериста не только транспорт, а боевое оружие. А без оружия солдат не воин. Значит, он отдохнул на ходу. Поставьте его наблюдателем и предупредите командира отделения.

— Товарищ командир, а завтра чем будем кормить людей и коней? — снова обратился ко мне помкомвзвода.

— Бойцы с завтрашнего дня будут зачислены на довольствие к басмачам, а кони — на подножный корм. Понятно?

— Ясно, товарищ командир! — вытянулся помкомвзвода и ушел повеселевший.

— Хорошие ребята, крепкие, выносливые и веселые. Сколько дней я нахожусь с вами — и ни одной жалобы,— сказал Попов.

Мы закусили галетами и консервами. Я приступил к составлению донесения командиру дивизиона о результатах нашей разведки.

Запечатав конверт, вручил старшему связному Тимофееву и спросил:

— Что будете делать в случае встречи с бандой? И как поступите с донесением?

— При возможности отклонимся от боя, а если нет выхода, уничтожим донесение и примем бой.

— Решение ваше правильное. Ты — бывший пограничник. Смелости и хитрости у тебя хватит. Выполняйте, к вечеру доставить донесение!

Отправив связных, я разложил на песке карту и начал изучать местность. К сожалению, никаких подробностей на карте не было. Лишь была указана местность Босога. Карта — допотопная. Я подумал, что гораздо больше можно узнать у нашего проводника. С горечью сложив ее, сунул в полевую сумку.

Все спали, утомленные переходом: кто в кустах, кто в наспех вырытой щели. Уставшие кони понурили головы, некоторые лежали. Бодрствовали только дежурный и наблюдатель.

Глаза начали смыкаться, веки отяжелели. Я мысленно прикинул пройденный путь от Каспийского моря до гор Ак-Тау и Кара-Тау, колодца Сенек и Босога. Почти месяц в походе, в тяжелых условиях безводной пустыни.

Солнце пекло неимоверно. От песка и камней веяло жаром. Через подошву сапог чувствовался раскаленный песок.

Жара с каждой минутой усиливалась. Казалось, что солнце спустилось к самой земле, как будто хотело сжечь все живое.

В такую жару спать невозможно. Насквозь просоленная гимнастерка липнет к телу, вызывает зуд. Я решил освежиться холодной водой. Брезентовое ведро было привязано на аркане. Я опустил его в колодец. Облился

несколько раз ледяной водой. По телу побежали мурашки, сразу почувствовал себя облегчеиио.

Одевшись, поднялся к часовому иа верхиюю башию мазара.

— Товарищ комаидир, тишина кругом. Ни едииой души.

Я вызвал дежуриого и попросил прислать ко мие командира отделеиия Покладова. А через минуту ои с тремя красноармейцами отправился в разведку. Я взял бинокль и стал наблюдать.

Часовой, сморенный зиоем, облизывал потрескавшиеся губы.

— Товарищ командир, у вас глаза красные, отдохиули бы малость,— промолвил ои.

— Придет время — будем отдыхать, товарищ Поляков. Вы знаете, мне с басмачами часто приходилось иметь дело. Они коварные, пользуются беспечиостью, иалетают виезапио и вырезают всех до единого. Товарищ дежурный, люди отдыхают уже пять часов, пора их поднимать! Пришлите ко мие помкомвзвода Хорошаева.

Через несколько мииут подошел Хорошаев, вспотевший и заспаииый.

— Слушаю вас, товарищ комвзвода!

— Замените дежурного, часового-иаблюдателя. У ворот на возвышенности выставить второго иаблюдателя. А бойцы пусть искупаются холодной водой и освежатся. Лошадей иапоить и иакормить. Я немиого вздремну. В двадцать иоль-иоль разбудите. Вы остаиетесь за меня.

Я рассказал ему, где иаходится иаша разведка и когда вернется.

В этот момеит подошел мой коиовод Артамошкин.

— Вы отдыхать будете, товарищ комаидир?

— Стоит иемножко.

— Пойдемте со миой. Я вам приготовил место.

Мы пришли с иим к кусту высотой метра в два, с тощими и редкими листочками.

— Товарищ командир, что это за растеиие?

— Это жылгыи, растет в редких местах.

— Первый раз вижу. Довольио-таки красивые кусты.

Под кустом была вырыта иебольшая щель. Застлаиа попоной, под головами вместо подушки лежал сиоп терескена.

— Ну как, товарищ командир, устраивает вас такое ложе?

— Отлично, отлично, Вася. Такое благоустройство в пустыне заменит Сочи. Ты, оказывается, мастер строить. За полчаса дом готов, правда, без крыши.

— Товарищ командир, я очень рад, что вы довольны!

— Благодарю, Вася, за твою заботу.

Улегся в щели. Нижний слой песка был прохладный. Лежать пришлось согнувшись вдвое, подтянуть колени к подбородку. Зато здесь можно было отдохнуть от палящих лучей солнца.

Ровно в двадцать один ноль-ноль меня разбудил помкомвзвода и доложил о приходе разведгруппы.

Командир отделения Покладов доложил:

— Проехали пятнадцать километров. Ничего не обнаружили. На склонах небольших гор видели много старых конских и верблюжьих следов. Направление — на юг.

У меня промелькнула мысль:

«Это наверняка та банда, которая была у колодца Босога».

Отпустив старшего разведчика, я направился к колодцу. Возле него в одних трусах обливался водой из брезентового ведра Попов. Он подпрыгивал от ледяной воды и приговаривал:

— О-ох, водичка! Впервые в жизни встречаю в таких жарких местах такую студеную воду.

— Попов! Здорово ты храпел. Даже кони повскакивали с мест, даже кусты терескена шевелились от твоего храпа!

— Да, кажется, действительно всхрапнул! Но зато хоть сейчас готов на стокилометровый поход по любой местности. Ну, что нового?

Я его проинформировал о результатах разведки:

— Из рассказа проводника можно предполагать, что банда должна быть примерно в шестидесяти километрах отсюда, у пресного колодца. Возможно, их разведка в скором времени появится в нашем районе.

Он согласился со мной.

— Да, товарищ командир, чем мы будем кормить наших людей и коней? Запаса у нас нет. Чертовское положение,— задумчиво взглянул на меня.

— Выход с лошадьми есть, будем пасти. А с людьми... тоже найдем выход: один-два дня будем держать уразу мусульманскую. Ты знаешь, что такое ураза? Это пост, когда ровно месяц ничего не едят.

— Знаю, знаю,— закивал Попов.— Только ночью ведь едят. Я бы на это согласился.

Мы долго и громко хохотали. Красноармейцы, стоявшие неподалеку, смотрели в недоумении в нашу сторону: почему так заразительно смеются командир и уполномоченный.

— И еще есть другой выход: найти банду. Басмачи без баранов, без скота не воюют. Помните, они ограбили колхоз и совхоз. У них теперь несколько тысяч голов. Вот тебе и бешбармак. Не только нам с тобой достанутся бараньи головы, а каждому бойцу! Правильно я говорю?

— Другого выхода нет. Ну пошли, а то уже солнце село. Нужно обеспечить охрану ночлега, иначе басмачи из нас бешбармак сделают.

В двадцать три ноль-ноль прибыла грузовая машина. Наверху сидел ушедший с донесением Тимофеев. Из кабины вышел командир дивизиона. Я ему доложил обстановку. Он обрадовался и весело сказал:

— Самое главное — это вода! Где вы нас устроите отдохнуть?

— На свежем воздухе, товарищ командир дивизиона.

— На свежем воздухе? Что же, это не впервые. Звезды считать я привык. Да, как у вас с продуктами? Что есть у вас в запасе?

— Завтра утром накормим остатками полусуточной нормы: по сто граммов галет и по банке говяжьей тушонки на двоих.

Он задумался, опустив голову. Я ожидал, что он скажет. Кажется, он посылал машину за продуктами в форт Шевченко. Неужели ничего не привезли?

— Да, товарищ командир взвода, в других взводах такое же положение. Позавчера я послал машину на базу в форт Шевченко. На полпути машина чуть не попала в руки басмачей. Весь кузов изрешетили. Из троих сопровождавших — один тяжело ранен. Машина вернулась без продуктов.

— Басмачи тоже не из дураков. Решили парализовать обеспечение продуктами питания, фуражом и бое-

припасами. Откуда они взялись? По нашим данным басмачи ушли в южном направлении. Хотя у них дороги во все стороны. Местность они знают лучше, чем мы.

— Нам придется организовать питание на месте! — решительно сказал командир дивизиона. Он многозначительно посмотрел на меня, а потом на Попова.

— Товарищ командир, как же на месте? — начал я.— Здесь колхозов и совхозов нет. Есть единственный выход: выслать усиленную разведку, найти базу басмачей. Отбить внезапным нападением скот. Я вам докладывал, где примерно они находятся.

Попов поддержал меня:

— Мы только что обсуждали этот вопрос и пришли к такому заключению

— Ну, ладно, товарищи. Утро вечера мудренее. Оставим этот вопрос до утра. Пойдемте отдыхать, пока есть возможность.

В три часа ночи оперативный дежурный разбудил меня и доложил о приближении второго кавалерийского взвода. Я быстро поднялся и пошел встречать их. Слышу голос командира второго взвода Митракова:

— Стой, слезай! Отпустить подпруги, поднять стремена!

Увидев меня, он кинулся с протянутыми руками:

— Здорово, Джаманкул! Жив, здоров? Далеко же вы забрались! Двое суток пришлось трястись. Прибывший с Митраковым начальник окружного отдела ОГПУ Калашников спросил:

— Что у вас нового? Какая обстановка?

Я вкратце доложил ему о результатах разведки. Он утвердительно кивал головой и все время повторял:

— Так, так... Ну, а теперь отдохнем. Конечно, в вашем гарнизоне не успели построить гостиницы,— пошутил он.— Впрочем, для нас свежий воздух лучше всего.

Я повел их к месту, где спал командир дивизиона. Помощники командиров взводов до восхода солнца организовали выпас коней на поводу. Корму было мало.

Утром мы снова расположились в глубоком старом русле реки, чтобы не обнаружить себя.

В девять утра командир дивизиона собрал командный состав для обсуждения обстановки и принятия решения.

— Басмачи превосходят нас своей численностью в несколько раз. Большими группами орудуют не только здесь, но в нашем глубоком тылу, в районе Аральского моря и Кара-Кумах. Наш дивизион сейчас не в полном составе. Всего семьдесят пять сабель. Мы оторваны от своей базы, боеприпасов мало, продуктов питания и фуража почти нет. Нам необходимо установить, где находится база басмачей, во что бы то ни стало отбить скот и баранов. Другого выхода нет. У кого может есть еще другие соображения?

— Я одобряю решение командира дивизиона,— сказал Калашников.

В это время подошел оперативный дежурный:

— Разрешите обратиться, товарищ командир дивизиона?

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Товарищ командир дивизиона, часовой наблюдатель заметил трех всадников, спускающихся по южному склону. Направление держат в нашу сторону. Сам видел в бинокль.

— Ну, товарищи, прервем наше совещание.

Спрятавшись за надгробным памятником, мы стали наблюдать. Всадники уже спустились к подножью горы и направились к холмам.

В бинокль ясно были видны стволы винтовок, торчащие у них за спинами. Мы пришли к заключению, что это разведка басмачей.

— Дежурные, все ли кони и личный состав замаскированы? — спросил командир дивизиона.

— Так точно! Все предупреждены и находятся в лощине.

— Командир взвода Митраков! Подготовьте шесть человек кавалеристов. Выступать по старому руслу реки. Ваша задача — пропустить всадников в тыл и захватить их живыми. Товарищ Дженчураев! Выставить ручной пулемет! — он указал на небольшую возвышенность.— Подпустить разведку басмачей вплотную. В случае бегства — подбить коней из пулемета. Людей во что бы то ни стало захватить живьем!

Митраков выбыл с группой по указанному маршруту. Я с пулеметом и с двумя отличными стрелками занял указанное мне место.

Басмаческие разведчики, ничего не подозревая, двигались прямо к колодцу. Видимо, хотели напоить коней и отдохнуть. Они миновали нас примерно метрах в трехстах. Ехали, позевывая, совершенно спокойно. На ходу сняли винтовки и положили их на луку седла, впереди себя: приготовились на всякий случай.

Пулеметчик Князев убедительно шепнул мне на ухо:

— Разрешите, товарищ командир, пустить одну очередь. Ей богу, всех сразу положу!

— Мы тоже держим их на мушке,— прошептали стрелки.

— Товарищ командир, эх, лошадка у переднего всадника,— вздохнул лежащий возле меня подносчик патронов.— Вот бы мне такую!

— Ты, Белкин, помолчал бы! Набил холку своему коню, а теперь о чужом мечтаешь. Ну ладно, если и кони, и басмачи живыми попадут в наши руки, конь будет твоим.

Белкин обрадовался.

В этот момент выскочил Митраков со своей группой. Сверкнули на солнце обнаженные клинки.

— Сдавайтесь! Никуда от нас не уйдете!

Всадники, ошеломленные внезапным появлением красноармейцев, повернули прямо на нас. Совсем близко мы выскочили из засады. Басмачи круто повернули в сторону колодца. Навстречу им выскочило кавалерийское отделение. Они заметались, как загнанные зайцы. Но делать было нечего: побросали оружие и подняли руки.

Когда их привели в расположение гарнизона, один из них сразу бросился мне в глаза. Лет сорока-сорока пяти, высокий, худощавый, без бороды, с прищуренными злыми глазами. Другим было лет по тридцать—тридцать пять. Они спокойно сидели на земле с поникшими головами.

От них мы узнали, что вооруженная банда примерно в триста человек находится в шестидесяти километрах в южном направлении, у трех пресных колодцев. У басмачей много баранов, лошадей, верблюдов. Вооружены разнокалиберными винтовками и холодным оружием.

Пленники имели задание произвести разведку по направлению Босога и колодца Сенек, узнать, есть ли кы-

зыл-аскеры в этом районе. Такие же разведчики были посланы в направлении Кара-Тау и Ак-Тау.

В пятнадать ноль-ноль командир дивизиона вызвал политрука дивизиона Клигмана, командира второго взвода Митракова и меня. Задал вопрос:

— Лошади сыты?

— Да.

Подумав, командир дивизиона сказал:

— Обстановка вам ясна. Надо проникнуть иа базу басмачей, пока они ничего не знают. Это дело поручаю командиру первого взвода Дженчураеву. С вами поедет товарищ Клигман, начальник Гурьевского городского ОГПУ Фетисов и уполномоченный Попов. Возьмите проводником одного из задержанных и нашего проводника Жеке. Положение дивизиона вам известно. Выступить, как стемнеет. Изучите расположение противника. Конечно, на месте вам будет виднее, трудно предвидеть, как сложится обстановка. Митраков со взводом и отделение с двумя станковыми пулеметами останутся здесь, так как в нашем тылу действуют другие группы басмачей. Они могут заглянуть сюда. А колодец с хорошей питьевой водой нам оставлять никак нельзя. Задача вам ясна? Можете быть свободными.

Я дал соответствующие указания своему помощнику по подготовке взвода.

С наступлением темноты взвод выступил на выполнение задания.

Задержанный басмач задумчиво ехал со мной рядом Ночное небо было усыпанно мерцающими звездами. Царила абсолютная тишина. Ни единой души, ни единого живого существа. Даже ночные хищники, видимо, давно покинули эти места. Все кругом казалось мертвым, только словно случайно забрели сюда мы.

У отлогих гор сделали привал. Головной дозор, получив дополнительное задание, продолжал путь дальше. Через некоторое время прискакал боец головного дозора и сообщил, что путь свободен. Мы снова тронулись. Часа через два подъехали к невысокому хребту, выбрали место для укрытия и стали ждать рассвета.

На востоке появилась светлая полоска. Вскоре совсем рассвело. Погасли звезды. С юга подул свежий ветерок, и духота сменилась прохладой.

Наступило утро. Нас окружала сильно пересеченная местность, покрытая небольшими редкими кустарниками. На вершинах голых холмов торчали камни, похожие на согнувшихся и притаившихся людей.

Правее нас проходила на юг глубокая лощина.

— Где расположена ваша база?— задал я вопрос басмачу.— Только правду говори!

Немного задумавшись, басмач указал рукой в сторону далеко видневшихся холмов.

— За этими холмами три колодца, там,— ответил он.

— Если мы поедем шагом, когда приедем?

— Нужно ехать полдня.

— А куда ведет эта тропинка?

Он без запинки ответил, что прямо к трем колодцам.

Сели на коней. Тропинка проходила по холмам, то поднимаясь, то опускаясь.

Проехали пятнадцать километров. Вдруг от передового головного охранения поступает сигнал: «Стой, обнаружен противник!»

Я, Клигман и мой коновод рысью подъехали к дозорному. Старший дозора показал рукой вперед, где группами двигались всадники. Их было более сотни. Убедившись, что это действительно басмачи, я приказал выставить ручной пулемет.

Бандиты проехали с километр, поднялись на несколько холмов без маскировки и начали вести наблюдение. На длинном шесте у одного из всадников был привязан белый лоскут.

Клигман сказал:

— Видишь, у них есть даже знамя! Сколько же у них сабель? Сейчас посчитаем.

— Сто двенадцать человек,— сказал он через несколько минут.

Я сразу прикинул в уме:

«По данным наших пленников, у врага триста человек. Значит, у них на базе осталось больше половины. Куда они едут? Наверное, к колодцу Босога, где наш гарнизон».

Спросил Клигмана:

— Значит, они заметили нас и едут навстречу?

— Возможно так,— неопределенно ответил он.

В этот момент подъехали к нам Попов и Фетисов.

— Ну, какое решение приняли? — спросил Фетисов, посмотрев на меня усталыми глазами.

— Мое решение следующее:

С этой группой в бой не вступать, отклониться вправо. Двинуться прямо к их базе, выйти с тыла и внезапно напасть на оставшуюся там банду. Почему я принимаю такое решение? Во-первых, если примем бой — он затянется до вечера. А у нас воды для бойцов почти нет, не говоря о конях. Мы со вчерашнего дня ничего не ели. Во-вторых, весь наш гарнизон сидит тоже голодный. Пока мы будем биться с этим отрядом, база противника снимется и уйдет, а мы останемся на бобах. Басмачи находятся в благоприятных условиях, они обеспечены питанием и водой. Какие у вас будут соображения?

Минуты две все молчали, затем политрук Клигман сказал:

— Я вполне присоединяюсь и согласен. Вступать в бой не следует.

Фетисов и Попов тоже согласились.

Перед нами встал вопрос, как нам незаметно ускользнуть от басмачей, не вступая в бой. Недалеко от нас была лощина, которая уходила на юг по направлению к базе басмачей.

Оставив двух наблюдателей, взвод, незаметно выйдя из укрытия, двинулся вперед.

Через полчаса нас догнали оставленные наблюдатели и доложили:

— Басмачи спешились, стали рыть окопы на холмах. Ведут наблюдение. Взвод, видимо, ими незамечен.

Взвод двигался быстрым аллюром. Впереди была база басмачей.

РАЗГРОМ БАЗЫ БАСМАЧЕЙ

Километрах в двух до стойбища басмачей мы остановились. Мы с политруком Клигманом осторожно поднялись на холм и, замаскировавшись в небольшом кустарнике, стали наблюдать в бинокли. В стане врага было спокойно.

Пересеченная местность позволяла незаметно подойти к противнику. Басмачи расположились на небольшой равнине, и нам хорошо были видны юрты, шалаши и пасущийся скот. В нескольких местах группами сидели басмачи, и рядом с ними стояло много оседланных коней.

Я сказал:

— Наполовину мы уже выиграли бой!

— Да, товарищ командир! Я тоже так думаю. Решение было принято правильное,— обрадованно произнес Клигман.

Обстановка была ясна. Оставалось только действовать немедленно.

Решили нанести внезапный удар с трех сторон: с востока, запада и юга. Каждому отделению было приказано двигаться разрозненно, как басмачи.

Быстрым аллюром мы направились к стойбищу противника.

В ста пятидесяти метрах от нас ехал правофланговый дозорный Поляков. Вдруг на него вынесся басмач на гнедом высоком жеребце. Рыжебородый, в белоснежной чалме с длинной пикой на передней луке. Он показался нам сказочным бедуином, так необычен был его наряд.

Я крикнул:

— Поляков! Смотри, басмач заколет тебя пикой.

Басмач в это время подъехал к Полякову сзади...

Поляков обернулся к врагу. Они стояли как вкопанные друг против друга. Никогда, видимо, не думал басмач встретить у себя под боком кызыл-аскера. Его замешательство было минутным: он круто повернул коня, ожег его плетью и понесся к своим.

Бойцы долго смеялись над Поляковым:

— Эх, ты, рыжий, упустил муллу.

Наблюдатели басмачей, наконец, заметили нас, подняли тревогу. Но было уже поздно.

Все три наших отделения с криком «ура!» пошли в атаку. Басмачи в беспорядке начали отходить. Они слабо отстреливались, по-видимому, еще не поняв, что произошло.

На солнце заблестели клинки. Бойцы выжимали из своих коней все возможное. Земля гудела от топота копыт.

Молниеносная атака ошеломила басмачей. Они в панике побросали все. База была в наших руках.

* * *

В этот день мы захватили много пленных, оружия, а главное большое количество баранов, лошадей и верблюдов. От пленных узнали: отряд басмачей, который мы встретили на пути к базе, заняв оборону, ожидал нашего наступления.

Басмачи, сидя в окопах, переговаривались:

— Пусть наступают кызыл-аскеры, мы им покажем! Пускай попробуют!

К предводителю отряда подъехали два басмача.

— Тахсыр, два кызыл-аскера долго смотрели в нашу сторону, потом скрылись за холмом и больше не по-

являлись. Больше никого не видно. Кызыл-аскеры или ушли или сидят в лощине.

— Да, это очень интересно и непонятно! А может быть, они ушли обратно, испугавшись нас?

— Нет, тахсыр, мы хорошо наблюдали, если бы они ушли, то увидели бы.

Предводитель усмехнулся:

— Может быть, они сквозь землю провалились, как безбожники?

Разведчики пожали плечами; в шутку или серьезно говорит их предводитель? Как могут провалиться столько людей сквозь землю?

Предводитель вызвал несколько джигитов, приказал:

— Трое езжайте на разведку вон к тем холмам (он указал пальцем), а двое направляйтесь прямо в то место, где увидели аскеров, исчезнуть они не могли.

Разведчики осторожно двигались по указанному направлению. Один из них сказал:

— Слушай, друг, аскеры хитрые. У них много метких стрелков. За целый километр убивают. Вот сейчас выстрелят и не будет кого-нибудь из нас. И прощай белый свет! И зачем аллах создал нам такую жизнь?

— Кто виноват в этом? Мы сами. Зачем надо было идти против Советов? — сказал другой.

— И верно, что они нам плохого сделали? Однажды я слушал приезжего уполномоченного района, он был коммунистом. Говорил, что все люди равноправны и что Советы любят тех, кто честно трудится. Они хотят строить хорошую и богатую жизнь. Советы борются с бандитами. А мы с тобою кто? Бандиты мы! Грабим, убиваем. Скоро и наши кости будут валяться на барханах. Правильно я говорю, друг?

— Правильно, об этом я думаю больше месяца. Скоро я убегу. Вот увидишь! — Он тяжело вздохнул.— Ох, аллах, прости нам наши грехи!

— Ну, мы совсем разболтались, как у себя дома. Аскеры не стреляют. Заедем за холм, в укрытое место и понаблюдаем.

Никого не обнаружив, один из них обрадованно произнес:

— Слава богу, аскеров нет, а то у меня душа в пятки ушла.

Предводитель банды с нетерпением ожидал возвращения своих разведчиков. Когда они появились, он облегченно вздохнул:

— Ну как? Где аскеры?

Разведчики сообщили, что аскеров не видели, а только видели их следы, уходящие к базе.

Предводитель на мгновение опешил.

— Значит, они перехитрили нас! Сейчас же в погоню! Там их встретят наши джигиты! Только вот аскеры все наши планы перепутали, а то к обеду мы уже были бы у колодца Босога.

— Тахсыр, аскеры не только перехитрили нас, они у нас в тылу,— сказал один пожилой басмач.— Нападут— и конец нам.

Предводитель нахмурился. Ему были неприятны эти слова, но про себя он думал: «Он прав».

— Да, надо спешить к своим. Ну, быстро по коням. Быстро, быстро.

Многие басмачи, не понимая в чем дело, вскочили на коней и ждали приказания своего главаря.

— Дорогие мои джигиты, аскеры перехитрили нас. Мы проспали все. Возможно, там идет бой. Нам срочно нужно ехать на помощь. За мной, галопом!

За несколько километров они услышали выстрелы со стороны базы, а потом увидели поспешно отходящих басмачей.

Предводитель пытался остановить бегущих:

— Стойте! В чем дело?!— кричал он, размахивая камчой.

Один из бегущих, еле переводя дух, заметил:

— Тахсыр! Тахсыр! Аскеры захватили все. Много джигитов сдалось в плен. Вон, видите, аскеры преследуют нас по пятам?!

Главарь увидел мчавшихся кызыл-аскеров

«Неужели разобьют и нас?»— с тревогой подумал он.

* * *

Заметив приближение крупного отряда басмачей, я быстро собрал свой взвод. Приказал установить два ручных пулемета и предупредил: открывать огонь только по моему приказу.

Взвод находился в укрытии.

Позже мы узнали...

Главарь басмачей, узнав о полном разгроме их лагеря, пришел в ярость. Он решил атаковать всей массой всадников, выбить нас из района базы, спасти скот и освободить пленных.

Он обратился к своим головорезам:

— Лучше погибнуть, чем бежать от аскеров. Освободим своих товарищей, отберем свои богатства.

Он старался подбодрить своих джигитов, говорил, что еще есть возможность победить, так как их в три раза больше, чем аскеров.

Часть басмачей поддержала своего предводителя, но многие были не уверены в победе. И они уже строили планы спасения своих жизней.

* * *

— Товарищ командир, они идут прямо в лоб! — крикнул Попов.

— Вижу. Все же они решили встретиться с нами. Пусть идут. Держите наготове клинки.

Басмаческие кони перешли на рысь. На солнце заблестели сабли и острые наконечники пик.

Наш взвод стоял в укрытии с обнаженными клинками. Во главе каждого отделения были закаленные командиры-коммунисты.

Расстояние между взводом и противником с каждой минутой сокращалось. Вот восемьсот метров... семьсот... шестьсот... Все ждали. Вот-вот сейчас начнется схватка.

Бойцы молча всматривались вперед, перебирая поводья и сжимая клинки. Ждали команду «В атаку!».

На холме лежал Фетисов с пулеметчиками, часто поглядывая в мою сторону, тоже с нетерпением ожидал команды.

Противник с рыси перешел в галоп и, развернувшись, пошел в атаку с криком и гиканьем. Когда они приблизились на расстояние трехсот метров, я дал команду открыть огонь из пулеметов, а взвод ринулся в атаку.

Топот коней, шум, крики «ура», треск пулеметов —все слилось в сплошной гул, словно в пустыне поднялся ураган.

Наши пулеметы косили противника. Падали лошади, люди. Кони без всадников носились по холмам.

Басмачи, не выдержав сильного огня и стремительной атаки, повернули назад. Мы начали их преследовать.

В этой короткой и жаркой схватке часть басмачей была перебита, а часть ушла в пески.

Один из дозорных бойцов, находящийся на правом фланге, прискакал и доложил, что его напарник — боец Петров, окружен группой бандитов.

Я с отделением поскакал выручать его. Красноармеец, окруженный бандитами, яростно отбивался. Бандиты с двух сторон наседали на него.

Наш пулеметчик открыл огонь по одной группе. Мое отделение атаковало другую группу. Часть бандитов была уничтожена. Уцелевшие скрылись в барханах, прихватив с собой коня Петрова. Дальнейшее преследование пришлось прекратить, так как наши кони выбились из сил, а у бандитов они были свежие...

Басмачи, отъехав несколько километров, стали интересоваться содержимым красноармейской переметной сумки, притороченной к седлу. Обнаружили в ней гранату образца 1914 года. Один из джигитов предупредил, что эта бомба может взорваться.

— Если бы она была заряжена, она давно взорвалась бы,— возразил один из басмачей.— Давай будем изучать ее.— Начал крутить и вертеть гранату. Вытащил предохранитель ударника. Ударник сработал. От испуга басмач бросил гранату. Грохнул взрыв. Было убито три басмача и две лошади, в том числе и конь Петрова.

* * *

Мы вернулись на базу басмачей. Кони и люди были усталые. Но всюду слышались радостные возгласы и разговоры:

— Вот здорово мы им всыпали! Только жаль, что нет курева.

Ко мне подошел фельдшер Ватолин и мой помощник.

— Товарищ командир, в котлах сварено много мяса. Коням тоже корм есть, в мешках обнаружено много ячменя.

— Очень хорошо! Пусть бойцы подкрепляются. Смотрите, чтобы не объелись. Как бы не вышло у них по

нашей поговорке: «Ачтын тогу бар». В переводе на русский язык будет так: «После голодного дня да наступит и сытый день».

Коновод Артамошкин в большой деревянной чашке принес нам наваристый бульон с большими кусками мяса.

— Бедные, они готовили нам, а мы малость задержались. Угощайтесь! Аксакалу — голова баранья. Сейчас принесу. — Артамошкин улыбался.

Мы посмеялись шутке коновода. Принялись за еду. Тут уж было не до разговоров.

Через несколько минут большая деревянная чашка была пуста.

Я вызвал помкомвзвода и дал распоряжение согнать весь скот в одно место.

— А ишаков оставить! Пусть они сами ездят на них.

Ровно через час весь скот был собран. Помкомвзвода к неописуемой радости бойцов обнаружил два мешка махорки, даже с курительной бумагой. Потом в глубокой яме нашли мешок с чаем, мешок спичек, десять мешков муки, жиры, пудов пять-шесть соли, мешков двадцать ячменя, в большом количестве мануфактуру, ковры.

Это все было награблено басмачами. Собрали много разнокалиберного оружия всяких образцов с боеприпасами.

Навьючив верблюдов, стали готовиться к отъезду. Вдруг слышу настойчивый голос проводника Жеке, который доказывает помкомвзводу Хорошаеву:

— Ни в коем случае нельзя оставлять бандитам это добро. Бочки и бурдюки в пустыне дороже золота!

— Да, да! Вы правы, Жеке, это действительно так. Сейчас у нас есть хороший транспорт — верблюды. Возьмите трех красноармейцев, покажите, как вьючить.

— Все готово к выступлению, товарищ командир. Я уже выделил боевое охранение. И погонщики нашлись,— доложил помкомвзвода.

Я посмотрел на часы. Было двадцать два часа, а луна еще не взошла. Мы взяли маршрут к колодцу Босога. К утру благополучно достигли перевала. Луна поднялась высоко и ярко освещала растянувшуюся на целый километр колонну. Переправившись через небольшой перевал, мы спустились к подножью гор.

Головной дозор подал сигнал, что впереди движется группа всадников.

Остановили колонну. Дозор поскакал вперед. Я посмотрел в бинокль, видно было хорошо. За кочками заметил несколько затаившихся человек.

— Вы видите? — спросил у меня Клигман.

— Вижу, вижу. По-видимому, наши. Бандиты никогда бы не решились вступать в бой с нами после такой бани.

— Да, да. Скорее всего это наши, они приняли нас за банду.

Пока мы рассуждали, наш дозор выяснил обстановку: это оказалось отделение, высланное командиром дивизиона на разведку. Они искали нас.

Наша колонна двинулась вперед после сигнала головного дозора: «Путь открыт».

Старший группы, высланный нам навстречу, рассказал о том, что командир дивизиона и весь гарнизон очень беспокоятся за нашу судьбу. Думали: возможно, банда снялась со своей базы и ушла или мы попали в засаду.

Командир отделения не скрывал радости.

— Когда прибудет такая колонна, вот будет веселье!

— Чем вы питались эти двое суток? — спросил Клигман.

— Люди? — он повел плечами и вздохнул.— Воздухом. Командир дивизиона пообещал зарезать одного бандитского коня.

Пока мы разговаривали с командиром отделения, красноармейцы оживленно угощали прибывших из гарнизона вареным мясом.

— Угощайтесь, угощайтесь. А то вы двое суток воздухом питались. На второе подадим курево. Мы сыты, но двое суток не смыкали глаз.

Двух красноармейцев отправили нарочными к командиру дивизиона, чтобы они нас не приняли за басмачей.

Через два часа мы прибыли. Мой рапорт командиру дивизиона был по всем правилам военного устава.

— Видим, видим,— он обнял меня, расцеловал.— А мы так беспокоились.

Все командиры собрались в тени мазара. Подошел старшина дивизиона:

— Разрешите доложить о результатах подсчета трофеев? Баранов две тысячи сто, лошадей пятьдесят три, среди них пятнадцать строевых хороших коней. Верблюдов двести семнадцать, коров двадцать. Фуража — ячменя двадцать мешков, пшеничной муки десять мешков, мешок чая, три мешка сахара, два мешка махорки, соли пять мешков, жиров примерно килограммов сто. Много всякой мануфактуры, несколько ковров.

Для штаба привезли хорошую юрту из кошмы. Пленных — семьдесят один человек. Оружие не считали, доложу дополнительно.

— Ну, старшина, накормите людей досыта. Теперь в твоем распоряжении все есть. Учтите, махорку, муку, ячмень, сахар строго нормировать. Ясно?

— Есть!

Ординарец командира дивизиона принес несколько лепешек, сахар и горячий чай.

— Угощайтесь, это из далеких мест. Наши «друзья» прислали гостинцы.

Все весело засмеялись и принялись пить чай. Я наблюдал, с каким аппетитом пили чай командиры.

— Вкусные лепешки, хотя и сухие! — похваливали они.

— Как же, конечно вкусные после двухдневной мусульманской уразы. Хотя я и не магометанин, но пришлось соблюдать этот обычай,— с усмешкой сказал командир дивизиона.— Товарищи Клигман и Дженчураев, идите, отдыхайте. Охрану возлагаю на взвод Митракова.

Солнце с самого утра уже жгло немилосердно. Перед глазами рябил прозрачный, горячий воздух. Мы с Клигманом, стоя в трусах у колодца, обливались холодной водой.

Я забрался в щель, которую вырыл Артомошкин, и сразу уснул как убитый, не чувствуя ни жары, ни духоты. Когда я встал, бойцы моего взвода еще спали. Бойцы взвода Митракова, получив муку и жиры, готовили оладьи в солдатских котелках.

Митраков подошел ко мне:

— Ну как, отдохнул? Пошли. Мои бойцы угостят оладьями. Тебя приглашают на самое почетное место.

Бойцы Митракова в трусах и сапогах на босую ногу суетились возле нас. Угощали у каждого костра.

Поблагодарив кулинаров, мы сели с Митраковым на бугорок, крепко затянулись махорочкой.

Митраков вздохнул:

— Сколько времени мы путешествуем?

— Три месяца как выехали из Қызыл-Орды. Из них— два месяца с «друзьями» возимся. Что делается в нашей стране, не знаем. Ни радио не слушаем, ни газет не читаем. Полная изоляция.

— Знаешь, Джаманкул,— душевно заговорил Митраков.— Я один приехал в Гурьев, а семью оставил на границе. И обещал им послать литер для переезда. Так и не успел этого сделать. Они ждут и не знают, где я нахожусь. А я загораю на этом Босогинском курорте.

Митраков задумался, по-видимому, об оставшихся вдалеке жене и сыне.

— Мою жену зовут Лушей, а сына Дмитрием,— через минуту заговорил он.—Ему уже шесть лет. Такой же рыжий, как я. Бывало, прихожу с границы, беру баян и играю, а он пляшет. Такой потешный малый! Соскучился я по нему. Еще долго придется загорать здесь. Это я чувствую.

— Вася, басмачей мы, конечно, уничтожим. Приедут наши семьи, ты будешь играть на баяне, а я с твоим сыном буду плясать. Ты не горюй.

— А ты умеешь плясать?

— Постараюсь не покраснеть перед твоим сыном.

— А ты давно женат?

— Нет. Первый ребенок должен родиться. Зовут жену Рая. Они остались в Қызыл-Орде.

— Зачем же там оставил?

— Это целая история. В тот день, когда мы выехали, отвез ее в роддом. Кто у нас родился: сын или дочь — не знаю.

— А как ты сам думаешь? Сын или дочь?

— Я приказал жене, чтобы она родила мне сына. Как выполнит мое приказание — не знаю. Будем живы — увидим.

Подошел политрук Клигман, весь опухший от сна. Присел рядом с нами.

— Ну, два командующих, о чем мечтаете?

Солнце садилось. Закат был багрово-красный. Я указал на закат.

— Мечтаем о прохладе. Скорее бы солнце скрылось за горизонтом.

Митраков даже рукой махнул несколько раз, чтобы скорее оно уходило.

— Товарищ политрук,— спросил Митраков,— вы женаты? Или есть у вас невеста?

— Да, есть на Украине невеста. Я обещал поехать за ней и привезти в Гурьев в марте месяце, но не удалось. Все некогда нам, а потом ранили, лежал в больнице. Недавно выписали и тут же поехал с вами. Я думаю, что меня она будет ждать всегда.

— Как ее звать?

— Поля. Хорошая девушка, черненькая, красивая, умная. Да еще комсомолка. Ну, товарищи, пойдемте посмотрим наших людей, коней, окопы и траншеи.

Кони моего взвода все слегли и тяжело стонали. Мы прошли по траншеям. Проверили, как организована охрана пленных. Они сидели в котловине, охраняемые тремя часовыми. Когда мы приблизились, они встали. Часовые крикнули: «Садитесь!»

Митраков сказал не без усмешки:

— Какими они стали дисциплинированными и вежливыми!

Недалеко от колодца, в лощине, поставили юрту. Вошли в нее. Командир дивизиона, раскрыв допотопную карту, при свете керосиновой лампы делал на ней пометки красным и синим карандашами.

— У тебя отмечена база басмачей? — спросил он меня.

Я вытащил карту, сел рядом и показал, где база и где разыгрался бой.

Командир дивизиона, не торопясь, нанес на свою карту условные знаки и отодвинул карту.

— Да, товарищи командиры,— спокойно начал он,— мы временно вышли из адски затруднительного положения. У нас сейчас есть провиант, хотя мы и обидели наших «друзей».— Он засмеялся.— Но за это они с нас могут спросить как следует. Так что нам всегда надо быть наготове и достойно встретить «почетных гостей».

— Товарищ командир дивизиона, мы их совсем не обидели. Мы оставили им много ишаков, чтобы они могли воду возить, время проверять и не ходить пешком. Джа-

манкул даже послание написал арабским шрифтом на их языке на двух фанерных дощечках. Одну дощечку повесили на шею старому ишаку, а другую — на хвост молодому ишаку. Текст, кажется, у него в блокноте сохранился,— рассказывал Клигман.

— Ну-ка, ну-ка, товарищ Дженчураев, достань свой блокнот, прочти нам.

Я вытащил свою записную книжку, начал читать и переводить на русский язык:

— Господа! Оставляем вам всех ишаков от молодого до старого. Ослы жалуются на вас. И за все гнусные злодеяния, совершенные вами, отказываются служить у вас. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела. Сами решайте, кто из вас прав — кто виноват...

Командир дивизиона и все сидящие долго смеялись над оставленным нами посланием.

* * *

Через некоторое время мы узнали, что слухи о разгроме базы дошли до предводителя басмачей, который, собрав всю свою орду, прибыл на место происшествия.

Когда предводитель в мрачном настроении сидел со своими приближенными, один из басмаческих джигитов. низко склонив голову, доложил:

— Тахсыр хан! Среди оставшихся ишаков на двух— у одного на шее, у другого на хвосте — висят фанерные дощечки. На них написано по-мусульмански.

— Пригоните сюда ишаков. Здесь сидит тахсыр мулла, он нам прочтет и растолкует.

Басмачи кинулись за ишаками.

Неподалеку с несколькими товарищами сидел Мерген. Они слыхали весь разговор хана с джигитом.

Ишаков подогнали к хану. Они стояли важные, как высокие сановники. Со всех сторон сходились к ним басмачи. Все хотели знать, что же написано на дощечках.

Хан с удивлением смотрел на ишаков. На его лице было нетерпение.

Двое джигитов слезли с коней, сняли дощечки и с почтением передали хану, который в свою очередь протянул их мулле.

— Тахсыр мулла, пожалуйста, прочитайте.

Все, вытянув шеи, стояли в ожидании. Мулла громко прочел послание. Несколько секунд хан был в недоумении. Но когда до него дошел смысл написанного, он пришел в ярость. Тонкие губы сомкнулись; такая злая насмешка была ему не по нутру.

— Кто написал? — крикнул он.

— Тахсыр хан, здесь же были аскеры, возможно, они и написали,— сказал Мерген.

В это время старый ишак издал громкий рев. Кричал он долго, словно подтверждая жалобу на свою горькую судьбу. И только прервался рев, как тут же раздался крик молодого ишака. Хан окончательно вышел из себя и велел немедленно убить этих поганых животных.

— Уважаемый предводитель, это рука аскеров. Кто же может еще так написать? Нас с ишаками сравнивать!..— гнусавил мулла, сокрушенно покачивая головой.

Мерген со своими друзьями тихо пробрался в лощину, и они там долго смеялись.

— Это хуже, чем разгром нашей базы. Нас сравнивают с ослами. Да, они правы. Действительно, мы ослы, даже хуже. Эти животные не приносят вреда, а мы?..

Хан поклялся во что бы то ни стало отомстить аскерам за такое оскорбление.

Его джигиты один за другим молча стали расходиться.

В ПЛЕНУ У БАСМАЧЕЙ

После разгрома базы басмачей разгневанный хан, зная малочисленность дивизиона, начал объединять все свои мелкие отряды и, создав крупные силы, сосредоточил их вблизи гарнизона. Он жаждал реванша.

Басмачи решили внезапным ночным налетом уничтожить нас до единого.

Разгадав замысел врага, мы вели усиленную разведку по всем направлениям. Разведчики искали место сосредоточения основных сил врага. Хотя басмачи превосходили нас численностью раз в двенадцать, они всегда уклонялись от решительного боя. Мы также отлично знали от местных жителей: басмачи поддержки не получали. Население их ненавидело. Во-вторых, среди басмачей не было единства. Там находились люди, попавшие к ним по заблуждению или насильно мобилизованные. А разве это воины? В-третьих, действия басмачей были направлены против интересов всего советского трудового народа, установившего первое в мире государство рабочих и крестьян.

Численное превосходство басмачей нас не тревожило. Мы были уверены в своей победе.

* * *

А разведчики всякий раз докладывали, что басмачей нигде не видно. Это очень нас беспокоило.

Вечером я заступил оперативным дежурным гарнизона, заменив командира взвода Митракова.

Командир дивизиона предупредил меня о том, что утром в западном направлении послан проводник Гали с особым заданием. Он должен вернуться к вечеру.

— Предупредите, товарищ Дженчураев, все наряды, чтобы по ошибке его не обстреляли.

Вечером я со своим коноводом проверил наряды, посты и огневые точки.

Уже двенадцать часов ночи. Тишина. Гали еще не вернулся. Об этом я доложил командиру дивизиона. Он за него очень беспокоился:

— Как долго его нет. Неужели попал в руки басмачей?

— Всякое может быть, товарищ командир дивизиона. Местность сильно пересеченная — есть такие места, где можно упрятать целый эскадрон.

Закончив разговор, я с коноводом поехал проверять наряды. На правом фланге, в полукилометре от расположения дивизиона, находился наряд из двух человек.

Старший наряда доложил мне:

— Примерно с километр отсюда в юго-западном направлении, где растут высокие кустарники жилгина, услышали крик человека, который повторился дважды. Это было полчаса назад.

Я предупредил наряд:

— Будьте бдительны, ведите наблюдение. Пошлем туда разведку.

Я быстро вернулся в гарнизон, доложил командиру дивизиона о данных наряда. Он спросил:

— Вернулся ли Гали?

— Нет.

Он, подумав, сказал:

— Кто же может быть там?

— Наших там нет и банды не было...

— Надо выслать разведку, проверить... Может быть, басмачи успели приползти. Пошлите ко мне командира взвода Митракова.

— Есть!

Митракова я нашел возле дежурного со станковым пулеметом. Мы вместе пришли к командиру дивизиона, который приказал ему взять дежурное отделение с ручным пулеметом и прочесать высокие кустарники жилгина.

Отделение Митракова выступило. А минут через сорок заработал ручной пулемет: та-та-та-та.

Я услышал четкий голос Митракова:

— Атака! Марш! Марш!

— Ура! Ура! Ура! — загремело в ночной тишине.

Ручной пулемет замолк. Слышны были только одиночные винтовочные выстрелы. Даже видны были вспышки.

Бараны, верблюды и лошади пришли в движение, напуганные стрельбой. Я поднял тревогу в гарнизоне.

Командир 1-го отделения моего взвода Покладов с оседланными конями уже стоял наготове.

Я прибежал к командиру дивизиона. Он уже выходил из юрты, быстро сказал:

— Митраков воюет? У вас есть готовое отделение?

— Первое отделение готово!

— Направьте к Митракову на помощь. Заодно пусть выяснят обстановку и доложат.

Отделение рванулось галопом. Стрельба прекратилась. Верблюды медленно поворачивали головы в ту сторону, где только что гремели выстрелы.

И вдруг от Митракова прискакали два бойца и доложили командиру дивизиона:

— В кустарниках жилгана укрывалось около двухсот всадников. Не приняв боя, они рассеялись. Одного захватили — совершенно голого. Сколько убитых бандитов — не установили.

С несколькими бойцами я прибыл в расположение наряда. Там и встретился с Митраковым.

— Ну, много порубил? Твой голос был слышен на всю округу. Насмерть перепугал бедных верблюдов.

Митраков плюнул с досады:

— К черту! Я хотел бы поиграть саблей — да не удалось. Разве догонишь? У них кони бегают, как джайраны. Только пыль за ними осталась. Как заработал наш

пулемет — рассыпались кто куда. Но кое-кого ухлопали. Утром проверим, сколько было убитых. Надо доложить командиру дивизиона.

— Пока, друг! — и он тронул коня.

Утром я пришел в штаб-юрту и вижу, сидит наш проводник Гали, весь забинтованный. Как меня увидел — заплакал навзрыд. Я в недоумении спросил:

— Когда ты вернулся? Как я тебя не увидел? Почему забинтованный?

Вытерев армейским полотенцем слезы, он начал рассказывать:

— Мою жизнь спасла ваша фамилия, а то я был бы на том свете. Вчера утром я был отправлен командиром дивизиона в разведку. Поехал без оружия. У меня была одна лепешка и бурдюк с водой. Проехал до указанного направления. Не обнаружив ни банды, ни следов, повернул назад. В одном месте поднялся на холм понаблюдать. Вдруг из лощины со всех сторон выскакивают десятка три басмачей. Хотел ускакать. Но подумал, если не догонят — все равно убьют из винтовки. Мне таким путем не спастись. Решил остановиться, соврать им, что я их ищу.

Они окружили меня с кривыми саблями, винтовками, самодельными трехметровыми пиками. Я спешился и спокойно сказал:

— Салям!

Они с подозрением ответили:

— Салям! Салям!..

У самих глаза горят, как у шакалов. Мне сразу стало не по себе от их взглядов. Думаю про себя:

«Вот бандиты, сволочи, сколько хороших людей угробили! Сколько семей разорили!» Но сам вида не подаю. Один из них, видать самый старший, закричал:

— Зачем мы здесь торчим? Давайте спускаться в лощину, а то красные заметят! Ну, нежданный гость, садись на коня и следуй за нами!

Я сел верхом, и мы поехали. Они сразу повернули на юг, спустились в глубокую лощину, где я увидел примерно сто пятьдесят бандитов, которые сидели, держа коней за повод. Оружие было наготове. А один из них, толстый, пожилой, с реденькой седой бородой, подпоясанный цветастым платком из пестрого ситца, глянул на

меня злымн глазамн н поднял камчу. Сопровождавшнй меня с улыбкой доложнл толстяку:

— Вот, к вам прнвелн гостя...

— Ну, слезай, саднсь рядом,— сказал тот.

Бандиты столпнлнсь возле меня. Я подумал: «Вот попал!» А мысль работает: «Как мне соврать, как мне спастнть? Командир дивизиона меня инструктировал, как вестн себя н что говорнть на случай, еслн попаду в руки банды».

Толстяк спросил, играя камчой:

— Ну рассказывай, откуда н куда держишь путь?

— Из Кара-Кума, тахсыр. Посланн меня к вам. Вот, ищу вас. Рад, что встретнлся.

— Кто? Кто послал?

Все подались ко мне в ожндании. Лица недоверчивые.

— А вам разве неизвестно, что там такие же отряды, как ваш?

— А кто нменно? Кто у ннх курбашн?

— Родственнник Жунаид-хана — Турды-Оглы,— прнняв важную позу, сказал я.

— Хорошо, хорошо. Мы тоже послали туда человека. Вы не вндeлн?

— Когда послали?

— Почти неделю назад,— сказал белобородый.

— Нет, не видел. Я уже седьмой день в путн, весь свой запас нзрасходовал.— Я вытащил нз-за пазухи половнну лепешки.— В понсках вас я мог бы погнбнуть, хорошо, что встретнлись.

— Ну, расскажн, расскажн,— толстяк стал засыпать меня разнымн вопросамн.

— Как у ннх дела?

Я тут не знал, как нм угодить: сказать хорошо нли сказать плохо н попасть в немнлость к этому господину? Решнл врать напропалую:

— Неплохо, неплохо! Часто делают налеты, отбивают много скота, всякого богатства, убивают актнвистов, коммуннстов.

— А большой отряд у вас?

— Где я был — пятьсот-шестьсот человек. А есть где-то еще больше...

— Кроме Турды-Оглы еще кто руководит? — оживился толстяк.

— Слышал, что какой-то человек приехал с той стороны, из-за границы. Образованный, знающий военное дело, но я его не видел.

Предводитель погладил бороду:

— Ну, дальше что? Рассказывай, слушаем!

— Меня прислали связаться с вами. Кто из вас главный — не знаю. Мне сказали, чтобы я только с ханом и его помощником повидался и разговаривал.

— Как раз я помощник хана. Пожалуйста, рассказывай без стеснения. Здесь все свои.

— Я очень рад. Мне поручено установить, каковы ваши успехи? Где вы действуете, сколько людей и хорошо ли с оружием? Не лучше ли нам быть вместе?

Помощник хана оглядел притихших басмачей:

— Вот, видите! Думаете, на возвышенности Устюрт только мы действуем? Вот слышите, друзья, о чем говорит этот представитель? У них побольше людей. А то среди нас есть неуверенные в наших силах. Но мы с каждым днем будем крепнуть. Кроме этого из-за границы будем получать помощь. Мне известно, в Таджикистане действует курбашы Мавлян с большим числом джигитов. Вы знаете, сколько войск у Ибрагим-бека? Очень много. Он тоже действует на границе Таджикистана и Узбекистана. Они нам помогут... Поэтому имейте надежду — мы достигнем своей цели.

Он повернулся ко мне и сразу спросил:

— Вы, наверное, голодны? Вас накормить надо за ваши хорошие сообщения. Ну-ка, дайте нам мясо, мягких лепешек и холодного чаю из бурдюка!

— Рахмат! Рахмат! — сказал я.

Я вытащил свою черствую лепешку, разломил на несколько частей.

— Правда, засохшая, угощайтесь. Это издалека.

Главарь взял кусок лепешки, приложил к глазам, поцеловал и приступил к еде. Я думаю про себя: «Это ваша лепешка, из вашей муки с разгромленной базы. Дураки!»

Покушав, я поднял обе руки к небу и сказал:

— Пусть аллах поможет нам.

Все повторили за мной эти слова.

Толстяк радостно сказал:

— Вы оказались очень счастливым. Вот здесь, километров восемнадцать, за горами, находится гарнизон красноармейцев. Их меньше ста человек. Сегодня мы с ними покончим навсегда. Вы, конечно, поедете обратно с добрыми вестями и хорошими подарками.

— Я очень благодарен и приму участие в бою,— сказал я,— а то в дороге мне было страшно все время от шакалов и волков. В одном месте они на меня напали, всю ночь пришлось жечь костер и сидеть до утра. Без оружия плохо. На обратном пути мне дадите какое-нибудь огнестрельное оружие...

— Как же, как же, обязательно! Самую лучшую винтовку, как только разобьем гарнизон аскеров.

Уже вечерело. Толстяк дал команду своим головорезам:

— Подкрепитесь на скорую руку, выедем с наступлением темноты! Да! Я еще забыл вас информировать, где наши действуют: в районе колодцев Кырык-Кудук (сорок колодцев). Около Аральского моря, в районе колодца «Дусен-Каскан» примерно трисга-четыреста всадников. Там находится наш уважаемый хан. Южнее гор Кара-Тау и Ак-Тау — тоже отряд.— Он указал рукой на восток.— Далее действуют в местности «Барса Кельмес», в районе реки Эмба, в районе Кара-Кумов, Кызыл-Кумов, где колодец Сенек. И у стыка больших песков Кара-Кума. Так что у нас сила большая! Нанесем удар аскерам и сотрем их с лица земли!

— А если мы будем действовать вместе, то будем непобедимой и могучей армией,— добавил я.

Толстяк одобрительно кивнул головой.

Уже стемнело. Помощник хана дал команду садиться на коней.

Впереди нас ехала группа всадников на расстоянии двухсот метров. За ними — помощник хана, я и человек тридцать всадников. Остальные группами двигались за нами.

Я про себя думаю: «Тут отбрехался неплохо, вошел в доверие. А как мне от них ускользнуть и сообщить дивизиону о замысле врага?» Вот здесь встал передо мною тяжелый, неразрешимый вопрос.

Все же промелькнул у меня луч надежды на то, что басмачи прямо с ходу на конях не нападут; возможно, остановятся поблизости от гарнизона, будут совещаться, каким образом и порядком действовать. Вот этот момент я должен использовать и уйти. Мои мысли прервал помощник хана.

— Вот, дорогой гость, остается до гарнизона километров пять.

Все ехали молча, только был слышен приглушенный топот коней и тревожное биение моего сердца.

Я взглянул на небо, на мерцавшие звезды. Сумею ли выполнить то, что задумал? Если бы звезды могли передать мои мысли моим товарищам по борьбе, коварные планы басмачей, которые они хотят осуществить в эту ночь. Опять мои размышления прервал помощник хана:

— Ты знаешь, дорогой гость,— шепнул он мне,— мы не только разгромим аскеров, но и освободим наших братьев, которых три дня тому назад захватили красные мерзавцы. И мой родственник находится там же.

Спустились в лощину. Передовая группа остановилась. Мы подъехали к ним. Один из них подъехал к помощнику хана и тихо сообщил, что ничего не слышно, кругом тишина. До гарнизона красных около двух километров, а впереди растет жилгин, высокие кусты которого послужат хорошей маскировкой. Предводитель приказал:

— Пусть они без шума слезают и поведут коней на поводу в сторону кустарников!

Мы подъехали к высоким кустарникам. Я сразу узнал эту рощу жилгана, которая тянется на протяжении полутора километров почти до гарнизона. А дальше — пески и частые кочки, заросшие редким чием и терескеном. Эти места мне были знакомы хорошо.

Помощник хана был окружен своими приближенными. Один из них обратился к нему:

— Что прикажете дальше?

Помощник хана указал одному из басмачей:

— Возьмите из своей группы человек двадцать, а коней привяжите покрепче к кустарникам. Двигайтесь вперед на расстояние одного километра, по пути проверьте, нет ли засады красных. Расположитесь там и ведите наблюдение. Учтите, ни один человек не должен

быть пропущен ни туда, ни сюда. В случае чего захватить и доставить ко мне.

Меня снова охватила тревога: как быть — если сумею уйти? Напрямик пойти — попадешь в руки их охраны, обходным путем — не успеешь сообщить, поздно будет.

В этот момент помощник хана начал говорить:

— Кто скажет, каким образом будем действовать: пешими или конными?

Один из басмачей, средних лет, бородатый, сказал:

— Я думаю, нужно напасть только пешими. На конях нельзя. Ночь тихая. Топот далеко слышен.— В этот момент я схватился за живот, согнулся, сделав вид, что мне нехорошо. Потом застонал.

— Что с вами? — забеспокоился помощник хана.

Я сказал, что после обильной еды мне плохо, по-видимому, расстроился желудок. Я сразу извинился и отошел в кусты, метров на двадцать. Сижу и прислушиваюсь к их разговору.

Обо мне речи не было, они были заняты своими планами нападения на гарнизон. Я потихоньку пошел дальше, скрываясь за каждым кустом. Повернувшись, посмотрел назад, но их уже не было видно.

Я с ходу пробежал примерно метров сто. Повернув зправо, взял направление к гарнизону. Ноги утопали в песке, кочки мешали движению. Я падал, поднимался и снова бежал. Ну, думаю, одурачил, обманул вас, сволочи, бандиты! Ваш замысел не будет осуществлен. Все равно добегу и сообщу. В этот момент передо мной как из-под земли выросли три басмача.

— Стой! Руки вверх!

Я бросился в левую сторону и бежать, но, споткнувшись о кочку, упал. Один из басмачей, догнав, навалился на меня, а двое с винтовками стояли по бокам. Вот тут я и подумал:

«Теперь не проведешь! Наверное, пришла моя смерть! А сообщить необходимо».

Бандит, который навалился на меня, встал и приказал подняться. Я поднимался не торопясь. Думаю: «До дивизиона недалеко. Крикну раза два изо всех сил, пусть после этого убьют, зато бойцы услышат мой крик. Я набрал полную грудь воздуха и два раза крикнул: «Ааа!

ааа!» На третий раз мне заткнули рот, связали руки и повели назад.

Через каких-нибудь десять минут я уже находился перед помощником хана. Сочинять уже было нечего, стоял и молчал, чтобы оттянуть время: может быть, появятся наши. Помощник хана посмотрел на меня, как тигр, который приготовился к прыжку. В ярости не знал он, что и сказать.

— Собака, агент красных!

В это время кто-то сильно ударил меня в спину. Я упал. Хотел крикнуть, но рот был заткнут тряпкой.

— Ну что, друзья! Я его допрошу, все из него выжму! Развяжите руки, разденьте его, оставьте в одних штанах

Как воронье, они налетели на меня. Один стаскивал сапоги, другой — рубашку. Раздели, поставили на колени. Помощник хана приказал принести ему хорошую камчу.

Пока разыскивали камчу получше, он вытащил из-за пазухи наган, взвел курок, направил дуло прямо мне в лоб и крикнул:

— Скажи, собачий сын, кто прислал тебя!

Тут подали ему камчу. Он положил на землю наган, взял в руки камчу.

— Простись с белым светом! Если скажешь правду, останешься в живых. Ну, рассказывай все подробно!

Я молчал.

— Ну, чего молчишь? Некогда, собака, мне с тобой возиться! — Замахнулся камчой. Я все молчал. Он встал, отошел чуть-чуть назад и приказал своим помощникам завязать мне рот и тонкой камчой несколько раз ударил по голове, по лицу, по спине — куда попало. От этих ударов потемнело в глазах, затошнило. Он приказал снова завязать руки, подошел ко мне близко, поднял мой подбородок рукоятью камчи:

— Хочешь жить? Скажи правду!

Я молчал. Он стал изо всех сил наносить удары тонкой свистящей камчой, исполосовал все тело.

Под конец ударил ногой по голове. Я потерял сознание. Через некоторое время очнулся. Сколько времени прошло — не знаю.

Меня держали двое, а помощник хана стоял передо

мной все еще в надежде услышать от меня что-нибудь о кызыл-аскерах. Он спросил, как меня зовут, чем занимался при ак-падише и в настоящее время.

— Тахсыр, успокойтесь, садитесь и развяжите мои руки. Я вам все расскажу.

Помощник хана, не ожидавший такого оборота дела, освободил руку, державшую мой подбородок, приказал развязать мои руки. Сел напротив, сложив ноги калачиком, и пытливо уставился на меня:

— Давно бы так. Послушаю, о чем ты будешь говорить. Если правду скажешь, не только освобожу, даже награду получишь. Если соврешь, то знаешь что с тобой будет? Привяжу к конскому хвосту, как дохлую собаку, буду гонять коня до тех пор, пока все твои косточки не рассыпятся по пустыне.

— Тахсыр, прошу только меня не прерывать,— твердо сказал я.— Меня зовут Батыр, сын Карима. При ак-падише, до последнего существования его, я был батраком, долгие годы пас байский скот. Только со дня образования советской власти все батраки и бедняки, в том числе и я, стали свободными хозяевами страны. Вся земля от китайской границы до Москвы и дальше принадлежит нам. Все честные люди трудятся спокойно и строят новую жизнь. А кто осмелится нарушить это — им пощады не будет...

Он не дал мне говорить дальше. Вскочил, ударил камчой:

— Ты будешь говорить, сколько у них аскеров? И где находятся их посты?

— Тахсыр, я предупреждал не перебивать меня. Слушайте дальше. Я не агент кызыл-аскеров, а честный джигит, пришел с кызыл-аскерами уничтожать волков и шакалов в этой пустыне.

— Слушай, дурак,—взревел помощник хана.—Сколько времени я нахожусь в этой пустыне, но волков и шакалов ни разу не видел,— и он ехидно засмеялся.

Я посмотрел на него в упор и дерзко сказал:

— А вы разве не волки? Вы еще хуже!

Помощник хана вскочил, как ужаленный, а один из басмачей с ножом в руке угрожающе произнес:

— Тахсыр! Что вы с ним нянчитесь? Нам уже пора действовать.

Помощник хана, видно, не любил когда подчиненные вмешиваются в его дела:

— А ну-ка помолчи! — прикрикнул он.— Этот босяк мне ничего не сказал о кызыл-аскерах. Только время тянет,— и приказал басмачу:

— Свяжите ему руки. Хватит ему сказки рассказывать!

Он вытащил сверкающий нож и провел пальцем по лезвию, удовлетворенно усмехнулся:

— Я сейчас поработаю над тобой: сначала отрежу ухо. Заговоришь! Если будешь молчать — другое ухо долой! Не заговоришь — носа лишишься. Доберусь до твоих глаз — выколю их. Будешь молчать — отрежу твой поганый язык, а затем зарежу как барана.— Он провел рукой по горлу.— Скажи всю правду, пока не поздно. Буду считать до трех: раз... два... — медленно произнес он.

Не успел произнести слово «три», как заработал пулемет. Пуля прожужжала меж ним и мной. Помощник хана упал на землю и пополз в кусты. Басмачей как ветром сдуло. Я остался один со связанными руками. Совсем рядом послышались крики «ура!». Примчались красноармейцы с обнаженными клинками.

И вдруг я получил сильный удар по шее. Мимо меня пронесся красноармеец с обнаженным клинком. Он развернулся и снова занес клинок:

— Сволочь! Ты еще жив, бандит?

Я растерялся и крикнул вашу фамилию:

— Дженчураев!..

Боец от неожиданности растерялся. Хотел что-то сказать, но в этот момент показался один из басмачей и он погнался за ним.

Я остался жив. Хотел идти, но ноги меня не слушались. В ушах шумело, голову ломило от раны, спина горела от побоев.

Я еще не верил в свое спасение. Может быть, впереди поджидает меня новая беда? Я отполз в кусты. Смотрю, на земле валяется наган помощника хана, которым он недавно угрожал мне. Я не мог поднять даже оружие — руки были крепко связаны.

Через некоторое время вернулась группа красноармейцев. Смотрю, ищут меня. Один из них говорит:

— Он был вот здесь. Голый, в одних подштанниках. Сволочь, откуда знает фамилию нашего командира? Я хотел покончить с ним. Но оставил, думаю, в штабе разберутся.

Я крикнул:

— Здесь я!

Слышу голос комвзвода Митракова:

— Некогда с ним сейчас разговаривать. Посадите на басмаческую лошадь. А вот черный халат. Набросьте на него.

Один боец привел мне коня помощника хана, который, растерявшись, ускакал на другом. Развязали мне руки, помогли сесть.

Слышу разговор сзади:

— Этот тоже бандит? Почему же ему руки завязали? Почему раздели? Весь избитый, в кровоподтеках. Разукрасили здорово! Родная бы мать не узнала. Наверное, очень провинился.

Я молчу. Разные думы в голове: «Побыстрее бы доставили меня в штаб. Не потерять бы остаток крови!».

Вот и вся моя вчерашняя история. Счастливы мои дети. Но никогда в жизни не забуду вашу фамилию, товарищ Дженчураев.

Через месяц наш проводник поправился и снова встал в строй. Ему подарили наган помощника хана и его коня.

В ОКРУЖЕНИИ

Из рассказов пленных мы узнали...

Пожилой человек с бегающими косыми глазами, спешившись, передал коня одному из джигитов и быстрыми шагами направился к белой юрте. Приоткрыв кошомную дверь, бочком вошел в юрту и, увидев хана, сидевшего в передней части юрты, остановился у порога. Вошедший приложил правую руку к груди, поклонился:

— Салям-алейкум, тахсыр-хан!

— Алейкум-ассалам! Дорогой мой! Очень рад вашему приезду.— Хан проворно пошел навстречу вошедшему с вытянутыми для приветствия руками.

Пожав друг другу руки, они провели ладонями по бороде. Хан предложил сесть гостю на разноцветную кошму.

— Как доехали? Я беспокоился за вас. Ну рассказывайте, как ваши успехи, какие новости? — весело потирая руки, торопил он прибывшего сотника.

— Тахсыр, вам известно, что в районе реки Эмба и Жило-Косынского района наши джигиты действовали мелкими разрозненными группами. Толку в этом было мало... Я собрал всех руководителей и создал один крупный отряд. Мы готовились сделать внезапный налет на

райцентр Доссор, но все сорвалось: помешали прибывшие туда кызыл-аскеры. Под их натиском пришлось оставить этот район и уйти в пустыню. По пути разграбили несколько магазинов. Имеем большую добычу. Активистов местных советов разогнали, а захваченных уничтожили. Дали им знать. Они долго будут помнить нас.

С отбитым скотом день и ночь пришлось двигаться на соединение с вами. В районе Кара-Тау и Ак-Тау оставили заслон из пятнадцати лучших моих джигитов для прикрытия нашего отхода. Но их постигло несчастье. Под вечер на них внезапно напала небольшая группа кызыл-аскеров. Джигиты отчаянно бились, и только один чудом уцелел, спрятавшись в кустах. Мне особенно жаль старшего этого заслона Мирзу. Он был храбрым воином и отличным стрелком. Из винтовки попадал в голову воробья. В этом бою он был ранен несколько раз. Кызыласкеры предложили ему сдаться в плен, обещали сохранить жизнь. Но он отвечал им из своего беш-атара. И погиб, как настоящий батыр.— Рассказчик умолк и задумался, уронив голову на грудь.

Хан обвел взглядом своих приближенных и сказал:

— Это геройский подвиг. Все джигиты должны знать об этом и поступать так, как сделал Мирза. Мулла, прошу прочесть молитву в честь батыров.

Мулла, опустившись на колени и положив на них руки, с полузакрытыми глазами начал хрипловатым голосом читать молитву.

Все, находящиеся в юрте, сидели неподвижно, опустив головы.

В тени ханской юрты сидела группа басмаческих джигитов. Им хорошо была слышна молитва.

В душу каждого закрались тревожные мысли: «Возможно, и с нами будет то же самое, что и с этими пятнадцатью джигитами. Ради чего они сложили свои головы в пустыне? Ради чего мы воюем?». Эти мысли залегли в их сердцах тяжелым камнем. И когда окончилась молитва, многие с гнетущими чувствами отошли в сторону.

После молитвы хан обратился к сотнику:

— Не горюй, мой дорогой. За добрые дела аллах воздаст должное погибшим джигитам. Им будет хорошо на том свете. Их души сразу попадут в рай. А за них

мы отомстим этим безбожникам кызыл-аскерам. Видите, сколько верных джигитов собралось в нашем отряде. Вместе с вашими — не меньше одной тысячи всадников. Сейчас смело можно наступать на кызыл-аскеров. Мы так и сделаем.

* * *

У нескольких колодцев басмачи поили лошадей. Некоторые, сбившись группами, о чем-то оживленно беседовали. В тени юрт походные парикмахеры брили наголо джигитов. В нескольких котлах варилось мясо. Неподалеку паслись отары. Спутанные кони щипали сухую, звенящую траву.

Басмачи обсуждали недавние события. Говорили о скоте, отбитом горсточкой красноармейцев, о разгроме их базы, о их неудачном ночном налете у колодца Босога, где находился гарнизон красноармейцев.

— Завтра кызыл-аскерам уже не придется радоваться своим успехам. Мы им за все отплатим. Если даже по десять человек будем бить каждый день, то хватит и недели,— сказал один из басмачей.

Мерген с несколькими джигитами сидел в стороне и шепотом вел разговор:

— Все равно и завтра, и за неделю не удастся уничтожить аскеров. Я видел их. Все молодые, здоровые, от аскеров до командиров. И пулеметов у них хватит. Завтра я воевать не буду. Милое дело — готовить пищу и воду возить. Мои друзья, я сомневаюсь в нашей победе.

Другой басмач, сидевший в кругу, сказал:

— Я тоже не уверен в нашей победе. Мерген, среди нас есть джигиты, которые думают так, как и мы.

Заметив приближение одного ханского головореза, Мерген перевел разговор на другое.

— О чем вы тут толкуете, дорогие гости?

Мерген, не долго думая, ответил:

— О завтрашней победе, о награждениях, о захваченной добыче.

Ханский джигит не понял иронии Мергена.

— Завтра посмотрим, кто и как отличится. Хан награждает только по заслугам,— подняв правую руку,

гордо произнес ханский джигит.— Ну ладно, все сегодня почетные гости, я пришел пригласить вас покушать мясо молодого барашка и послушать беседу хана.

Поблагодарив за приглашение, все поднялись, отряхнули запыленную одежду и направились за джигитом.

Когда все басмачи собрались в одном месте, подошел хан с приближенными и муллой. Обратился ко всем:

— Салям, славные джигиты!

Все вскочили с земли и, прижав правую руку к груди, поклонились:

— Салям, тахсыр-хан, салям.

Хан попросил их сесть.

Взоры всех обратились к хану, который, немного помолчав, с улыбкой начал:

— Дорогие доблестные джигиты! Настало время взяться за кызыл-аскеров, в кратчайший срок разгромить их. Захватить весь район, потом город. Взять власть в свои руки. Мы не одиноки. Основная наша опора — заграничные друзья — великая английская империя. Ей подчиняется полмира. Они ненавидели и ненавидят большевиков и советскую власть со дня ее появления. Английский хан посылал много своих войск помогать верным солдатам ак-падыши Николаю, чтобы уничтожить красных разбойников-босяков. В 1919 году англичане разбили красных моряков у форта Александровск. Мне тогда посчастливилось встретиться с одним английским военачальником. Он мне говорил, что большевики долго не продержатся. Рано или поздно вернется прежняя власть ак-падыши Николая. Англичане это сделают! Вот это оружие он мне подарил,— вытащив из-за пояса наган, хан поднял его над головой и показал сидящим басмачам.

— Некоторые из вас, наверное, еще не забыли, как после разгрома красных матросов мы собрали и спрятали много оружия. А вот сейчас оно нам пригодилось.

Мне приходилось быть в Иране, там я встречался с английским представителем, который обещал в любое время помочь нам не только оружием и патронами, а даже военными начальниками. Если мы будем действовать смело, сумеем настроить против Советов все население, нам непременно помогут наши заграничные друзья. Я

уже послал в Иран несколько человек осведомить друзей о наших делах. Жду со дня на день их возвращения. Нам с вами остается одно: смело действовать везде и всюду, и где бы ни встретились аскеры, коммунисты и активисты, беспощадно уничтожать их.

Когда мы достигнем нашей цели, хозяевами аулов и целых районов будете вы. Слышите, мои славные джигиты? Думаю, что мои славные джигиты покажут свою храбрость и мужество. Давайте дадим клятву Аллаху! — Подняв обе руки, устремив взоры на небо, он начал:

— Всемогущий Аллах, мы, твои рабы. Ты великий творец, спаси наши души от бед, исцели нас. Исполни все наши желания, накажи проклятых безбожников.

Хан и мулла провели ладонями по лицу:

— Аллах-акбар!

Басмачи повторили то же самое.

Толстый, низенький, с красными щеками ханский джигит лет тридцати пяти, занимавшийся хозяйственными делами, на полусогнутых коротких ножках подбежал к хану.

— Тахсыр, торжественный обед готов. Ждем вашего указания.

— Накормите джигитов досыта!

Хан, гордо подняв голову, медленно двинулся к своей юрте. А за ним поплыла вся его свита.

— Для нас самое главное — сытно покушать. А слова хана ничего не значат.— Тихонько шепнул другу Мерген.

— Ты, друг, прав,— тот подмигнул Мергену.

Обслуживающие джигиты подносили большие деревянные чаши вареного мяса и курдючного сала. Бараньи головы подавались аксакалам. Тут же подавался наваристый бульон.

Проголодавшаяся басмаческая орда, чавкая и сопя, торопливо орудовала челюстями и ножами, кто как мог. Если взглянуть бы на них со стороны, можно было подумать: не люди сидят полукругом, а пестрое воронье усеяло пространство.

После обильной пищи басмачи, ведя в поводу коней, пошли к кустарникам на отдых. Хан со своими приближенными отдыхал в юрте.

Лагерь басмачей, недавно кишевший как муравей-

ник, затих. Только наблюдатели бодрствовали, завидуя тем, кто сладко спал в тени...

Хан не успел положить голову на свернутый чапан, как его начали одолевать кошмарные сны.

Мулла тоже хотел прикорнуть, но сон никак не шел, хотя он и шептал молитвы. Видимо, жирная пища плохо действовала на его желудок.

Не прошло тридцати-сорока минут, как хан громко застонал во сне, вскочил и произнес: «Аллах!..»

Пот градом катился по его бледному лицу, губы дрожали, он не мог вымолвить слова.

Мулла тоже вскочил.

— Тахсыр-хан, что с вами? Вы нездоровы? На вас лица нет!

Хан, приблизившись к мулле, зашептал ему в самое ухо:

— Сколько лет живу на свете, такие сны еще не снились. Растолкуйте мой сон, но никому не говорите,— предупредил повелитель.—Как-будто я со своим войском иду в поход. Рядом со мной несут наше белое знамя. Я не еду, а лечу на сером коне. То и дело оборачиваюсь и любуюсь своей конницей, которой нет конца. Думаю: «С таким огромным войском я покорю весь мир». Вдруг внезапно со всех сторон налетают кызыл-аскеры с обнаженными клинками. Я приказываю своим джигитам уничтожить их. Закипел жестокий бой. Все перемешалось. Вдруг на меня с обнаженной саблей налетает один аскер, здоровый, страшный. Я хочу поднять свою саблю и ударить его. Не могу. Хочу крикнуть, позвать на помощь — голос пропал. Аскер ударил меня по лицу, выбил передние зубы и ускакал. Но я не почувствовал боли. В это время несколько моих джигитов подъехали ко мне, и мы поскакали дальше. Вдруг передо мной — страшная пропасть. Как я не сдерживал своего коня, он нес меня в эту темную бездну. Дальше ничего не помню. От испуга я проснулся.

Хан замолк и с надеждой посмотрел на муллу.

Мулла в душе уже по-своему разгадал сон своего повелителя; его сердце трепетало от страха. Но заговорил он как можно спокойней:

— Тахсыр-хан! Ваш сон неплохой. Во сне садиться на серого коня — это очень хорошо. У нашего пророка

Магомета конь тоже был серый. А потом наше белое знамя, которое несли рядом с вами, это слава о вас, которая всегда будет сопутствовать вам. А два ваших выбитых зуба без крови — об этом не стоит и печалиться: мы боремся с кызыл-аскерами — безбожниками. Война без потерь не бывает, всегда будут жертвы. Но души наших джигитов всегда будут попадать в рай. А насчет пропасти, куда вас конь понес: это же конь, а он всегда знает дорогу. Вы, значит, доехали до самого края земли. Если бы не проснулись, то конь вас непременно вынес бы снова к вашим войскам.

— Благодарю вас, мулла, за хорошее толкование моего сна.

Хотя хан был внешне спокоен, но на его душе был неприятный осадок.

Они оба провели по лицу руками и произнесли:

— Оберегай нас, Всемогущий! Аллах-акбар!

Мулла подумал про себя: «У хана сон плохой. Его ждут неприятности и печаль». В его сердце была тревога.

* * *

При пятидесятиградусной жаре, с распахнутыми воротами гимнастерок командиры сидели в тени мазара. Командир дивизиона, вытащив из кармана носовой платок и вытерев с лица пот, задумчиво посмотрел на всех:

— Маловато у нас людей. Даже сотни сабель не имеем. И поддержать нас некому. По соседству действует Ашхабадский оперативный дивизион. У них такие же силы. Да и связь с ними потеряна. Ее надо восстановить во что бы то ни стало.

— Товарищ командир дивизиона,— бойко сказал Митраков.— Малыми силами разбить превосходящего противника нужно искусство.

— Да, нам нужно применять искусство, вы правы, Митраков. А с басмачами воевать требуется особое искусство. У них своя тактика. Нажмешь — уйдут, исчезнут. А гоняться за каждым по пескам — вещь невозможная. Но только ослабишь нажим — начинают действовать очень активно. Каковы же результаты нашей раз-

ведки? Узнаем завтра. Но не нравится мне эта тишина, товарищи! Замышляют они что-то. Будьте же бдительны! А сейчас всем купаться!

Командир дивизиона встал и направился к колодцу. Мы за ним.

У колодца бойцы чистили коней, поили баранов. Важные верблюды пили с достоинством, фыркая и разбрызгивая драгоценную воду. Пулеметчик Старостенко, поивший верблюдов, ругался:

— Вот скотинушка. Расплевались, черти двугорбые!

Неподалеку группа бойцов чистила винтовки. Они посмеивались над пулеметчиком.

— А ты с ними повежливей, Игнат. Видишь они какие важные, наверное, из графского роду.

Потом бойцы вполголоса, душевно запели любимую песню о Буденном:

Мы красные кавалеристы,
И про нас, былинники речистые ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо, смело, в бой идем.
Веди ж Буденный, нас смелее в бой.
Пусть гром гремит, пускай пожар кругом.
Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба — борьба...

Величаво плыла песня над притихшей, раскаленной пустыней.

* * *

Позже мы узнали...

Хан вечером собрал главарей, чтобы обсудить завтрашний поход: нападение на гарнизон, находящийся в Босоге. Они намеревались полностью окружить красных и уничтожить их.

На следующий день рано утром, до восхода солнца, потянулась колонна басмачей, строго разбитая по сотням. Сзади на целый километр растянулся караван навьюченных верблюдов—с водой и продовольствием. Пыль стояла до самого неба. Хан в приподнятом настроении ехал впереди колонны со «священным» белым знаменем. Мерген пристроился к каравану сбоку с несколькими джигитами. Его обязанность состояла в обеспечении каравана водой. Эта задача считалась важной.

— Я обеспечу вас водой! Это очень важное дело,— сказал он своему сотнику, а сам подумал:

«Буду я вам возить воду за шестьдесят километров со скоростью черепахи. Посмотрим, какое будет у вас самочувствие!»

* * *

Впервые три друга-комсомольца Захаров, Малахов и Цитович были вместе назначены в разведку. Они выехали рано утром в северном направлении.

Захаров взглянул на небо:

— М-да... Сегодня опять будет чертово пекло.

Цитович, небольшого роста боец, произнес с украинским акцентом:

— Нам не привыкать!

Старший разведки Малахов, ехавший между ними, обратился к Захарову:

— Слушай, Захарыч, чей это у тебя конь? Бандитский, что ли?

Захаров похлопал коня по шее:

— Неделю тому назад басмачи ездили, а теперь я. Только немного худоватый. Если его кормить как следует и ухаживать, то будет неплохой конь. А своему коню я дал отдых. Увольнительную...

Малахов вдруг с воодушевлением произнес:

— Да, друзья, скоро конец моей службе! Осенью домой! Дома отец с матерью ждут не дождутся. У меня там есть хорошая девушка, моя будущая невеста. Все время пишет письма. Я, кажись, карточку ее вам показывал? — Малахов спохватился, глянул вперед.— Увлеклись мы с вами. Не на прогулке находимся. Ты, Цитович, веди наблюдение с правой стороны, а ты, Захарчик, с левой. Я прямо и назад буду поглядывать. Хотя местность открытая, но нельзя забывать обстановки.

— Мы без твоего предупреждения смотрим в оба,— сказал Захаров.

Цитович пошутил над Малаховым:

— У твоей невесты большое приданое? Корова, дом, свиньи?

Малахов, не обращая внимания на шутки товарища, продолжал мечтательно:

— Она комсомолка. После демобилизации будем работать в колхозе. Мы сами все это заработаем с ней и дом еще построим. Ох, какая эта девушка, ребята! И плясунья и певунья! Если бы вы видели ее!

Малахов так размечтался, что пришпорил коня, как будто хотел сию минуту полететь к своей милой. Цитович схватил за повод его коня.

— Захарчик, держи за другой повод,— засмеялся он.— А то он улетит, останемся без старшего.

Малахов достал флягу, смочил теплой водой пересохшие губы, сделал скупой глоток.

— Ну, друзья, хватит лясы точить, наблюдайте по сторонам, а я вам сейчас тихохонько спою песню. Сам я ее сочинил!

Кашлянув, словно прочищая горло и проверяя свой голос, он запел тихим и протяжным голосом:

— Я песню тихую пою
Про черноглазую мою
Каспийский берег при луне
Мне часто видится во сне.
Как будто мы с тобой вдвоем
Идем, смеемся и поем.

Ты жди меня, моя любовь,
Я здесь в пустыне бью врагов,
Чтоб лучше нам с тобой жилось,
Чтоб расставаться не пришлось.

— Ого! Вот где оказывается талант. Мы и не думали, что такой поэт пропадает в этой далекой пустыне,— смеясь, сказал Захаров.

Цитович поддержал товарища:

— А мы и не думали, что у нас свой Александр Сергеевич Пушкин.

— Ну-ка, ну-ка, давай-ка повтори еще раз! Я не запомнил,— берясь за повод Малахова, настойчиво сказал Захаров.

— Я не из гордых, могу сколько угодно спеть вам. Но только не сейчас.

У этих молодых людей были свои взгляды на жизнь, на любовь. Каждый мечтал и любил по-своему, но никогда еще не открывал или не успел еще ни перед кем открыть свою сердечную тайну. И вот вдали от родных

мест, в пустыне, друзья делились друг с другом самыми сокровенными мыслями.

После недолгого молчания вдруг душевно и доверительно заговорил всегда скрытный Захаров:

— Знаете, я в Гурьеве познакомился с девушкой. Ее зовут Галей. Она дочь знаменитого рыбака. Хорошая девчонка, выросла на море. Смелая, с открытой душой...

— Ко всему этому, наверное, очень красивая,— подшутил Малахов.

Не обращая внимания на шутки друга, Захаров самозабвенно продолжал:

— Кончу службу, ей богу, увезу ее на Волгу. Волга наша все равно что море. Ни в чем не уступит Каспию. Ей там будет очень хорошо, скучать не будет.

— Давай, давай, Захарчик, мы тебе поможем увезти ее. Самого лучшего коня дадим! — Малахов похлопал по плечу товарища.

Приближался полдень. Солнце стояло над головой. Гимнастерки разведчиков взмокли, на них затейливыми узорами выступила соль.

В указанном месте бойцы спешились, чтобы дать отдых коням и поразмяться самим.

Захаров похлопал по фляге, посмотрел на своих товарищей:

— Эх, и пить хочется! Сейчас выпил бы полведра холодной воды! А во фляге — прямо кипяток.

— Захарчик, в жаркое время никогда водой не напьешься. Нужно только губы смочить и во рту пополоскать,— наставительно сказал Малахов.— Ну, ребята, мы до указанного места доехали, теперь возвращаться пора. Кони тоже пить хотят. По коням!

Они вскочили на коней, двинулись в обратный путь. Кони теперь часто переходили на рысь. Бойцы их сдерживали, стараясь ехать шагом, чтобы не утомить их.

Захаров все любовался конем Цитовича:

— Хороший конь, настоящий скакун. На таком коне можно и убегать и догонять.

— Я ведь его сахаром балую частенько,— Цитович улыбался.— Когда я подхожу с пустыми руками, он мордой в карман лезет и толкает в спину. Словно спрашивает: «Где же твой сахар?» Такой пройдоха!

Цитович, похлопав своего коня, прищурился и глянул на белесое небо:

— А небо-то здесь словно выжгли.

Малахов, вытянув перед собой руки, как бы проверяя температуру, сказал:

— Градусов шестьдесят! Такая жара обжигает. И до конца осени нам придется быть в этом пекле. События только разворачиваются. Долго еще придется возиться с этими бандитами.

* * *

На взмыленном коне прискакал один из разведчиков, посланных в южном направлении, и доложил:

— В два часа дня, в пятнадцати километрах от гарнизона, наша разведка встретилась с передовым отрядом басмачей. За ним движется большая колонна. Трудно разобрать и определить их численность. По крайней мере, не менее тысячи. Наше отделение отходит с боем.

Через несколько минут дивизион был в боевой готовности. Приказ был коротким и ясным: командиру второго взвода Митракову с двумя отделениями и легким пулеметом выехать на поддержку разведотделения. Отделению станкового пулемета занять огневую точку на большом холме у мазара. А мне с кавалерийским взводом стоять наготове.

В три часа дня в трех километрах от нас мы увидели, как по трем лощинам лавиной спустились всадники. Один из отрядов направился к нашему левому флангу.

Несколько десятков всадников с белым знаменем двинулись к холму километрах в двух от нас. Вскоре знамя на длинном шесте установили на самой вершине холма. Я подумал, что там находятся все главари во главе с ханом. Тактика басмачей была ясна: взять нас в кольцо.

Наше южное разведотделение отходило с боями. К этому времени подоспел командир второго взвода Митраков со своими бойцами. Огнем из винтовок они заставили спешиться басмачей, наседавших на разведгруппу.

Сотня басмачей успела занять выгодный рубеж на двух больших холмах и своим огнем вынудили прижаться к земле в открытой местности бойцов Митракова.

Началась горячая перестрелка. Среди красноармейцев в цепи лежал Фетисов. Небольшая кочка не укрывала его огромную фигуру. Вражеские пули взметывали вокруг него фонтанчики земли. Но он оставался неуязвимым. Фетисов своим метким огнем успел сразить несколько бандитов.

Басмаческий мерген-снайпер был недоволен собой. Сегодня он что-то мазал.

— Слушай, вон видишь большую фигуру за кочкой? — обратился он к джигиту, лежащему рядом с ним.— Я много патронов израсходовал на него, но никак не могу попасть.

Басмач предложил:

— Давай вдвоем будем целиться в него, выберем удобный момент и... бах! — он засмеялся.

— Товарищ начальник, по вас мергены бьют, — крикнул один из бойцов,— вот сволочи! Переползите быстрее за большую кочку, а то ваша ненадежная.

— Спасибо вам, товарищ боец, действительно, сгоряча я даже не заметил. Сейчас достану патронов из подсумка.

Он чуть приподнялся. В это время почти одновременно прогремели два выстрела. Фетисов беззвучно опустил голову; басмаческая пуля ударила в поясницу, задела позвоночник. Два бойца успели перетащить его за свою кочку. Сделали перевязку. Но Фетисов был без сознания.

Басмачи начали окружать нас. Мне приказано было оставить два отделения при гарнизоне, с одним отделением и ручным пулеметом встретить басмаческую конницу, направляющуюся к нашему правому флангу. Атаковать и отбросить.

Противник решил контратаковать. Басмачи быстро развернулись и помчались на нас. Расстояние между нами быстро сокращалось. Шестьсот... пятьсот... четыреста метров... Пулеметчик спешился и залег. Конница мчалась на нас. Сверкнули сабли и пики.

— Шашки к бою! — скомандовал я.— Отделение за мной в атаку марш!

С криками «ура» ринулись мы в атаку с горсточкой бойцов. Заработал пулемет и начал косить мчавшихся навстречу нам басмачей.

Не выдержав ураганного огня и нашей стремительной атаки, они повернули коней и в панике помчались назад.

Вдруг слышу сзади крики атакующих басмачей. Я сразу развернул отделение, и бойцы кинулись в контратаку. Пулеметчик Киров успел перенести огонь по атакующим нас с тыла басмачам. Они замешкались и круто повернули вправо. Кони падали, бандиты перелетали через их головы. Уцелевшие хватались за конские хвосты, бежали за всадниками — лишь бы спастись.

Мы продолжали упорное преследование. Гнали их почти до самых холмов. Стрелки, засевшие на возвышенности, открыли сильный огонь. Нам пришлось отойти в укрытие.

Станковый пулемет, находящийся на холме, у ворот крепости, трещал беспрерывно. Видно, басмачи крепко наседали с северной и с северо-западной стороны.

Митраков с боем отходил со своим взводом к гарнизону. Мне хорошо было видно в бинокль, как басмачи свирепо обстреливали бойцов.

Из-за холма, на котором развевалось белое знамя, вынесся всадник.

— Видите, товарищи, это ханский связной,— указал я на всадника.— Поехал передать приказание хана. А ну-ка, снимите его!

Отделение открыло беспорядочную стрельбу. А всадник скакал; то перелет, то недолет. Бойцы тяжело дышали после недавней атаки: это сказывалось на их стрельбе. Вижу, напрасно расходуют патроны. Приказал прекратить огонь.

— Плохо стреляете по движущейся цели!

Командир отделения подтвердил:

— Да, товарищ командир, вы правы!

— Ну-ка, я попробую.

Выстрелил. Видно было, как пуля ударила под самыми копытами коня. Он отпрянул в сторону, а всадник чуть не свалился.

— Товарищ командир, промазали! — улыбаясь, сказал один из бойцов, лежавших в цепи.

— Я быстро перезарядил винтовку.

— А вот сейчас посмотрим. Первый выстрел был пристрелкой, а второй — в цель.

Я выстрелил. Всадник свалился. Конь шарахнулся вправо. Левая нога всадника, видно, застряла в стремени. Конь помчался еще быстрее, ударяя задними копытами по волочившемуся за ним хозяину.

Группа басмачей пыталась поймать коня, но он пустился вскачь прямо к нам. Мертвый басмач остался лежать в пустыне.

Трое бандитов, которые хотели поймать коня, попали под пулеметный огонь. Один из них свалился вместе с конем, а двое успели скрыться. Конь как стрела промчался мимо нас, чуть не задавив моего коновода Артомошкина, и остановился у штабной юрты. Ноздри его широко раздувались, и мелкая дрожь пробегала по всему телу. К седлу была привязана винтовка, в правом стремени торчал застрявший сапог бандита.

Командир отделения Покладов, лежавший правее меня, громко произнес:

— Посмотрите, товарищ командир, даже конь не хочет служить басмачам. Удрал от них с винтовкой и оставил хозяина без сапога.

Бойцы повеселели. Некоторые засмеялись этой очень уместной шутке. Вдруг слышу стон позади. Я оглянулся: и вижу — лучший певец дивизиона Карандин закрыл обеими руками лицо, а сквозь пальцы сочится кровь.

— Что с тобой, Карандин?

— Товарищ командир, я, кажется, ранен, но сам не знаю, куда. А кровь течет.

Я подполз к нему.

— Ну-ка, убери руки!

Пуля задела обе ноздри.

— Ничего, Карандин, легко отделался. Если бы лег на пять сантиметров вперед, то был бы конец. Песни будешь петь, как прежде, и девчата отворачиваться не будут! Это еще главнее.

Услышав подбадривающие слова, он улыбнулся. Оказали ему первую помощь.

Вскоре получил я приказ отойти на исходный рубеж и занять траншею, где находились два отделения моего взвода.

Под прикрытием пулеметов мы с трудом оторвались от наседавших на нас басмачей и присоединились к своим.

Воспользовавшись наступившей тишиной, часть бойцов стала поить коней. Простоявшие весь день под палящими лучами солнца, бараны рвались к колодцу. Трудно было их удержать.

Кони, не отрываясь от брезентовых ведер, пили с жадностью. Только верблюды стояли безучастные, медленно поворачивая головы. Они как будто удивлялись толкотне вокруг колодца.

К вечеру басмачи наступали уже со всех сторон. Как саранча, переползали от укрытия к укрытию. В некоторых местах подползали совсем близко к нашему переднему краю обороны. Но вклиниться в траншеи им не удалось. Ураганный огонь из всех видов оружия заставлял их прижиматься к земле.

Бой продолжался, пока не сгустились сумерки.

Когда стемнело, перестрелка прекратилась и наступила тишина, как будто ничего не произошло в этой обширной котловине.

Обходя окопы, я встретился с командиром взвода Митраковым.

— Ну как, рыжий, жарко было сегодня?

Митраков грустно вздохнул:

— Всем было жарко. Только жаль Фетисова, до сих пор не пришел в сознание. Какой был душевный человек! Прошел всю гражданскую войну. В самые суровые годы уцелел, а вот здесь?.. — он, тяжело вздохнув, махнул рукой.

— Мы солдаты, Вася! Ну, друг, пошли!

Мы пришли на командный пункт.

— Как дела, мои орлы? — спросил командир дивизиона.

— Пока спокойно, товарищ командир дивизиона.

Командир дивизиона пристально смотрел на нас:

— Басмачи превосходят нас в несколько раз. Они упорно наседают. У нас боеприпасы на исходе. А с ними придется повозиться. И помощи нам ждать неоткуда. Они не раз еще пойдут в атаку. Надо беречь каждый патрон. У нас есть одно преимущество: колодец в наших руках. У противника запаса воды ненадолго хватит, а доставлять ее надо за 60 километров. Обеспечить такую орду они не в состоянии. Так что им не удастся легко

разделаться с нами, как они думают. Товарищ Митраков, ваши разведчики вернулись?

— Нет, товарищ командир дивизиона. Возможно, к утру...

Политрук, присутствующий при разговоре, доложил:

— Перед заходом солнца я находился на холме, где установлен станковый пулемет. В четырех-пяти километрах от нас, в северном направлении, была слышна стрельба и взрывы гранат. Это продолжалось более часа. Видимо, наши разведчики встретились с басмачами и вступили в бой.

— Да, это несомненно. Но что с ними, аллах знает. Будем ждать...

Только успел командир дивизиона сказать это, как открылась пальба в западной стороне, где находился наш дозор.

— Дженчураев, берите своих людей и выясните, в чем дело,— приказал командир дивизиона.

Я с одним отделением прибыл к дозору. При лунном свете хорошо была видна фигура человека, бежавшего в нашу сторону и отстреливающегося на ходу.

— Стой, в кого стреляешь? — крикнул я ему.

— Товарищ командир, басмачи наступают. Вон там! — Он указал на кусты чия.

— Я там никого не вижу!

— Как не видите! Вон они! Вон!

— Эх ты! Это же кусты чия качаются от ветра.

Не веря, он протер руками глаза, стал внимательно всматриваться, а потом виновато сказал:

— Товарищ командир, честно признаюсь. Я лежал и вел наблюдение. Неожиданно вздремнул, но тут же проснулся. Вдруг мне показались наступающие басмачи. Я вскочил и начал стрелять.

— У страха, говорят, глаза велики,— сердито сказал я.

Опустив голову, он тихо произнес:

— Виноват, товарищ командир!

После этого, как только встречались кусты чия на пути, его друзья не давали бойцу покоя:

— Огонь, Бурков! Басмачи наступают!

Он на них не сердился. Смеялся вместе с ними и говорил:

— Критика исправляет человека.

Выставив новое боевое охранение, я направился в санпункт. Встретившийся фельдшер Ватолин сказал, что Фетисов умер.

С тяжелым чувством подошел я к юрте, в которой размещался санпункт. Навстречу мне вышел начальник окружного отдела ГПУ Калашников. Он прошел мимо, вытирая глаза платочком.

Я вошел в юрту. Покойник лежал на разостланном на земле сером красноармейском одеяле. У изголовья горела маленькая керосиновая лампа без стекла, поставленная на коробки из-под пулеметных дисков. Лицо Фетисова было закрыто белой простыней.

Я приоткрыл полотно: щеки и подбородок его обросли густой бородой. Мне показалось, что он не умер, а спит глубоким спокойным сном.

Невольно вспомнились мне его рассказы о гражданской войне, о трудных походах, о разгроме контрреволюции. Да, он был простым, скромным, душевным товарищем. Я закрыл его лицо и сказал:

— Прощай, дорогой товарищ!

Его похоронили этой же ночью в северной стороне от мазара, метрах в двадцати от него.

О смерти Фетисова знали все бойцы. Стиснув зубы, крепко сжав винтовки, они поклялись отомстить врагу за погибших товарищей...

В том же году в память о погибшем в боях с врагами советского народа чекисте Фетисове одна из улиц города Гурьева была названа его именем.

* * *

Была уже полночь. Западный ветер утих, и наступила мертвая тишина, изредка нарушаемая беспокойной возней баранов и фырканьем коней.

Бойцы, сидя в окопах, переговаривались шепотом:

— Скоро наступит утро. Опять начнется пекло и штурм басмачей.

Младшие командиры с суровыми лицами проверяли наличие боеприпасов, оружия, запасов воды во флягах и в какой уже раз предупреждали беречь каждый патрон...

И вдруг в мертвой тишине грянуло несколько выстрелов. Стреляли в северной стороне.

Мы все насторожились.

«Наверное, наши разведчики?» — была общая мысль, ибо мы ждали их с минуты на минуту.

Ясно слышались отдельные слова:

— Лови, лови, убей!

Послышался шум, зацокали копыта.

Наши пулеметчики, находящиеся на холме, заметили большую группу басмачей, преследовавших одинокого всадника. Они открыли по ним огонь.

Бандиты рассеялись. В один миг всадник карьером проскочил меж двух холмов и очутился возле нашей автомашины. Это был боец Цитович, уходивший в разведку вместе с Захаровым и Малаховым.

Когда мы подошли к нему, он с трудом слез с коня. Лицо у него было землистое, из потрескавшихся губ сочилась кровь, гимнастерка от пота казалось черной. За день он изменился неузнаваемо.

Его окружили командиры. Он обвел всех бессмысленным взглядом и хрипло произнес:

— П-и-и-ть... во-ды...

Фельдшер Ватолин торопливо протянул ему флягу. Тот без передышки опорожнил ее и глубоко вздохнул.

Его конь, широко раздувая ноздри, стоял покачиваясь и весь дрожа. Из простреленного уха сочилась кровь. Почуяв воду, он жалобно заржал и потянулся к Ватолину.

— Молодец, коняга, все-таки вынес хозяина. И напоим, и накормим тебя, как положено. Только после.

Цитович, успокоившись и придя в себя, глянул на командира дивизиона:

— Разрешите доложить?

— Садитесь и рассказывайте.

Цитович сел на большой кочке и, положив винтовку на колени, медленно начал свой рассказ:

— Мы доехали до указанного места и, никого не обнаружив, повернули назад. Километрах в четырех от гарнизона заметили группу всадников, более пятидесяти человек. Они ехали нам навстречу. Мы остановились в нерешительности: кроме басмачей, в этой пустыне никто не мог быть. Наши ездят строем, а эти двигались тол-

пой, как обычно ездят басмачи. Но почему они едут со стороны гарнизона? Неужели все наши посты спят? Этого быть не может! Странно?!.

Тогда Малахов сказал:

— Мы имеем приказ: «При встрече с превосходящими силами противника в бой не вступать». Давайте, пока не поздно, изменим маршрут.

Мы повернули влево, на восток, где тянулись сплошные холмы. Басмачи увидели нас. Поняли, что мы пытаемся ускользнуть от них. Они разделились на три группы, перешли на рысь, отрезая нам путь к гарнизону.

Малахов посмотрел на нас и сказал:

— Ну, друзья, попытаемся уйти от них. Если нам всем троим не удастся прорваться, Цитович, тебе придется попытать счастье. Конь у тебя лучше наших. Прорвешься любой ценой. А мы с Захаровым будем отбиваться и задержим их. Другого выхода у нас нет.

Я сказал:

— Митя, это все верно. Но оставить вас я не могу. Будем биться втроем, если придется — погибнем вместе.

Малахов сурово посмотрел на меня:

— Ты не забывай нашего устава! Приказ старшего не подлежит обсуждению!

Между тем противник нагонял нас. Мы стали отстреливаться и быстрым аллюром уходили на север. Басмачи преследовали нас с дикими криками. Вскоре они подбили под Захаровым коня. Малахов посадил его позади себя. Мы продолжали отходить Не проскакали и километра, конь Малахова обессилел, а басмачи все приближались. Положение было безвыходное. Малахов приказал мне:

— Цитович, скачи! Сообщи дивизиону о басмачах.

Они с Захаровым залегли за кочки. Я тоже хотел слезть с коня и вместе с ними отбиваться. Но Малахов так крикнул на меня, что мешкать было нечего. Я не видел никогда его таким суровым. Мне было трудно покидать их, с болью в душе я сказал:

— Прощайте, ребята, до скорой встречи!

Я пришпорил коня и помчался карьером...

И все оглядывался. Малахов и Захаров, лежа за кочками, обстреливали атакующих басмачей. Они своим ог-

нем заставили часть бандитов спешиться, а группа всадников погналась за мной.

Я мчался по пустыне и с радостью видел, что басмачи отстают. Вот их осталось уже трое, на самых выносливых лошадях. Один на белом высоком коне особенно вырвался вперед. Я обернулся, вскинул винтовку и выстрелил. Конь под ним рухнул. Тогда они прекратили преследование...

Я вырвался. Конь подо мной был весь в мыле. Я слез с него и поцеловал прямо в губы... И только тогда почувствовал смертельную жажду. Вытащил из сумки запасную флягу, но она была пробита пулей. Хоть бы капелька осталась!

Бедный конь! Он тянулся ко мне, сопя, обнюхивал пустую флягу. У меня во рту и горле пересохло, язык прилипал к нёбу. Но что было делать?

Я снова сел на пошатывающегося коня и снова увидел басмачей. Они мчались ко мне.

«Не подведи,— шепнул я коню.— На тебя вся надежда!» И конь вынес меня!

МЫ ПОБЕДИЛИ

Нам рассказали пленные...

Хан Тыналы сидел со своими приближенными на походных коврах и ожидал прибытия юз-башей (главарей сотен), которых он пригласил к себе на совет. Он был в хорошем настроении. Его гонец прибыл и доложил, что сейчас все явятся.

Десять юз-башей не заставили себя ждать. Хан обратился к ним, ласково оглядывая каждого и поглаживая острую бородку:

— Как у вас дела? Чем порадуете?

— Выхода нет кызыл-аскерам,— начал самый старший из юз-башей.— Ворота закрыты. Тюрьма.

Он начертил на песке круг. Все самодовольно заулыбались.

Другой юз-баши, помоложе, с гордостью заявил:

— Тахсыр хан! Мы сегодня их здорово прижали. Вырваться из нашего кольца им не удастся!

Все оживленно заговорили наперебой...

Хан, гордо откинувшись на одеяла, упираясь обеими руками о колена, начал медленно говорить:

— Вы со своими джигитами показали храбрость и преданность мне. Но одного окружения недостаточно.

Уничтожить всех до единого —это основная наша цель. Нам еще рано радоваться или хвастаться. Они будут бороться до последнего человека. Нам еще придется пролить немало крови. Таков уж путь к победе. Вы сами видели, аскеры своим метким огнем не дают нам поднять головы. Мы потеряли много своих джигитов. Но и у них тоже имеются убитые и раненые. Сил у нас больше, но кызыл-аскеры отчаянно дерутся.

Мой покойный отец, вы его все знаете, ненавидел Советы со дня их рождения. Он учил меня:

— Если собрался воевать — знай все о своем враге— и выиграешь сражение. У нашего противника в руках находится колодец с хорошей водой, им хватает ее даже для скотины, отбитой у нас. А у нас воды нет. Мы ездим за ней очень далеко. Попробуй напоить столько людей и лошадей! Нам с каждым днем становится все труднее с водой. Поэтому нужно немедля покончить с кызыл-аскерами. День и ночь нападать на них. Я надеюсь на вас. Через два дня мы должны пить чай из этого прекрасного колодца, кушать бешбармак и делить трофеи кызыласкеров.

— Тахсыр! — Один из юз-башей, встав во весь рост, склонил голову.— Вчера вечером, когда я вышел со своей сотней в тыл кызыл-аскеров, внезапно встретились с тремя их разведчиками. Они вступили с нами в бой. У двоих мы подбили коней, но они целый час храбро боролись до последнего дыхания. За третьим — пятнадцать моих всадников погнались и не могли его схватить. Он ушел от нас. В этой схватке я потерял одиннадцать джигитов. Но двое моих джигитов отличились особой храбростью. Я представляю их вам!

— Юз-баши! Все наши воины должны быть такими храбрыми, как эти двое. Люблю таких смелых, я их щедро вознагражу после победы,— пообещал хан.

— Благодарю вас, тахсыр, за ваше внимание! Завтра в сражении мои воины покажут себя.

— Верные мои друзья, на рассвете пойдем на них со всех сторон. Вы видели на холме у них пулемет? Он очень мешает нам. Во что бы то ни стало его нужно уничтожить и занять эту высоту. Выполнять эту задачу будете со своими джигитами: ты, ты и ты! — указал он на троих юз-башей, молча сидевших по левую сторону ха-

на.— Как только уничтожим пулемет, на этой высоте расположим лучших стрелков. Пусть они как мух щелкают аскеров сверху! Ха-ха-ха...— засмеялся хан, словно его мергены уже начали уничтожать красноармейцев.

— Тахсыр-хан! Мы вчера еще несколько раз пытались занять высоту. Но там сидят смельчаки с пулеметом и не дают подойти. Но мы их все равно выбьем!— заверил один из юз-башей.

— Я надеюсь на вас, мои славные воины! Кто займет эту высоту, будет щедро награжден. Обещаю дать сто баранов, самых лучших коней аскеров и десять верблюдов.— Затем хан молитвенно воздел руки:

— Аллах-акбар! Пусть сбудется наше желание!

Остальные не успели поднять руки вслед за ханом, как разорвалось несколько гранат в траншеях басмачей, метрах в двухстах от заседающего совета.

Хан крикнул:

— Кызыл-аскеры наступают!

* * *

В три часа дня басмачи, сосредоточив крупные силы, перешли в наступление. Они рвались в тыл моего взвода, стараясь во что бы то ни стало овладеть высотой, где находился наш станковый пулемет. Высота являлась самой выгодной точкой нашей обороны.

Боевой расчет пулемета во главе с политруком Клигманом яростно отбивался от упорно наступающих басмачей. Ствол пулемета накалился докрасна, вода в кожухе кипела как в самоваре. Из отводной трубки со свистом вылетал пар, мешая пулеметчику вести прицельный огонь.

Наконец, пулеметчик Старостенко снял с огневой позиции пулемет, ввел его в укрытие сменить воду в кожухе. Обжигая руки, торопясь, он сливал воду. Я услышал совсем рядом голоса басмачей:

— Тахсыр юз-баши, пулемет кызыл-аскеров не стреляет! Или он испортился, или патроны у них кончились!— обрадованно крикнул один из наступающих басмачей своему сотнику.

— Очень хорошо, сейчас возьмем высоту! — И тот поднял своих джигитов в атаку.

Боевой расчет отражал атаку противника ружейным огнем. Командир отделения Наумов торопил:

— Старостенко! Быстрее, быстрее давай пулемет! Подходят гады!

Поняв угрожающую опасность, я перебросил на высоту один ручной пулемет. И в самый критический момент пулеметчик Князев встретил огнем наступающих.

Посоветовавшись с командиром дивизиона, я с одним кавалерийским отделением незаметно по старому руслу реки вышел в тыл басмачам, осаждающим высоту. За высокими кустами жылгына замаскировались около пятидесяти всадников и около сотни коней; каждый держал в поводу коня пешенаступающего басмача. Мы открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов.

Банда, не ожидавшая удара с тыла, в панике кинулась на юго-запад, в тыл своей обороны. Коноводы побросали коней и ускакали кто куда.

Бойцы на высоте воспользовались этой паникой: быстро установили станковый пулемет на машине АМО и ринулись на ней в погоню.

Я сказал политруку Клигману:

— Есть старинная киргизская поговорка: «Качкан жооны катын алат» (Убегающего врага не только джигиты, но и бабы побеждают).

— Тогда давай нажмем на своих конях и дадим жару им! — сказал он.

Мы с Клигманом во главе кавалерийского отделения стали преследовать крупный отряд басмачей. Гнались за ними несколько километров. У бойцов утомились кони, и они один за другим стали отставать от нас.

Кони басмачей тоже выбились из сил. И бандиты, побросав их, залегли за кочками и начали обстреливать нас. Клигман, я и Цитович оказались окруженными. Спешились и тоже залегли. Начался неравный бой.

Пули свистели со всех сторон. Клигман стрелял и ругался. Я повернулся к нему:

— Кого ты ругаешь?

— Как не ругаться! Вон видишь с винтовкой в руках скачет баба, не хуже джигита. Сколько патронов выпустили и никак не могу снять. Давай помоги!

Я только хотел взять на прицел всадницу, но она уже скрылась за холмом.

Почему среди них оказались женщины? До сих пор не пойму!

Целых два часа отстреливались мы. У меня кончились патроны.

— Цитович, у тебя много патронов? — спросил я.

— Четыре обоймы, товарищ командир.

— Брось мне две! Вон смотри, на высоте залегли трое мергенов. Это лучшие стрелки. Палят без передышки. Я их сейчас угощу!

Я выпустил по ним одну обойму, и они замолчали.

— Товарищ командир! Мои патроны даром не пропали! Видите, за ноги тянут убитого басмача? — обрадованно произнес Цитович.

Машина со станковым пулеметом не могла проехать по пескам. Она повернула к левому флангу обороны противника. К ней присоединились бойцы с ручным пулеметом. Создалась таким образом огневая группа, которая нанесла неожиданный удар по флангу басмачей. Басмачи, побросав свои позиции, начали отходить на юго-восток.

Второй взвод тоже перешел в наступление. Дивизион наступал по всему фронту.

Действуя в тылу противника, мы уничтожили часть банды, а уцелевшие скрылись в горах.

Солнце уже клонилось к западу, но его горячие лучи обжигали тело. Пустыня дышала зноем. Поднявшийся ветерок не приносил облегчения. Этот день был особенно жарким.

Четыре часа вели мы напряженный бой в тылу басмачей. Кони качались от усталости и жажды. Гимнастерки бойцов потемнели от пота. Вода во флягах была горячей — ее можно было пить без конца, не утоляя жажды.

Басмачи отступали по всем направлениям — группами и в одиночку. Мы увидели поспешно отходящих пеших врагов по направлению к горам.

Клигман, Цитович и я галопом мчались за отступающими. Но через несколько сот метров прекратили преследование: конь Клигмана был ранен в ногу, а конь Цитовича не мог двигаться от усталости.

* * *

Так рассказывали нам пленные.

Предводитель басмачей — хан Тыналы — был отличным стрелком. С первых дней боев он находился вместе с двумя братьями всегда в самых острых местах. Братья заряжали винтовки и по очереди подавали ему оружие. Хан, выпустив все патроны, подавал брату пустую винтовку и получал заряженную. В последний день перед нашим наступлением оба брата были убиты.

Хан тяжело переживал утрату и сильно горевал. Приходил в отчаяние и дал клятву перед богом:

— Пока не отомщу за братьев — не сойду с этого места!

Он сидел возле убитых и не разрешал джигитам хоронить их.

— Сам похороню. Если нужно — лягу вместе с ними в могилу.

Один из верных ему джигитов доложил:

— Тахсыр-хан, все джигиты бросили окопы и отступают. Вы давали распоряжение отойти?

Хан возмутился:

— Нет, это трусы! Если буду жив, перевешаю всех юз-башей! Немедленно идите туда, найдите юз-башей, пусть займут свои места и остановят бегущих!

Связной хана помчался выполнять приказ. Но бойцы взвода Митракова сняли его меткими выстрелами прямо на глазах хана. Тот стал стрелять еще ожесточеннее...

И надо же было случиться такому: я поехал в сторону засевшего хана. Я не знал, что это предводитель басмачей.

И вдруг в одной из траншей, метрах в двадцати пяти, я увидел сидевшего басмача. У него на шее висел бинокль. Вокруг лежали убитые. Я вытащил клинок, поехал прямо на него и скомандовал:

— Встать! Руки вверх!

Он встал и поднял руки. Но левую руку держал подозрительно — на уровне головы. Подпустив меня на расстояние пятнадцати метров, из левого рукава он выхватил наган. Я остановил коня и тоже вытащил наган. Я приказал еще раз:

— Брось оружие! Все равно не уйдешь от меня!

Я хотел взять его живым.

— Оружие не брошу. Я отомщу за своих братьев! — крикнул он яростно. Он стоял бледный, его тонкие губы дрожали, в глазах сверкала ненависть.

— Кто же виноват, что твои братья убиты? С врагами народа так и поступают. Брось, оружие, бандит! — крикнул я еще раз.

— Ты мусульманин, молодой красный командир? Или безбожник? — со смехом и издевкой произнес басмач.

— Я коммунист!

— Я ненавижу коммунистов!

Он выстрелил из нагана. Пуля прошла возле правого уха. Я тоже выстрелил, но промахнулся. Басмач после первого выстрела принял удобную позу и прицелился.

А конь мой не стоял на месте, так и плясал, готовый сию же минуту сорваться с места.

Я выхватил клинок, пришпорил коня и ринулся на бандита. Басмач словчил и оказался под конем. Клинок рассек воздух, и тут же раздался выстрел бандита. Пуля перебила ногу коню. Он свалился на бок, придавив мне левую ногу. Он бился на песке, а я не мог встать.

— Ага, безбожник! Бог наказал тебя. Вот сейчас я с тобой разделаюсь!

Он выстрелил. Пуля прошла над моей головой. Я в свою очередь сделал выстрел и попал ему в живот. В этот момент я высвободил ногу и встал. Он еще раз выстрелил в меня, поранив ногу ниже бедра. Падая, я успел выстрелить. На белой рубашке на плече выступила кровь. Я снова прицелился и вдруг за спиной бандита, напротив, увидел Клигмана. Стрелять было опасно. Бандит повернулся, выстрелил в политрука и отбросил пустой наган. Он промахнулся. В тот же миг я увидел, как он выхватил из-за пазухи второй наган. Я в два прыжка очутился возле него и выстрелил в упор.

Он даже не охнул, мёдленно осел на землю.

Это все произошло за какие-то секунды. Возле меня оказались Клигман и бойцы. Один из них спросил:

— Вы ранены, товарищ командир?

Я не чувствовал боли, только чуть-чуть подергивало правую ногу.

Возле убитого лежали два нагана, кинжал, две винтовки, одна из них английская, и бинокль.

Я глянул на своего коня с перебитой ногой. Он жалобно заржал, словно просил о помощи.

Чем я мог ему помочь? Мой конь — боевой мой товарищ. Я похлопал его по крутой шее — распрощался с ним...

Красноармеец Марин подвел мне своего коня. Я захватил все оружие бандита, и мы двинулись на командный пункт.

В траншеях было много убитых басмачей. Всюду валялись лопаты с длинными ручками.

Я подумал, откуда они научились рыть окопы по всем правилам.

На командном пункте я стал докладывать о результатах четырехчасового боя в тылу врага. Но меня прервал начальник окружного отдела ГПУ Калашников, на его малиновых петлицах сверкало по два ромба.

— Все действия вашей группы мы видели, товарищ Дженчураев. Молодцы, ребята!

— Служим Советскому Союзу! — смутившись, произнес я.

— Товарищ Дженчураев, ты вооружился до зубов. Банде оставил бы немного,— пошутил командир дивизиона.

— Это оружие только с одного басмача. А там еще много винтовок.

Командир дивизиона быстро спросил:

— Ты ранен? И молчишь?

— Не страшно. Ногу немного продырявили.

— Как ничего? Кровь течет. Слезай с коня живо! И немедленно в санпункт!

Я спешился и снял с себя трофейное оружие. Бинокль протянул фельдшеру.

— На, у тебя не было! А без него нельзя воевать.

— За это большой рахмат. А теперь пойдем со мной.

Вот когда заныла простреленная нога. Я шел за Ватолиным хромая.

— Вот, товарищ командир, с сегодняшнего дня вы находитесь в моем распоряжении.

— Люди будут воевать, а я буду лежать у тебя? Нет, так не пойдет, мой друг!

— На эту тему поговорим после. Выпей-ка остывшего чая. Губы твои пересохли.

Он подал мне кружку. Я выпил залпом.

* * *

Мерген с несколькими джигитами и караваном верблюдов двинулись за водой к далеким колодцам. Надо было пройти по раскаленной пустыне более шестидесяти километров. На душе Мергена была радость: он не участвовал в сражении.

И самое главное, его нисколько не беспокоило бедственное положение «друзей», оставшихся без воды. Только к вечеру на следующий день он отъехал от колодцев и не спеша отправился в обратный путь. На полпути встретил первую группу отступающих.

— Вы быстро справились с аскерами, я тоже тороплюсь обеспечить вас водой,— не без издевки сказал он.— Думаю, что меня тоже не забудут наградить.

— Тебя ждет большая награда. Торопись к хану,— сердито буркнул один из всадников.

— Мы без воды мучились, а ты только на полпути! Победишь с такими, как ты! — сказал другой басмач.

Часто теперь встречались каравану отступающие. В большинстве они ехали по двое на одной лошади. Лица почерневшие и печальные. Многие из них потеряли в бою родных и близких.

Один из друзей Мергена подъехал к нему, поздоровавшись, попросил напиться. Он подробно рассказал о последнем бое.

— Ты, Мерген, мудрец! Далеко видел. Давай-ка поворачивай обратно, пока не поздно.

* * *

Утром вернулась разведка, выяснившая, что следы отступающей банды идут строго на юг.

Командир дивизиона, Клигман и Цитович во главе кавалерийского взвода Митракова поехали на поиски Малахова и Захарова.

Трехдневный бой, нестерпимая жара и ненормальное питание измотали бойцов. Пустыня была пепельно-желтой от зноя. Казалось, отойди на несколько шагов от живительного колодца — сгоришь в этом пекле.

Но бойцы рвались вперед: судьба Малахова и Захарова волновала каждого до глубины души.

Цитович ехал впереди. Он молчал, молчали и бойцы. И вот перед ними стали раскрываться шаг за шагом подробности смертельной схватки разведчиков с басмачами. Сначала наткнулись на лошадь Малахова, метрах в ста лежал и сам Малахов весь в крови. Песок возле бойца был иссечен пулями. Малахов был весь изранен: в живот, бедро, грудь, голову. Он лежал в одном нижнем белье — басмачи раздели его. Глаза выколоты. Уши обрезаны...

Захарова обнаружили шагах в трехстах от Малахова. По-видимому, он был ранен возле Малахова и отходил в нашу сторону. Он тоже был раздет, изуродован... Вокруг бойца валялось много стреляных гильз, разбитая винтовка.

Их похоронили вместе в глубокой могиле на самом высоком бархане.

— Вчера мы захватили одного раненого басмача. Может быть, он знает подробности их гибели? — произнес командир дивизиона. — Нужно будет допросить его...

Перед заходом солнца ко мне пришел Митраков, подробно рассказал о гибели Малахова и Захарова. Допрос пленного басмача нарисовал полную картину этого боя.

— Два красноармейца,— как рассказывал пленный,— храбро сражались против семидесяти человек. Они не давали поднять головы и стреляли очень метко. Когда один был убит, другой взял его винтовку, гранаты и продолжал бой, постепенно отходя к своим. Он ловко укрывался за кочками, и даже признанные мергены не могли попасть в него. Но наконец-то пуля угодила в него. Но когда с радостными криками кинулись к нему, он швырнул одну за другой две гранаты. Много погибло джигитов.

— Брось оружие! Сдавайся! — кричали ему.

— Кызыл-аскеры не сдаются, — с ненавистью ответил он.

Тогда решили покончить с ним. Один из ловких джигитов подкрался к нему сзади и убил ударом кинжала.

Долго стояли джигиты над телом бойца, пораженные его храбростью. И даже юз-баши сказал, что он хотел бы иметь таких воинов.

Когда пленного спросили, победят ли они Красную Армию, он долго молчал, а потом оглядел нас всех умными хитроватыми глазами и твердо сказал:

— Нет, я не уверен. Так думают многие. Как можно победить Красную Армию, когда она победила ак-падишаха с его великим войском? Мы напрасно воюем.

И снова ему задали вопрос:

— Если ты так думаешь, зачем пошел воевать против Красной Армии? Зачем грабил мирное население, убивал честных людей?

— В этом деле моя ошибка, — он опустил голову на грудь и вздохнул.— Может, простят, если буду честно трудиться? Нас запугивали и мы попали в басмачи. Сейчас у многих открыты глаза.

* * *

Когда стемнело, дежурный по гарнизону передал приказ командира дивизиона: явиться на совещание всем командирам. Фельдшер Ватолин строго предупредил меня, чтобы я не вставал.

Но только затихли его шаги, я вызвал своего коновода Артомошкина, попросил найти мне палку. Вскоре он, улыбаясь, подал черенок от бандитской лопаты.

— Я, товарищ командир, знал, что попросите опору.

— Вот какой ты догадливый, друг мой Артомошкин, благодарю за заботу. Я взял палку и, опираясь на нее, двинулся к машине, где уже сидели командиры. Тихо присел позади Ватолина. Он даже не заметил меня. Командир дивизиона укоризненно покачал головой, но в его глазах сверкнула одобрительная усмешка.

— Товарищи, — начал он, как всегда спокойно, — уже около двух месяцев гоняемся мы за басмачами. Боеприпасы на исходе. Продукты питания кроме мяса ограничены. До нашей базы более трехсот километров. И если говорить начистоту, мы отрезаны от нее. В этих

боях мы тоже имеем потери. Положение у нас тяжелое. Остается одно: отступить к пристани Кендерли, которая является самым ближайшим пунктом. Из Кендерли морским путем можно связаться с базой, запастись всем необходимым. Будут ли у кого соображения или вопросы?

Все молчали: мысли командира дивизиона были верными.

— Молчание — знак согласия? — сказал в тишине Клигман.

— Значит, в ночь мы покидаем нашу крепость! Приготовьтесь к выступлению.

— Что будем делать с баранами, верблюдами, лошадьми и пленными басмачами? — спросил я. — Кто их будет сопровождать?

Фельдшер сразу повернулся ко мне и застыл в недоумении. В присутствии старших командиров, видимо, счел неудобным бранить меня. Я же повернул голову в другую сторону, как будто не замечаю его. Командир дивизиона подробно изложил план нашего движения.

На этом совещание закончилось.

Дивизион готовился к выступлению. Старшина распорядился наполнить водой всю имеющуюся тару: бочки, бурдюки и навьючить их на верблюдов.

Ровно в двадцать два ноль-ноль тронулись в путь. Очень жаль было расставаться с нашим колодцем, с такой питьевой водой.

Совершив стотридцатикилометровый переход, дивизион прибыл на пристань Кендерли.

Берега Каспия в этом месте отлогие, заросшие травой, кустарником и редким чием. Море отступило от старого берега метров на сто пятьдесят — двести. И пляж был чудесный. Сама пристань небольшая. Постройки в основном глинобитные. Но есть несколько деревянных бараков, где жили члены рыболовецкой артели.

До нашего приезда рыбаки, напуганные басмачами, жили в тревоге. На ночь они уходили в море на катерах, рыбацких больших лодках.

Наш приход несказанно обрадовал их. Спрашивали: скоро ли будут разгромлены бандиты, надолго ли мы приехали?

На следующий день небольшой катер, забрав раненых бойцов, помчался по морю к форту Шевченко. Я и мой коновод Артомошкин, тоже раненый, категорически отказались ехать в госпиталь.

Красноармейцы приводили в порядок снаряжение, устраивали шалаши для жилья, помогали рыбакам тащить сети и солить рыбу.

Под руководством ветфельдшера Чурсина редколлегия заканчивала выпуск боевого листка.

В одной из комнат барака, где расположился штаб дивизиона, проходило партийное собрание.

Секретарь партячейки политрук Клигман доложил партийному собранию о бойцах, подавших заявление о приеме их в ряды большевистской партии. Среди них было заявление фельдшера Ватолина.

Кандидатами в ряды партии были приняты пять человек, проявившие отвагу и мужество в боях с басмачами.

Особенно волновался Ватолин. Но все выступающие горячо поддержали его кандидатуру...

Через десять лет я встретил нашего бывшего фельдшера в одном из военных медицинских учреждений уже капитаном медслужбы...

После трудных боев и походов отдых на пристани Кендерли казался настоящим курортом, несмотря на то, что хлеба у нас не было несколько дней.

В течение десяти суток я точно выполнял все указания нашего многоуважаемого доктора, как все его называли для солидности. Бойцы, купаясь в прозрачно-зеленоватых водах Каспия, соблазнили и меня. На камере я далеко уплывал в море, конечно, в отсутствие фельдшера Ватолина. Он долго не догадывался о том, что я купаюсь. На свое место я укладывал кого-нибудь из бойцов, укрывал его с головой одеялом, а сам уходил к морю. Мой фельдшер был очень доволен мной, что я отдыхаю и сплю продолжительное время и что дело идет на поправку.

Вскоре меня кто-то выдал. Как раз в тот момент, когда я выходил из воды, фельдшер встретил меня недовольным взглядом, рассердился не на шутку:

— В госпиталь не поехали и здесь не хотите спокой-

но лежать. Хотите без ноги остаться, товарищ командир?

— Не сердись на меня, дорогой доктор,— искренно попросил я. — Я слышал лекцию одного профессора. Он говорил, что раны быстро заживают от соленой морской воды.

— Приказываю лечь в постель! — неумолимо приказал Ватолин.

Мне стало неудобно за нарушение медицинского режима. Я, улыбнувшись, похлопал его по плечу, он же ради меня беспокоится, и продолжал свои доводы.

— Вот профессора и говорят, что морская вода — лучшее лекарство. Я хочу проверить, действительно ли это так. Вы сами мне вчера сказали, что дело идет к лучшему, значит, морская вода помогла.

Ватолин согласился со мной.

— Жаманкул, еще много всяких не раскрытых секретов в медицине.

Ватолин, поддерживая меня под руку, повел к санпункту.

БОЙ В САРЫ-КАМЫШЕ

После двадцатидневного отдыха в Кендерли дивизион, получив продовольствие, боеприпасы, фураж и пополнение, выступил на поиск основных сил басмачей.

Целый месяц колесили мы по малообитаемым местам, встречались с мелкими отрядами басмачей, но они, не принимая боя, уходили от нас.

В начале августа мы захватили трех связных — они должны были наладить связь каракумских отрядов с устюртскими. У одного басмача нашли письмо, написанное на арабском языке.

«Мы узнали о геройской гибели верного сына мусульман, вашего хана Тыналы, от рук кызыл-аскеров.

С большим прискорбием разделяем ваше горе. Пусть его прах покоится в земле, а душа попадет в рай. Мы действуем решительно. На днях окружили в безводных барханах отряд кызыл-аскеров и перебили до единого. Разгневанные кызыл-аскеры начали мстить нам. Они всюду. Наша цель одна, поэтому нам необходимо действовать совместно. Через наших посланцев сообщите ваши планы. Аллах один, он поможет вам и нам!»...

Ночью дивизион остановился на отдых километрах в десяти от местности Сары-Камыш. Я с отделением выехал на разведку.

Разведотделение двигалось осторожно—от укрытия к укрытию. Светила полная луна. Проводник Жеке указал на юг:

— Видишь, сынок, небольшую гору? За ней есть несколько колодцев с хорошей водой. Там всегда сочная трава. Кони будут сыты. А в лощине растут редкие камыши. Вот потому и называют это место Сары-Камыш.

«Значит, там могут быть и басмачи», — подумал я.

Спустились в глубокую лощину, идущую с востока на запад, заросшую камышом. А где камыш, там и вода. Вскоре и на самом деле заблестели небольшие лужицы.

Снова вышли на равнину. Я стал осматривать в бинокль цепь барханов и увидел много всадников и навьюченных верблюдов.

Головной дозор, находящийся от нас на расстоянии двух километров, подал сигнал: «Вижу конницу противника».

— Жеке, вы видите?

— Да, вижу без бинокля. Это наши «друзья», которых мы так долго ищем.

— Глаза у тебя, как у беркута, Жеке.

Жеке с довольным видом улыбнулся, подкрутил свои усы.

У меня промелькнула мысль: «Это, наверное, и есть главные силы басмачей. Сегодня предстоит горячая схватка».

Я еще раз приложил к глазам бинокль. По суете басмачей можно было догадаться, что они нас тоже заметили. Я стал смотреть назад — но наших не было видно. Тогда я послал к ним одного бойца с донесением: обнаружен враг.

Более тридцати всадников быстрым аллюром помчались в нашу сторону... Это была боевая разведка.

Мы быстро замаскировали пулеметчика, и отделение двинулось навстречу врагу. Расчет был прост — заманить врага под пулеметный огонь.

И вот басмачи уже перед нами. Мы круто поворачиваем коней и что есть силы удираем от них. Во весь дух помчались за нами в погоню враги. Радостные крики. Сверкают над их головами кривые сабли. Мы промчались мимо пулеметчика.

— Тра-та-та-та, — заработал пулемет. Посыпались с коней басмачи. Заметались в панике, сбивая друг друга. Повернули вспять. А мы с криками «ура!» — за ними.

Гнали мы их километра два. И когда кончили преследование, — они долго еще удирали без оглядки. Мы были довольны—ловушка была удачной. Жеке пошутил:

— Они примчатся к своему предводителю и попросят заменить им штаны.

— А если нет запасного белья, что делать тогда? — спросил один из бойцов.

— Тогда стирать придется...

После выяснилось: предводитель стоял возле своего белого знамени и с улыбкой наблюдал, как его джигиты преследуют кызыл-аскеров.

— Видите, как наши джигиты погнали аскеров! — говорил он своим приближенным. — Наступают им на хвосты! Скоро полетят отрубленные головы. Я не пожалею для своих разведчиков наград...

Но тут он смущенно замолчал, увидев, как басмачи попали под пулеметный огонь.

— Худай сакта! Худай сакта! Спаси господи! — закричал он через секунду и вскочил на коня.

Разведчики, вернувшись в свой стан, толком не могли рассказать предводителю о случившемся.

— Где у вас были глаза! — кричал на них рассвирепевший главарь. — Так вам и надо! Тридцать человек удирали от десяти. Даже не сумели убить хоть одного, а потеряли половину.

Он вызвал к себе всех сотников.

— Начнем окружать их. Если будут отступать, уничтожим до единого. Я хочу видеть у своих ног отрубленные головы кызыл-аскеров.

Холеный мулла в полосатом шелковом чапане и большой белоснежной чалме начал свою проповедь:

— Слушайте, правоверные, — он поднял к небу руки. — Вы идете на святое дело — убивать безбожников. Аллах, дай нашим славным джигитам победу. Да хранит вас всемогущий! Кто погибнет от рук неверных — тот попадет в рай. Кто убьет врага, того ждут почести.

Все шумно произнесли: «Аминь!» — и провели ладонями по лицу.

Предводитель знал, что появившаяся группа кызыласкеров — это только разведчики. Где-то недалеко главные силы красных. И он решил немедленно напасть на эту группу, уничтожить ее до подхода основных сил.

— Пора двигаться! — приказал он.

Во главе колонны несли знамя. Басмачи двигались сотнями, растянувшись почти на два километра. Из-под копыт вздымалась густая пыль. Лучи утреннего солнца сверкали на оружии. Сотни на ходу развертывались в боевой порядок.

Около трехсот всадников свернули вправо и направились в лощину, идущую с востока, в наш тыл. Большинство начали обходить нас слева.

Тактика врага ясна: две колонны стремились обойти нас с флангов, выйти в тыл и отрезать нам отход.

Более сотни всадников двигалось прямо на нас, человек двести со знаменем направились к продолговатой горе, находящейся от нас в километре. По-видимому, это был боевой резерв с главарем банды.

Мы начали отходить, чтобы не быть отрезанными. Басмачи пошли в атаку.

Пулеметным огнем мы рассеяли наступающую группу. Но слева из лощины несся на нас отряд примерно в триста всадников. И вдруг они повернули назад, наперерез им неслись главные силы нашего дивизиона.

Главарь басмачей, стоявший на горке со своим резервом, бросил на помощь отступающим джигитам часть резерва. Под ураганным огнем басмачей наши спешились и залегли. Закипела горячая перестрелка.

На наше отделение наступало человек триста басмачей. Положение становилось критическим. В этот момент подоспели два моих отделения со станковым пулеметом. Взвод заставил залечь басмачей и занять оборону.

Теперь главарь со своим резервом переместился на большие холмы в семистах метрах от нас и водрузил там свое знамя. Пулеметчик Старостенко огнем станкового пулемета дважды сбивал его. Но они его снова устанавливали.

До шести часов вечера продолжался горячий бой. Басмачи несколько раз бросались в атаку. Заходили то справа, то слева.

Незаметно приполз к нам с несколькими бойцами политрук.

— Здорово нажимают на тебя, Джаманкул. Даже против тебя выставили свое священное знамя. Знаешь, меня сегодня чуть-чуть не кокнули. Я лежал рядом с пулеметчиком Калининым на самом хребте. Басмачи наседали на нас. Калинин так их крошил, что душа моя ликовала от такой работы. Левее от нас были заросли саксаула. Вдруг возле самого уха прожужжала пуля. Я пригнулся к земле. И тут замолчал пулемет. Смотрю, Калинин опустил голову на диск пулемета. Я толкнул его локтем, позвал по имени. Вижу, вырван весь подбородок и перебита гортань. Опять пропела у самого уха пуля. Я переменил место и стал чесать из пулемета по саксаулу. Прочесал и сказал Митракову, что басмаческий снайпер притаился в зарослях и убил пулеметчика. Он с отделением пополз туда и обнаружил за корягой саксаула мергена. Басмач попытался уйти, да где там — разве уйдешь от наших? И знаешь, из чего он стрелял? Из берданки. Пуля в палец и разрывная.

— Жалко пулеметчика, хороший был парень, — я отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Здоровый детина,— сказал Клигман.— Весельчак и первый гармонист.

В восемнадцать часов силами всего отряда при поддержке двух станковых и нескольких ручных пулеметов мы внезапно атаковали басмачей. Они не выдержали натиска и стали поспешно отступать.

Бойцы врезались в массу бегущих, и пошли в ход клинки. Страшное это дело, когда кавалеристы рубят бегущих — тут нет никакого спасения. Слева, метрах в тридцати от меня, командир отделения Покладов упорно гонялся с обнаженным клинком за всадником в пышной белой чалме. Вот он догнал его, нанес удар, но неудачно — срубил заднюю луку его седла. Я сразу узнал удиравшего. Это был мулла. Теперь он уходил от командира отделения на своем резвом коне, пригнувшись к самой его шее. Я, повернув коня, начал преследовать его. Он был всего в двадцати метрах от меня. Слышу

его призывы: «Аллах, сакта, аллах, сакта!* Конь под ним споткнулся, слетела с головы чалма, развернулась на песке широкой белой лентой... Он уходил от меня, бешено нахлестывая коня... Я выхватил наган и выстрелил. Мулла ухватился за мягкое место, а другой рукой за гриву коня — и скрылся за барханом.

— Эй, мулла, мы еще встретимся с тобой! — крикнул я ему вслед.

Преследование остатков банды продолжалось дотемна. Они рассеялись в барханах. Наш отряд вернулся к колодцу, где недавно была база басмачей. Похоронили убитых и расположились на отдых.

Чалма муллы из двадцати метров тонкого батиста была у меня. В минуты отдыха я одевал ее на голову и, представляя богослужителя, смешил бойцов. Чалму хранил мой коновод, предупрежденный мной о том, что она будет сдана в исторический музей. К сожалению, сохранить ее не удалось: красноармейцы так пообносились, что мы сшили из нее несколько нательных рубашек.

Утром, разбившись на два отряда, дивизион возобновил преследование басмачей. В полдень мой отряд столкнулся с небольшой группой, но она поспешно отошла. Банда скрылась в пустыне, потеряв несколько человек. Кони басмачей очень выносливы, и бандиты всегда уходили от нас.

Мы вышли на большую равнину. Случайно наткнулись на огромное кладбище, расположенное в двух местах, на расстоянии пятидесяти метров друг от друга. Неподалеку сделали привал.

— Гали, — спросил я проводника, — пойдем посмотрим, что это за кладбище в таком пустынном месте? Первый раз вижу такое расположение могил...

Подошли к кладбищу. На осевших холмиках установлены камни высотой до метра. Они расположены ровными рядами по прямой линии. Мы насчитали более тысячи надмогильных плит.

Подошли к другому кладбищу — там камни такой же формы, только черного цвета. И снова более тысячи камней.

---

* Аллах, сакта — спаси, господи.

— Ну, Гали, садись, рассказывай. Ты знаток этих мест. Что это за могилы? Кто похоронен в этой пустыне?

Он призадумался и начал свой рассказ:

«Два—три поколения до нас была вражда между туркменами и адайцами. Туркмен ты знаешь, а об адайцах так выражаются: «Танысан адай мен — танымасан-худай мен» (если знаешь меня, я адай, если не знаешь — я бог твой). Казахи делятся на три рода: улу-юз, орто-юз, кичи-юз. Кичи-юз — самый младший род адайцев. И о них есть такая поговорка: «Улу-юзу — старшему дай в руки палку и поставь пасти баранов. Орто-юзу — среднему дай в руки нож и поставь крошить мясо, а кичи-юзу — младшему дай в руки оружие и поставь против врага». Кичи-юз адайцы воинственные и храбрые джигиты. Очень давно они заселяли места от Оренбургских степей до Гурьева и Мангиштака. Этот род жил по соседству с туркменами и часто совершал на них набеги. А туркмены в свою очередь не оставались в долгу и платили своим соседям тем же. Однажды столкнулись два крупных отряда адайцев и туркменов вот на этом месте. Здесь произошла кровавая битва, которая унесла очень много жизней. Победу не смогли одержать ни те, ни другие. Заключили временное перемирие, чтобы похоронить убитых. Вот сейчас мы и видим: белые камни — там похоронены адайцы, а черные камни — там лежат туркмены. Вот и все».

— Рахмат, Гали! А теперь пойдемте, дадим команду бойцам подкрепиться. Коней нужно покормить из НЗ овсом, а то они еле держатся на ногах.

И на самом деле, после боя в Сары-Камыше почти месяц мы колесили по барханам, по горячим следам басмачей.

В сентябре захватили в плен группу басмачей, среди которых один был в большой цветастой чалме. У меня сразу промелькнула мысль: «Где-то я его видел?» Но припомнить где никак не мог. Пленных отвели в сторонку, они уселись прямо на песке.

Через некоторое время мы с Поповым подошли к ним. Я еще раз пристально посмотрел на человека в чалме. Он в свою очередь взглянул на меня маленькими злыми глазами и сразу опустил их. Стал указательным пальцем чертить на песке завитушки.

Мы присели с краю группы пленных, рядом с человеком лет тридцати. Я спросил:

— Ну как у вас дела, джигит? Давно ли в пустыне? Где ваш отряд?

Он смущенно взглянул, опустил голову.

— Вы сами видите, какие у нас дела. Это долго рассказывать,— он зло взглянул на сидящего напротив него человека в чалме.

— В пустыне мы находимся давно. Нас сперва было много. А сейчас — вот и все. — Он снова глянул на старого басмача в чалме, недовольно поморщился.— Спросите лучше его. Он знает и все расскажет. Он старше всех нас.

Я еще раз глянул на басмача в чалме и вдруг узнал его по бороде: так это же мулла, убежавший от меня под Сары-Камышем!

— Здравствуй, мулла, — воскликнул я. — Узнаете меня, тахсыр? Вот мы с вами и встретились. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда сойдутся.

Он отрицательно покачал головой и отвернулся.

— Где ваша большая белоснежная чалма? — наседал я на него.

— Моя чалма у меня на голове. Другой чалмы у меня нет.

— Зажило ваше мягкое место от пуль аскеров?

Пленные переглянулись, пряча улыбки. А молодого так и распирал смех. Но обстановка не позволяла ему расхохотаться.

— Лучше не притворяйтесь, скажите правду. Неприлично будет снимать с вас штаны, тахсыр, — решительно сказал я ему.

Молодой джигит, не выдержав, дерзко сказал:

— Тахсыр мулла, вы святой человек. Учите говорить правду, а сами здесь перед нами лжете и бога не боитесь!

Глаза муллы сверкнули гневом. Как бы он проучил этого остроязыкого джигита!

Мы с Поповым заметили его состояние. Но надо было и поддержать молодого.

— Джигит, вы тоже были его сообщником,— указал я на муллу. — Но вы признались во всем. Мы уважаем того, кто говорит правду.

— Скажите, какое оружие было у муллы?

— У него оружия в руках не было. Оружие у него на языке. Подбадривал, подталкивал нас вперед, а сам всегда стоял сзади или уходил в безопасное место. Однажды я хотел повернуть назад и покинуть поле боя. Но он назвал меня трусом и ударил несколько раз камчой по голове. «Убьешь кызыл-аскера-безбожника — бог снимет с тебя все твои грехи, — кричал он на меня. — А если сам погибнешь от рук аскеров, твоя душа попадет прямо в рай!» Сейчас он притворился невинным и не хочет сказать правду, что был нашим муллой! В Сары-Камыше получил пулю в мягкое место. Целый месяц не мог ни сесть, ни лечь. Задняя лука седла отрублена аскером. Посмотрите его седло. А белую чалму он потерял. Когда он спасся от кызыл-аскеров, то принес в жертву аллаху жирного барана. Я заявляю командиру красных аскеров, клянусь богом и даю слово, что с сегодняшнего дня мне с ними не по пути, — закончил джигит.

Попов взглянул на муллу и произнес:

— Правильно ли говорит он о вас?

Старый мулла весь съежился и стал бормотать под нос молитву. Косо смотрели пленные на своего духовного пастыря...

В середине сентября дивизион подошел к колодцу Дусен Каскан, восточнее форта Шевченко, километрах в шестистах. Решили привести в порядок обмундирование, обувь и снаряжение. При осмотре оказалось, что 50% обмундирования у бойцов не пригодны к носке. Солнце и пот превратили наши гимнастерки цвета хаки почти в лохмотья неопределенного цвета.

В резерве ничего не было. О доставке с базы за шестьсот — семьсот километров не приходилось и думать... И тут пошли в ход мешки из-под овса. Хуже дело обстояло с бельем.

Командир взвода Митраков в гимнастерке из мешковины явился ко мне.

— Ну, Джаманкул, посмотри на меня. Каков я в новом одеянии?

Суровый комвзвода шутил и весело смеялся:

— Хочешь, я тебе сошью любым фасоном? Твоя гимнастерка еле держится на плечах. Скоро совсем раз-

валится. Заказывай пораньше. Не то у меня клиентов скоро будет невпроворот!

— А ну-ка, повернись, я рассмотрю тебя хорошенько. — Я вертел его во все стороны. — Ворот очень хороший, открытый. Воздух сам так и будет обдувать шею. Только сгорит она быстро у тебя. Вот и пригодилось твое мастерство в пустыне. Теперь ты первый человек в дивизионе.

— Только вот еще одна закорюка, — Митраков помрачнел. — В нормальной гимнастерке паразитам трудно было удержаться. А в этой материи, пожалуй, хорошо будут себя чувствовать.

— Ты не печалься, друг, — я похлопал его по плечу. — Научим бойцов бороться и с этими паразитами. Это очень просто. Белье надо растянуть над костром, и прутиком, и прутиком по нему. Все будут в костре!

— Тогда ты проведешь инструктаж! — Митраков повеселел. — Огонь — дело не шутейное!

Вскоре почти все бойцы дивизиона щеголяли в новых гимнастерках из мешковины.

* * *

Ночь была безлунной и душной.

Мерген лежал на спине, подложив под голову седло, и задумчиво смотрел на таинственный Млечный путь. Почему-то думал он в эти минуты и о своей бесконечной дороге в пустыне. Сколько верст проехал он по огненным барханам за это время!

Прошло два месяца с тех пор, как Мерген, выполнив поручение главаря басмачей, возвратился из лагеря кызыл-аскеров в свой стан. За это время в его голове снова и снова возникали эпизоды прошедших дней, мытарства, жизнь в вечном страхе... Ненависть к басмачам крепла с каждым днем.

Мерген теперь был не одинок. Он сумел привлечь на свою сторону человек двадцать таких же недовольных, готовых уйти из банды при первой же возможности. Частенько они собирались вместе и говорили о мирной жизни...

Мерген прикрыл глаза — и воспоминания неудержимым потоком нахлынули на него. Вот он ласкает своих

детишек... Они звонко смеются, а жена стоит в сторонке и с упреком смотрит на него. Глаза ее полны слез. Потом она тихонько сообщает ему, что их детишек называют детьми бандита. Как можно перенести такой позор!?.

Здесь Мерген вскочил с горячего песка, схватился за голову и, ничего не видя перед собой, направился в пустыню.

«Завтра же соберу джигитов, выберем удобный момент и уйдем. Не могу больше оставаться среди этих мерзавцев!»

Вдруг над самым ухом Мергена раздался недовольный голос:

— Что тебе не спится, джигит? Бродишь по пустыне!

Мерген по голосу узнал курбаши. Мрачным, жестоким, подозрительным был этот человек с волчьими глазами.

— Что-то душно, тахсыр, — простодушно сказал Мерген. — Голова болит. — И поспешил на свое место.

На следующий день в условленном месте стали собираться друзья Мергена. Джигиты по одному подходили к подножью холма, держа своих коней за поводья, как будто они пасли их.

Вместе с Мергеном оказалось двадцать один человек.

Оглядев всех, Мерген начал:

— Мои друзья! Полгода мы скитаемся в этих песках, как дикие звери, не имея ни крыши над головой, ни постели. Часто бываем голодные. Что с нашими семьями и хозяйством, мы не знаем. Во имя чего мы находимся в этой пустыне? Что плохого нам сделали Советы? Только лишь всегда говорили, чтобы мы жили честным трудом? Это разве плохо? Вы сами знаете, сколько раз встречались мы с кызыл-аскерами и всегда они разбивали нас. Обещанной помощи из-за границы от наших «друзей» до сих пор нет и не видно. Кости самого хана Тыналы остались валяться в песках Босога. Нас тоже ожидает такая же судьба. Что будем делать?

Все слушали Мергена, опустив головы вниз, подавленные.

— Мерген! Я готов хоть сию минуту поехать к кызыл-аскерам, просить прощения и вернуться к честному труду,— сказал один из джигитов.

Зашумели все, перебивая друг друга.

— Нас собралось двадцать один человек,— решительно сказал Мерген. — Давайте поодиночке переберемся вон к тому холму,— он указал рукой на север.— И ночью, прикрываясь темнотой, пойдем на поиски кызыласкеров. Учтите, друзья, оружие не бросайте. Явимся с оружием, докажем аскерам свою честность. А басмачам не оставим ни единого патрона.

Договорились собраться в глубокой лощине, южнее басмаческого стана.

Возбужденные и радостные вернулись они в басмаческий стан. Чтобы не вызвать подозрений, всех коней вели за повод.

Мерген занялся устройством шалаша над своей лежанкой. Другие приводили в порядок свою одежду. Трое джигитов неподалеку от Мергена так громко смеялись, что обратили на себя внимание главаря. Тот удовлетворенно подумал:

«Раз джигиты смеются и шутят, значит, настроение у них хорошее. Не будут скулить».

Для вида он сердито крикнул:

— Что расшумелись?

— Тахсыр! Это мы от избытка счастья: погода хорошая, сытно поели, делать нечего и силы девать некуда.

— Скоро примените свою силу. Кызыл-аскеров будем бить.

— Мы готовы, тахсыр! — Джигиты многозначительно переглянулись и замолчали.

Сердца двадцати одного бились учащенно. У всех на уме было одно: наступил бы поскорее вечер.

Длинным и утомительным показался этот день. Они пробовали даже уснуть! Чем только не занимались! Но время текло очень медленно. Казалось, солнце стоит на одном месте...

Джигиты, стараясь не вызвать подозрения, подходили к Мергену. Он лежал с закрытыми глазами, но не спал. Одним своим взглядом умных глаз подбадривал, вселял надежду на благополучный исход задуманного плана.

Наконец, долгожданный вечер настал. Использовав наступающую темноту, все двадцать один человек во главе с Мергеном собрались в условленном месте.

Перед тем как покинуть лагерь бандитов, друзья договорились: живыми в руки басмачей не даваться. Лучше умереть в бою с ними, чем принять от них мучительную и медленную смерть.

Ночью, никем не замеченные, они ушли на поиски красных.

На утро главарь банды узнал об исчезновении двадцати одного всадника в полном вооружении, в том числе и Мергена, которому всегда не доверял, особенно после возвращения от кызыл-аскеров. Но особенно он стал подозревать его после того, когда тот со всеми подробностями передавал речь командира красных. И все же никак не верилось ему в измену джигитов: «Не может быть, чтобы двадцать один его всадник ускользнули из лагеря. Может быть, они пасут коней в лощинах, где побольше корма?»

По всем направлениям поскакали разведчики, обыскали прилегающие к стану лощины. Но нигде не нашли беглецов.

Главарь встревожился не на шутку. Собрав своих приближенных, в том числе и муллу, он обрушился на них:

— Лопоухие! Почему не прислушиваетесь к разговорам? Почему не знаете, кто чем дышит? Из-под носа ушли к кызыл-аскерам. А вы ничего не знаете?

Голос его срывался, лицо багровело. Все сидели молча в ожидании, когда утихнет его ярость.

— Теперь ждите появления кызыл-аскеров! Эти мерзавцы все наверное рассказали. Теперь придется сняться с этого места.

— Тахсыр! — успокаивающе произнес пожилой чернобородый басмач, — если эти предатели ушли, то с наступлением темноты нужно ожидать появления кызыл-аскеров. Я вполне присоединяюсь к вашему мудрому предвидению. Печально только то, что у нас люди не прибывают, а убывают.

Быстро собравшись, басмачи снялись и ушли в глубь пустыни.

Мерген и его маленький отряд под утро оказались у нашей стоянки. На древке пики переднего всадника развевался красный лоскут.

Дежурный, командир отделения Нечаев, улыбаясь, подошел ко мне и Митракову, доложил:

— Товарищи командиры, к вам пожаловали гости в полном вооружении!

Увидев нас, джигиты быстро спешились. Мерген, оставив своего коня, вытянул вперед обе руки и радостный пошел к нам:

— Салям! — издали крикнул он.

Мы тоже пошли ему навстречу

— О Мерген, салям! Похудел. Что, плохо тебя кормили басмачи? — пошутил я.

— Меня замучили разные думы и совесть тоже, как только я ушел от вас,— грустно проговорил Мерген.

— Ты, Мерген, окончательно вернулся? И эти джигиты? — спросил Попов.

— Да, да, они тоже!

— А завтра не уйдете обратно? — снова спросил Попов. Все заговорили сразу.

— Голову отрубите! С ними нам больше не по пути. Аллах свидетель.

В это время подошел командир дивизиона.

— Что это за делегация?

— Помните, товарищ командир дивизиона,— сказал я,— посланец, о котором я вам докладывал. Вот это тот самый Мерген. Он вернулся с целым отрядом джигитов, в полном вооружении. Хотят честно жить и трудиться.

— Это очень хорошо, что пришли! Советская власть, я уверен, простит вас!

На следующий день, назначив Мергена старшим, мы отправили группу в районный центр. У них было письмо, адресованное председателю райисполкома. На прощанье пожелали им успехов на трудовом фронте и доброго пути.

В указанный срок Мерген со своей группой явился в райисполком. Через некоторое время каждый из них по желанию был устроен на работу, принят в колхоз. У кого были семьи — вернулись к ним.

Мы постоянно были в курсе их дальнейшей жизни. Они сдержали свое слово. Мерген был чабаном в одном из колхозов...

В июле 1940 года меня перевели с восточной границы на западную. Проездом через Москву я остановил-

ся на два дня, чтобы посмотреть сельскохозяйственную выставку. Когда я осматривал казахский павильон, кто-то взял меня под руку.

— Товарищ командир!

Я оглянулся. Сразу узнал Мергена, и вспомнился сразу 1931 год, пески, барханы, басмачи.

— Мерген! Ну как ты?

Он протянул обе руки, обнял и прослезился. Все с удивлением смотрели на нас. А он все повторял с радостным волнением:

— Товарищ командир, товарищ командир...

Мы отошли в сторону и никак не могли начать разговор.

— Ну, Мерген, какими судьбами ты очутился здесь, в Москве? Мы-то военные, кочующий народ, а ты? Пошли в чайхану, попьем чаю, послушаем друг друга. Ведь девять лет прошло с тех пор.

Пришли в чайхану, сели за низенький столик.

Мерген почти не изменился, только лицо посуровело. Бронзовый загар делал его мужественным. Одет он был в вельветовый чапан на тонкой подкладке, такие же брюки, заправленные в хромовые сапоги. На голове войлочная белая шляпа.

Улыбаясь, он не отрывал от меня своего веселого взгляда.

— Итак, товарищ командир, как я тогда уехал от вас с джигитами, мы поехали в райцентр. Почти десять дней находились в пути. По дороге одни из моих друзей думали, что по приезду в райцентр их накажут за участие в шайке бандитов, а другие говорили: «Пусть лучше Советы накажут, чем находиться среди басмачей». Прибыли прямо в контору райисполкома. Передали ваше письмо председателю. Ожидать долго не пришлось. Нас пригласили к председателю. В кабинете сидело три человека. Один из них вежливо и радушно пригласил нас занять места. Человек, сидевший за письменным столом, с улыбкой сказал:

— Будем знакомы. Я председатель райисполкома.

Потом указал на товарища, сидевшего справа:

— Секретарь райкома партии,— и на товарища слева,— начальник райОГПУ.

Беседа с нами продолжалась долго. Спрашивали обо

всем: откуда мы родом, чем мы занимались до ухода в басмачи, имеем ли семьи, чем вызван наш уход от басмачей.

Мы искренно и честно рассказали обо всем. Признали свою виновность перед советским трудовым народом и обещали искупить ее честным трудом. Эти замечательные люди запросто и душевно разговаривали с нами.

Мы остались очень довольными и были тронуты, так как это была первая теплая встреча. По совести говоря, мы ожидали совершенно другого приема. В конце беседы каждого спросили, где бы он хотел работать. Устроили всех очень хорошо. После трудоустройства они не забыли о нас. Мы были окружены постоянной заботой. Часто навещали нас то председатель райисполкома, то секретарь райкома. Беседовали на разные темы.

Со дня вступления в колхоз я работаю чабаном. Вот уже девять лет прошло. Как-то на районном слете животноводов мне сказали, что я занял первое место. Те, которые сдались тогда вместе со мной, тоже работают хорошо в колхозе. Я часто с ними встречаюсь, все они благодарят советскую власть и коммунистическую партию за то, что нас направили по правильному пути.

. После того, как мы ушли из лагеря басмачей, многие последовали нашему примеру. Они возвращались в родные места и тоже вступали в колхоз.

Вот так, дорогой командир! За мою хорошую работу меня послали сюда на выставку. Целую неделю уже нахожусь здесь, но не все еще успел осмотреть. Москвичи приняли нас хорошо, живем в гостинице, всюду нас возят на машине. Был в мавзолее Ленина, не мог удержать слезы. Если бы не он, разве смог бы я увидеть Москву? И эту счастливую жизнь, которую открыла партия, созданная Лениным?

Вы знаете нашего муллу, который всегда был с басмачами? Он всегда говорил:

«Кто живет на этом свете плохо, тот на том свете будет жить очень хорошо. Настоящая жизнь ждет там, в раю, где кругом фруктовые сады, растут яблоки медовые, виноград, цветы благоухают. Там есть все, что твоя душа желает».— Он засмеялся и продолжал: — Мулла

говорил, что рай только на том свете. Оказывается, и на этом свете можно сделать рай. Только работать надо всем честно.

— Мерген, я очень рад и доволен встрече с тобой. Ты стал настоящим человеком. Да, я забыл спросить... Сколько у тебя детей? Как они?

— У меня их четверо: два сына и две дочери. Все ходят в школу. Хорошие ребята.

— Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдутся. Мы два раза встречались в песках, только в другой обстановке, а третий раз — в Москве.

— Теперь приезжайте к нам в гости. Места вам знакомые. Приглашаю вас на бешбармак из молодого барашка,— сказал он на прощанье.

Мы распрощались, пожелав друг другу успехов в труде. Он проводил меня до центрального входа выставки. Еще раз я крепко пожал ему руку и направился в город. Он еще долго смотрел мне вслед.

У КОЛОДЦА ДАХЛИ

— Присядьте, товарищ Рахимбаев! Вы готовы к отъезду?

— Да, товарищ начальник. Зашел к вам кое-что уточнить и заодно попрощаться,— сказал Рахимбаев, продолжая стоять возле стула.

— Садитесь, садитесь.— Начальник протянул открытый портсигар с папиросами, закурил сам и подошел к закрытому сейфу.

Рахимбаев помял папиросу в пальцах и задумался.

Едва только начальник отдела подошел к сейфу, Рахимбаев сразу подумал о том, что тот уже знает все его мысли.

«Даже не спросил меня ни о чем! Вот как работают старые чекисты!»— восхищался он.

Начальник отдела сел на свое место, открыл папку и протянул Рахимбаеву пожелтевшую фотокарточку.

— Еще раз присмотритесь хорошенько. Это белогвардеец — штабс-капитан царской армии. У него раньше были пышные усы, а теперь он отпустил бороду. В настоящее время его кличка «Казачок»... Перед самой революцией он служил в карательном отряде. В 1918—

1919 годах сотрудничал с английской разведкой. Потом вместе с атаманом Дутовым бежал в Синь-Цзянь. Там организовал шайку бандитов, неоднократно переходил нашу границу и делал налеты на пограничные селения. Шайка была разгромлена, но он ускользнул. Хитрый и коварный враг. В совершенстве владеет узбекским, туркменским и казахским языками. Одним словом, матерый волк... Но вот еще некоторые подробности: он возобновил сотрудничество со старыми хозяевами. Им, конечно, такие слуги были нужны, и он едет в Индию. Из Индии в Иран. Недавно он был переброшен на нашу территорию для организации и руководства басмаческими шайками. Ясно?

— Очень ясно! — Рахимбаев изучал фотокарточку.

— Он уже успел побывать в Красноводске,— снова заговорил начальник.— Кызыл-Арвате. В данный момент находится в Кара-Кумах у колодца Дахли, где сосредоточены крупные силы басмачей. С оперативной точки зрения «Казачок» является крупной фигурой. Одет он как и все басмачи. Только можно отличить по выхоленному лицу, раздвоенному подбородку, крупному носу и светлым глазам.

Учтите, вам необходимо контактировать свою работу с командирами воинских подразделений и оперативными работниками, которые будут действовать в этом районе. Его необходимо взять живым.

Есть у вас вопросы?

— Мне все ясно, товарищ начальник.

— Тогда действуйте. Желаю удачи!

Попрощавшись с начальником, Рахимбаев вышел из кабинета.

* * *

Что происходило в басмаческом стане...

— Магомбет! Здравствуй, друг! Жив — здоров? Целый месяц не виделись мы с тобой. Я соскучился по тебе.

— О!.. Салям, салям, Турды. Я беспокоился за тебя, подумал, что кызыл-аскеры поймали и посадили за решетку.

Басмачи обнялись.

— Ну, что ты! Поймать меня не так-то легко! Я переоделся в простого дехканина и ходил как свой. Побывал везде: в городе, в аулах, даже заходил в учреждения и поручения курбаши выполнял. И знаешь, все вот так получилось! — Магомбет выставил большой палец.— От курбаши получил похвалу.

— А дальше? Дальше рассказывай.

— Помнишь, в заливе Кара-Богаз завод? Где мы перевешали много людей? Так вот, там стоят кызыл-аскеры и готовятся прикончить нас. А все население проклинает нас, называет бандитами и всякими отбросами. Вот такие дела, Турды. Но какие же мы бандиты и отбросы? Среди нас находятся богатые, умные и почетные люди, которые раньше были хозяевами аулов. А кем были бедняки тогда? Они перед нами ходили на цыпочках, поклонялись до земли. А сейчас?..

— Мой бывший пастух тоже стал активом, близко к нему не подойдешь! — перебив Магомбета, со злостью сказал Турды.

— А мой бывший пастух сейчас главный в сельсовете. Управляет аулом и все называют его аксакалом... Он всегда говорил мне: «Я знал тебя — бая. Много лет ты сосал мою кровь!» Какую же я сосал кровь? Он работал у меня, я кормил его, одевал, только не женил! А женить я был не обязан.

Турды и Магомбет тяжело вздохнули, и Магомбет произнес с грустью:

— Вернутся ли прежняя жизнь и наши права? Эх, тяжело на душе. Нам нужно добиться возврата прошлых порядков! Вот, друг, население нас считает бандитами и басмачами, а наших мыслей не знает. .

— Я беседовал с людьми, обиженными на советскую власть. Уговаривал присоединиться к нам. Но они колеблятся и не верят в наши успехи. Они говорят: «Когда придут к нам на помощь войска из-за границы, тогда мы пойдем!»— Турды сплюнул с досады.

— Да, давно мы ждем аскеров из-за границы, а их не видно. Пришли бы хоть скорее, тогда к нам заспешили бы люди со всех сторон. Вот тогда разговаривали бы мы по-другому! — угрожающе заключил Магомбет.

И только Магомбет закончил, мимо них прошел че-

ловек средних лет с белым выхоленным лицом, водянистыми глазами, с крупным носом и аккуратно подстриженной бородой. На нем был чапан, как у всех, но его твердый военный шаг и подтянутая фигура выдавали кадрового служаку.

Могомбет приложил к груди руки и низко поклонился. Турды последовал его примеру.

Военный приветливо кивнул.

Турды с удивлением спросил:

— Кто это? У нас такого не было!

— Он уже целый месяц здесь. Учит нас, как воевать с красными. Прибыл издалека... Его прислали наши друзья. Вот, видишь мою винтовку? Это от них. Бьет точно! — Могомбет любовно провел рукой по стволу винтовки.

— Сразу видно, бывалый человек,— Турды прицокнул языком.

— Пустоголовых не пошлют! — Могомбет похлопал по плечу приятеля.— Наш предводитель перед ним на цыпочках ходит. Пойдем, я покажу тебе, что мы тут понастроили.

Они стали спускаться в котловину, изрытую окопами.

Подойдя к первой линии траншей, Могомбет начал объяснять:

— Видишь, друг? Вокруг колодца Дахли вырыты траншеи в две линии. Это первая линия, а вторая дальше на двести метров, она ближе к колодцу. Глубина траншеи — полтора метра. Стой и стреляй спокойно. Из первой линии попадешь во вторую — есть ходы. Они тянутся до колодца. Даже уборная есть, чтобы не выходить наружу. Во многих местах окопы и траншеи с крышей. Вон, видишь, для коней тоже сделано укрытие. И все хорошо замаскировано, даже за сто метров не заметишь. Местность видна, как на ладони. Если кызыласкеры начнут наступать, они будут хорошими мишенями.Но конным строем в атаку они не пойдут.

Все это мы настроили под руководством человека, которого ты сейчас видел. А людей у нас хватит. Колодец с хорошей питьевой водой в наших руках. Кызыл-аскерам трудно будет здесь, в Кара-Кумах, без воды. Ты сам знаешь, в этих песках, если нет воды, то нет и жиз-

ни. Нам только остается ждать прибытия кызыл-аскеров. Мы устроим собакам хороший той!

Могомбет похлопал по плечу Турды, и они громко рассмеялись.

— Здорово вы поработали. Мы никогда не рыли такие ямы.

— Друг Турды, ты же ездил в разведку! Ну, как там? Не прибыли кызыл-аскеры?

— Как же, я уже доложил курбаши об этом. Я знаю, сколько их...

Могомбет с нетерпением спросил:

— А много их?

— В Кара-Богаз ночью на пароходе прибыл отряд кызыл-аскеров. Всю ночь я не спал. Наблюдал за ними. Утром они выгрузились и остановились недалеко от пристани. У них более двухсот кавалеристов, имеется четыре самбрека* и пулеметы. В город Кызыл-Арват прибыла тоже воинская часть, большинство аскеров туркмены. Я думаю, что эти безусловно прибудут сюда. Радоваться нам, мой друг, еще рано,— заключил Турды.

— Пулеметы нам не страшны, а самбреки... это хуже... Могомбет покачал головой. Потом, как бы успокаивая себя и друга, сделал предложение:

— Мне кажется, что оба отряда вместе сразу сюда не придут. Недалеко от Кызыл-Арвата наши друзья. У них много сил. Так что один из красных отрядов останется там, а с одним мы как-нибудь справимся...— он махнул рукой.

— Посмотрим, кто кого возьмет. Пойдем кушать.

Они вышли из траншеи и направились к группе басмачей, которые расположились под кустарниками.

* * *

Наблюдатель басмачей увидел с высокого бархана большую колонну красных. Сломя голову он прискакал в укрепленный лагерь и доложил об этом курбаши.

— Очень хорошо. Мы их давно ждем. Последние дни

---

* Самбрек — пушка.

у меня даже начал пропадать аппетит,— сказал курбаши, сверкая прищуренными глазами.— Идите и наблюдайте получше! Только замаскируйтесь как надо!

Низко поклонившись, наблюдатель ушел. Курбаши послал своих джигитов на другие посты, чтобы усилили наблюдение, а сам с переодетым советником взобрался на холм. Они начали наблюдать в бинокль за движением колонны кызыл-аскеров.

Прикладывая бинокль к глазам, советник сказал:

— Красных около двухсотпятидесяти сабель. Это не страшно, а сзади артиллерия... батарея. Вот это нас потревожит немного.

Курбаши вздрогнул, но вида не подал, что испугался.

— Учтите, курбаши! Красные будут наступать сверху по склону холма. Для наших стрелков аскеры будут хорошими мишенями. Конным строем они нас атаковать не смогут, местность не позволяет.

— Пусть атакуют. Они сразу лишатся своих коней. Долго держать нас в осаде тоже не смогут: колодцев поблизости нет, без воды долго не продержатся.

— Дайте команду сотникам занять первую линию обороны. Остальных держать наготове! — сказал советник.

Курбаши, согнувшись, спустился с холма и пошел по траншеям.

Советник тоже тревожился, наблюдая за приближающейся конницей. Он думал: «Чем черт не шутит, у них батарея есть.

А может быть, еще одна колонна появится? Под прикрытием батарей и пулеметов начнут штурмовать укрепления. Еще не хватало погибнуть в этой проклятой стороне... А моя карьера? Мои мечты? Будь они трижды прокляты эти красные, вместе с этими дикарями! Пусть дерутся, а мне надо поберечь свою жизнь!»

«Казачок» тяжело вздохнул и задумался.

Невеселые были у него мысли. Вспомнилась беспокойная, в постоянных тревогах за себя, жизнь у многих «хозяев». Порой даже не понимал, что им надо, что требуют от него... И вот сейчас заслали в это пекло, в безводные и мертвые пески — помогать этим вот дикарям. Ох, и занесла же его нелегкая! Чует сердце недоброе...

«Вся надежда на коня,— вдруг подумал он.— Только он может спасти из таких песков. Надо сразу махнуть за границу! Твердо решил он.

Он вытащил сигару и прикурил от зажигалки. Сразу успокоился и даже ругнул себя за приступ малодушия. Разве не бывал он в подобной обстановке? Сколько раз ему улыбалось счастье и он уходил целым и невредимым от врагов.»

Шаги курбаши за спиной прервали его думы. «Казачок» оглянулся. Курбаши уже полз к вершине, пот градом катился по его жирному лицу.

— Ну как? Что делают аскеры? — задыхаясь, спросил он.

— Видите? Приближаются их главные силы. А боевая разведка подходит к нашему наблюдательному пункту.

В это время наблюдатели басмачей, находившиеся на вершинах барханов, открыли огонь по разведке красных.

Завязалась перестрелка.

Басмаческий лагерь, насчитывающий более тысячи человек, закипел, как муравейник. Все забегали, засуетились, занимая свои места в траншеях. Заметна была и паника.

Один из юз-байшей набросился на джигита:

— Что с тобой? Еще бой не начался, а ты уже как подстреленный заяц мечешься?

— Как же, тахсыр, когда гостей встречаешь, и то приходится волноваться. А сейчас воевать будем. Каждому жить хочется. А вам разве не страшна смерть?

— Ты, джигит, оказывается, только возле жены герой.

— Тахсыр, не только я волнуюсь. Посмотрите кругом. Многих охватил страх. Даже у некоторых желудки расстроились, забегались.

Юз-баши рассердился:

— Кто умрет, кто останется в живых — аллах знает! Иди на свое место. Не время сейчас рассуждать!

Несколько басмачей прислушивались к этому разговору. Потом они переглянулись и осуждающе посмотрели вслед уходящему юз-баши.

Басмачи с напряжением ожидали наступления кы-

зыл-аскеров. Многие, глядя на запад, торопливо читали молитву, вымаливая у аллаха спасение.

А вокруг раскинулась обширная пустыня, молчаливая и неоглядная. Сыпучие пески лежали волнообразными складками, как волны застывшего моря. Песок остро поблескивал на солнце.

И вот прокатились один за другим взрывы гранат, застучали станковые пулеметы. В атаку, на самый трудный участок, пошли курсанты Ленинской школы. Это были боевые ребята, хорошо подготовленные к боям во всех условиях.

Несколько раз ходили в атаку курсанты, все глубже вклиниваясь в оборону противника.

* * *

Рахимбаев с оперативным работником и несколькими бойцами находился на песчаном холме и наблюдал за полем боя. Но исход его уже был ясен: курсанты и кавалерийские части разбили у колодца основные силы банды, разрозненные группы басмачей в панике удирали в пески.

«Казачок», оценив положение, решил воспользоваться суматохой и ускользнуть. Он незаметно вывел из укрытия скакуна, вскочил в седло...

Рахимбаев заметил мчавшегося в их сторону всадника. Он дал команду, сел на коня и с двумя бойцами поскакал навстречу.

В руке всадника блеснул маузер. У Рахимбаева промелькнула мысль:

«Это не простой басмач. А вдруг это «Казачок»?»

Всадник круто повернул коня и поскакал на юг. Рахимбаев решил во что бы то ни стало взять его живым.

Началось упорное преследование. Трое выжимали из своих коней все, но враг уходил от них.

— Жмите, ребята, он не должен уйти от нас! — крикнул Рахимбаев, вырываясь вперед. Треснул выстрел, и пуля пролетела над его головой.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Рахимбаев.

Один из бойцов соскочил с коня и выстрелил в басмача из винтовки. Пуля, видимо, попала в руку — отлетел в сторону маузер. Но всадник пришпорил коня.

— Стреляй в коня! В коня! — крикнул на скаку Рахимбаев и сам выстрелил из нагана.

Конь под бандитом рухнул, подмял всадника, и они вместе сползли с высокого бархана.

Бандит поднялся на ноги, быстро вскарабкался на вершину и скрылся за барханом. Но разве уйти пешему от конного? Через несколько минут бандит был окружен. Он стоял затравленным волком, озираясь по сторонам, сжимая в руке клинок.

Рахимбаев сразу узнал в нем «Казачка».

— Казачок! — воскликнул он удивленно. — Далеко же ты забрался!

Непримиримая ненависть сверкнула в глазах врага, но тут же погасла.

— Что ж поделаешь!? Я в ваших руках! — и далеко отбросил клинок.

Пока Рахимбаев гонялся за «Казачком», курсанты Ленинской школы совместными действиями с кавалерийской частью управились с бандой. Очаг басмачей у колодца Дахли в песках Кара-Кумов был полностью разгромлен.

В этом бою многие курсанты показали образцы мужества и отваги, а у многих оборвалась молодая цветущая жизнь в этой знойной и безводной пустыне.

Вот один из них — воспитанник Ленинской школы Эрметов. Во время атаки он вскочил в траншею врага и оказался окруженным. Началась неравная рукопашная схватка. Эрметов заколол штыком несколько врагов, но сам был тяжело ранен. Его начали зверски пытать, добиваясь сведений о численности курсантов, о запасе питьевой воды и вооружения. Собрав остаток сил, Эрметов сказал:

— Напрасно стараетесь. От меня ничего не добьетесь.

Басмач ударил его ногой в живот. Эрметов плюнул ему в лицо.

Рассвирепевшие бандиты вспороли ему живот, рассекли грудь и вырвали сердце.

* * *

Теперь хочется рассказать о другом бойце Эркине — так ласково называли его товарищи. Когда красноармейцы приблизились к колодцу Дахли, перед его глазами встали разрушенный дом и изуродованные трупы родителей. Как ему хотелось отомстить насильникам, оставившим его круглой сиротой!

И вот он встретился лицом к лицу с басмачами.

Когда закипело сражение, он кинулся вперед, сразил несколько врагов, но выстрелом в упор один басмач тяжело ранил его. Истекая кровью, он упал неподалеку от вражеской траншеи. Под ураганным огнем противника товарищи оттащили его к своим.

У Эркина было прострелено легкое. При выдохе изо

рта со свистом выходила кровь. Его жизнь висела на волоске. С большим трудом врач приостановил кровотечение. А через некоторое время Эркин приподнял отяжелевшие веки и еле пролепетал:

— Пи-и-ть.

Он остался живым, этот славный парень, и мне хочется вкратце рассказать о его жизни...

Родители Эркина от зари до зари гнули спину на бая. Но вот пришел великий Октябрь, и жизнь бедняков пошла по другому руслу... Советская власть дала вчерашним батракам и землю, и свободу, и новую жизнь. Но у молодой Советской власти было много врагов, и старший брат Эркина — Ибрай Муратов вступил в красный отряд и стал сражаться против басмачей. Замаскировавшиеся враги давно готовились отомстить семье Муратовых за сына — кызыл-аскера...

В одну из темных осенних ночей шайка бандитов собралась в глинобитном домике, на окраине села. На низком круглом столике дымил жировик. Курбаши, полулежа на подушках, диктовал мулле список активистов и честных тружеников, которые должны быть уничтожены этой ночью. «Посланец всемогущего аллаха» быстро писал по-арабски. В молчании сидели несколько преданных курбаши бандитов.

Как только мулла закончил писать, один из бандитов сказал:

— Тахсыр, этот Ибрай, сын Мурата, здесь. Видимо, будет ночевать сегодня дома. Удобный и подходящий момент,— он усмехнулся.

— Да, дорогой мой, ты прозорлив и догадлив.— Курбаши одобрительно кивнул.— Не только Ибрая, а всю их семью нужно вырезать. Кто еще у них есть?

— Еще мальчик лет тринадцати. Зовут его Эркин, Тахсыр!

— Это дело поручаю тебе. Бери сейчас надежных джигитов и сделай все без шума...

— Хоп, Тахсыр! Все будет сделано как полагается. Кроме аллаха, никто не узнает.

Бандит приложил левую руку к груди и низко поклонился главарю.

* * *

Вся семья старого Мурата была в сборе. Шумел самовар, на столе лежали вкусные лепешки. Приехавший на побывку Ибрай рассказывал, как их отряд громил басмачей. Вся семья слушала его с интересом.

Мать, тревожно взглянув на сына, произнесла:

— Сынок, будь осторожным, береги себя. У меня душа изболелась, время сейчас тревожное.

— Не беспокойся, мама, за меня. Ваш Ибрай всегда будет цел,— с улыбкой сказал сын.

— Мы с отцом только и думаем о тебе.

— Ибрай, сын мой,— тихо сказал старый Мурат,— и в нашем и в соседнем аиле есть подозрительные люди. Они, по-моему, держат связь с басмачами.

— Отец, поэтому сельским активистам надо быть начеку. О подозрительных людях надо сообщить. К следующему моему приезду узнайте точно, кто они? Я бы и сейчас занялся этим делом, но у меня нет времени. Я заехал только проездом повидаться с вами. Не беспокойтесь, скоро мы с ними рассчитаемся. У нас теперь хватит сил...

В этот момент зашел паренек и, поздоровавшись со всеми, обратился к Эркину:

— Эркин, пойдем ко мне ночевать. Я один, боюсь.

— Иди, иди, сынок, нам сегодня не скучно,— разрешила мать младшему сыну.— Мы с Ибраем еще посидим, поговорим.

— Эркин, не проспи, рано утром я уезжаю,— крикнул вдогонку Ибрай.

— Э-э... вы еще спать будете, я вашего коня накормлю, напою и оседлать успею,— весело улыбнулся Эркин...

Только начало светать, Эркин, тихо перешагнув через спящего товарища, побежал домой. Не заходя в дом, направился к сараю, где стоял конь брата. Ворота сарая были раскрыты настежь. Коня не было.

Его взяла досада, что он опоздал проводить брата. Дверь дома легко распахнулась — она была чуть приоткрыта. Сердце паренька тревожно сжалось.

В предрассветных сумерках он увидел разбросанные вещи, подушки, одеяла, битую посуду. На полу, в луже

крови, лежали отец, мать и брат. Эркин похолодел от ужаса — трупы были изуродованы до неузнаваемости...

Эркин остался круглой сиротой. Шел 1921 год...

Эркин узнал подлинный облик врагов. На всю жизнь запала в сердце ненависть к басмачам, и он твердо решил:

«Выросту — обязательно стану командиром, отомщу басмачам».

После гибели родителей Эркин не остался на улице. Односельчане определили его в детский дом в городе Фергане. Тут он учился и воспитывался несколько лет. Потом по его просьбе он был направлен в Ташкентскую военную школу имени Ленина. Эркина приняли на подготовительное отделение, где собралась целая рота. Так и называлась она — «рота воспитанников при школе».

Незаметно пролетело время. Эркин стал красным командиром... Да разве только он один!..

Вместе со всеми здесь воспитывались и мои земляки: Султанов, Джумабаев, Деканов и Чотбаев Абдыбек.

Способным подростком был мой друг детства Чотбаев. Рано лишившись отца, батрачил он у богатеев много увидел нужды и горя.

Один из эпизодов его жизни запомнился мне навсегда.

Дул холодный осенний ветер, моросил дождь. Я шел из города Токмака. Навстречу мне попался подросток Чотбаев, согнувшись под большой вязанкой курая. Он был босиком, весь потный, обессиленный. Увидев меня, бросил свой груз, вытер пот со лба.

— Куда несешь этот курай? — спросил я его.

— Из аила Чала-Казак в Токмак, продавать, — ответил он, снова вытирая пот.

— Это ты шесть километров топаешь с этим грузом?

— Ничего не поделаешь, жить чем-то надо, — ответил он грустно.

Немного отдохнув, он подался дальше. Я долго смотрел ему вслед. Мне было жаль его.

Позднее, при встрече с ним, мы часто вспоминали незабываемые трудные прошлые годы и завидовали счастливой жизни нашей молодежи, которой не пришлось все это видеть.

Окончив военную школу, Чотбаев стал политработником. В период Отечественной войны был комиссаром полка, а затем политработником дивизии.

За проявленное им мужество и отвагу в борьбе с врагами он был награжден несколькими боевыми орденами и медалями.

* * *

После тяжелого ранения у колодца Дахли Эркин был доставлен в госпиталь.

Врачи приложили все усилия и после продолжительного лечения он снова стал в строй. А немного погодя Эркина и нескольких его товарищей вызвали в Кремль, и Михаил Иванович Калинин вручил им ордена Боевого Красного Знамени.

ГИБЕЛЬ ПРОВОДНИКА

После тяжелых походов дивизион остановился на отдых у колодца Дюсен-Каскан. Закончив осмотр взводов, командир дивизиона собрал командиров.

— Пятьдесят процентов в «обновке», — начал он свою обычную беседу с нами. — Я прошел всю гражданскую войну, от командира эскадрона до командира полка, но такого не видывал. Правда, в то время бойцы были одеты кто во что горазд. Оборванных и босых тоже хватало, но одетых в мешковину, как сейчас, я еще не видывал.— Он засмеялся.— Но ничего, переживем и это. В пустыне кроме басмачей, никого нет, девчата тоже вас не видят.

Мы весело переглянулись. Все бойцы зашумели оживленно. Митраков сказал:

— Бойцы отлично знают обстановку, товарищ командир дивизиона. Это временное явление...

— Верно, товарищи! Пройдут годы, но мы всегда будем помнить эти походы. Может быть, и о нашей борьбе кто-нибудь скажет доброе слово. Очень хотелось бы!

Он задумался: было что вспомнить нашему командиру. Молчали и мы.

— Давайте теперь поговорим о своих планах, — прервал он затянувшееся молчание. — Теперь нам пора потревожить недобитые группы бандитов. Возможно, что они за эти пять дней тоже успели отдохнуть и при-

вести себя в порядок. Так что им не придется на нас обижаться. — Он улыбнулся. — Сегодня перед заходом солнца наш проводник Жеке в районе старой зимовки, в двадцати километрах отсюда, заметил пасущихся коней. Насчитал более пятидесяти. Это наверняка басмаческие кони. На рассвете пошлем Жеке на разведку, а группа бойцов на машине выступит следом. Если басмачей там не окажется, то разведывательная группа проедет дальше — до самого колодца. Это километров тридцать — тридцать пять от старой зимовки. Товарищ Митраков, подготовить разведгруппу!

Проснувшись задолго до рассвета, я увидел Жеке, седлавшего своего серого скакуна. Он был уже одет, с винтовкой за спиной, с патронташем на поясе.

К задней луке седла привязан бурдюк с водой. Конь нетерпеливо перебирал ногами.

Когда я подошел к нему, он весело улыбнулся и поздоровался:

— Салям!

— Салям, салям, Жеке! — я пожал его худощавую, но очень крепкую руку.

— Ну, собрались в путь? Как отдохнули?

— Очень хорошо! Особенно сегодня. Даже во сне видел свою семью, разговаривал с моей любимой дочкой. Как будто она плачет и говорит: «Когда же ты приедешь совсем?» Сын тоже как будто стоит около меня, тихонько всхлипывая. Жена успокаивает детей: «Не плачьте, он уже вернулся». Дочь снова спрашивает: «А где ты, папа, так долго был?» Я смеюсь и отвечаю: «Волков и шакалов гонял в пустынях»,— и глажу ее по черненькой головке... Вот какой хороший сон! Очень скучаю о детях, потому и вижу такие сны.

— Жеке, дорогой мой, наш скромный труд не пропадет даром. Придет время, когда все люди земного шара будут жить в мире.

— Да, сынок, я согласен с тобой. — Его веселые искристые глаза погрустнели. — Разве убивать друг друга — приятное дело? Вот ты совсем молодой, недавно женился, а даже не знаешь, где находится твоя жена и кто у вас родился: сын или дочь. Отец и мать тоже волнуются, не знают, жив ли ты...

— Жеке, скоро мы покончим с басмачами, а великий Октябрьский праздник будем праздновать дома! — заверил я.

— Я тоже так думаю — И он лихо вскочил в седло.

Я пожелал ему счастливого пути и предупредил, чтобы он был поосторожнее. Жеке поехал на юг. Я долго еще стоял и смотрел ему вслед, пока он не скрылся за барханами.

В течение пяти месяцев я хорошо узнал, кто он и откуда родом. Бывший пастух и вечный батрак. До Советской власти с байскими стадами он исколесил эти пески. Пережил много трудностей и унижений от баев. Молчаливый, но очень добродушный, со спокойным характером, Жеке сразу завоевал симпатии и уважение бойцов. Отличался он исключительным трудолюбием. Его руки ни минуты не были без дела. Во время отдыха его можно было видеть то за починкой снаряжения, то за чисткой оружия. Часто, подсев ко мне, просил рассказать о Ленине. Исключительная у него память. Жеке запоминал самые мелкие детали и подробности. Как проводник этот человек вообще был незаменимым в нашем дивизионе...

* * *

Нам стало известно...

Еще не рассветало, когда Жеке подъехал к старой зимовке, где никого не обнаружил. Он решил доехать до холма, возвышавшегося в полкилометре и с него осмотреть местность. Там же он решил дождаться машины с разведгруппой.

Он не спеша тронул скакуна, и вдруг справа, из глубокой лощины, вынеслась на конях группа басмачей. Они разделились на две группы — одна начала отрезать ему отход, а другая неслась прямо на него.

Его окружили со всех сторон. Поняв безвыходное положение, Жеке вскинул винтовку и громко крикнул:

— Не подходите, сволочи! Даром меня не возьмете!

Вид его был, по-видимому, очень страшен в эту минуту. Басмачи не решались приблизиться.

— Хватит, собака, сдавайся, конец тебе пришел! — кричали они издали. Но ни один из бандитов не двинулся к нему.

Жеке пришпорил своего серого скакуна, крикнул:

— Вперед!

Конь взвился на дыбы, закусил удила и рванулся вперед. Жеке первым выстрелом почти в упор свалил одного басмача. Другим убил коня под одним из бандитов, который рухнул и придавил хозяина.

Басмачи не стреляли, боясь попасть в своих. Но не успел он еще раз перезарядить винтовку, как несколько человек набросили на него цепкие арканы. Его тут же стащили с коня, вырвали винтовку и связали руки. Началось зверское избиение.

Басмачи выбили Жеке правый глаз и все зубы. Он потерял сознание. А когда пришел в себя, услышал обычный вражеский вопрос:

— Кто ты такой, для чего сюда ехал?

Он упрямо мотнул окровавленной головой, и снова засвистели над ним камчи.

— Где кызыл-аскеры?

— Сколько их?

Каждый вопрос сопровождался ударом.

Он молчал. Они снова и снова задавали вопросы и ни на секунду не переставали извиваться плети.

— Ты коммунист? Ты активист?

Он с трудом приподнял голову и смело ответил:

— Я еще не коммунист, но вместе с ними!

Жеке с насмешкой оглядел притихших бандитов.

В это время один басмаческий наблюдатель, стоявший на холме, сообщил, что вдали показалось еле заметное облако пыли и движется сюда, по-видимому машина.

Жеке заткнули рот тряпкой и взвалили на одну из лошадей.

Главарь дал команду сделать засаду:

— Без моей команды не стрелять! Пропустить машину к холму и отрезать отход. Подпустить машину не дальше как на сто метров и открыть огонь. Лошадь смертника привязать на холме, на видном месте как приманку кызыл-аскерам. По местам!

Часть конных басмачей укрылась в лощине справа, а другая — в лощине слева и на старой зимовке. Жеке увезли подальше. Его охраняли три бандита.

Услышав разговор о машине, Жеке повеселел: появилась надежда на спасение. Но тут же он с тревогой начал думать о своих товарищах. Но как предупредить

их? Он попробовал высвободить руки — напрасно. Тогда он рванулся изо всех сил и выбил из седла одного бандита и упал сам. На него сразу навалились, прижали к земле.

Сбитый басмач крикнул:

— Возиться с тобой некогда, а живым не оставим, — и он вытащил нож.

Его повернули лицом на запад, и последнее, что увидел Жеке перед смертью — это ослепительно сверкнувший нож...

Свершив кровавое дело, три басмача побежали в засаду. А Жеке, залитый кровью, остался лежать на песке. Его любимый скакун, крепко привязанный к кустарнику табулгу, ржал, бил передними копытами землю и рвался с привязи, словно хотел придти на помощь своему другу.

* * *

Шестеро бойцов-разведчиков с командиром отделения Сигалаевым, с пулеметом в кузове машины, остановились в километре от старой зимовки. Сигалаев стал смотреть в бинокль.

— Серая лошадь на холме. Это, кажется, конь нашего проводника. Чтобы мы его не искали, он привязал скакуна на видном месте.

Он передал бинокль пулеметчику.

— Да, точно, это его конь,— подтвердил тот через минуту.

Сигалаев еще раз внимательно осмотрел местность в бинокль, но не обнаружил ничего подозрительного.

Высокий, стройный, всегда подтянутый, Сигалаев был младшим командиром, аккуратным и дисциплинированным. Бойцы отделения любили своего запевалу и весельчака.

Шофер Чистяков, постукивая по скатам машины заводной ручкой, тревожно поглядывал на младшего командира и пулеметчика. Что-то тревожило его. Может быть, эта настороженная тишина в этой всегда обманчивой пустыне?

Его машина не знала преград, всегда была на ходу, не задерживалась даже в непроходимых песках. Видавшая виды АМО всегда находилась в образцовом по-

рядке. Не ошибемся, если скажем, что это была первая машина в тысячеверстной пустыне...

* * *

Но сейчас замечательные люди не подозревали, что находятся всего лишь в километре от затаившегося врага, что через несколько минут на них обрушится шквал свинца.

— Чистяков, поехали прямо к коню! — сказал Сигалаев. — Не только басмачей, самого Жеке не видно. Видимо уснул в ожидании нас...

А басмачи, затаив дыхание, не выдавая себя ни единым звуком, наблюдали за машиной.

Остановка машины встревожила их.

«Может быть какой-нибудь наш ротозей высунулся из укрытия и выдал нас?» — подумал главарь.

Вдруг машина тронулась с места и покатила прямо к старой зимовке. Джигиты, находящиеся рядом с главарем, воскликнули:

— Тахсыр, тахсыр! Машина идет прямо на нас!

Злорадство охватило их.

Главарь указал пальцем на нескольких джигитов:

— Ты, ты, ты и ты, стреляйте в шофера. А остальные по аскерам в кузове. Только по моей команде!

Он думал: «Аскеры будут уничтожены, а машину захватим. Но кто же сядет за руль? Среди нас нет шоферов. Жаль, жаль, мы бы ездили. Но черт с ней, сожжем и конец. Я сегодня отличусь со своими джигитами. Всем станет известно, а от курбаши получим щедрую награду».

Обильный пот струился по его лицу — так он был взволнован и своими мыслями и всей обстановкой.

Машина была уже в ста метрах. Бойцы в кузове стояли во весь рост. Пулемет был установлен над кабиной шофера.

Командир отделения левой рукой держался за кабину, в правой сжимал винтовку.

Басмачи, увидев ствол пулемета, направленный в их сторону, немного растерялись и, не долго думая, открыли внезапный ураганный огонь. Шофер Чистяков получил ранение в левую руку. Сигалаеву оторвало два

пальца и раздробило ложе винтовки. В кузове было ранено еще три бойца.

Чистяков не растерялся, круто развернул машину и под градом пуль погнал ее назад. На большой скорости АМО наскочило на кочку — лопнули передние рессоры. Но шофер гнал и гнал машину.

Со стороны старой зимовки все еще продолжали стрелять.

Из засады выскочили конные басмачи и с гиканьем помчались за машиной. Их встретили пулеметным и винтовочным огнем. Хотя прицельного огня и не было, но басмачи не осмелились приблизиться. Машина ушла от басмачей.

Проехав километров пять, разведчики остановились. Перевязали раненых. Машина тоже порядком была изранена: кузов был изрешечен пулями, переднее окно кабины разбито.

Через час разведчики были у себя.

Командир отделения Сигалаев подробно доложил о засаде басмачей на старой зимовке.

Я не дождался конца доклада и нетерпеливо спросил:

— Значит, Жеке погиб?

Сигалаев, немного помолчав, сказал:

— Вероятно, погиб...

Командир дивизиона, оценив обстановку, пришел к выводу:

— Басмачи после своей неудачи оставаться там не будут. Возможно, они уже подались к своей базе или к колодцам. Надо ехать немедленно.

Командир дивизиона оглядел нас.

— Ну, кто поедет со мной, товарищи командиры?

Кто же мог раздумывать? Согласился поехать и Клигман.

— Верхом мы их не догоним. За ними угнаться можно только на машине. Товарищ Дженчураев с одним отделением и станковым пулеметом поедет со мной. Взвод Н-ского дивизиона с ручным пулеметом тоже поедет с нами. Политрук Клигман и Митраков останутся с остальными людьми здесь.

Через двадцать минут мы выехали на двух машинах. Бойцы рассуждали:

— Неужели наш проводник погиб?

Другие не допускали мысли о его смерти:

— Возможно жив, только басмачи его забрали с собой.

— Как хорошо знал он все тропинки! Другому понадобилось бы много времени, чтобы изучить эту местность.

— Каким он был хорошим человеком, все его называли отцом.

— Приедем, разобьем этих шакалов и выручим его. Только бы жив был.

Бойцы горестно вздыхали.

Сократив путь, мы поехали напрямик к ближайшему колодцу, километрах в пяти от старой зимовки.

В пути обнаружили много свежих конских следов, ведущих к колодцу, куда мы ехали.

* * *

Пленные рассказали нам...

Главарь банды, встав во весь рост из-за укрытия, не знал, что делать. Выхватив из-за голенища сапога камчу, сломал рукоятку и отбросил камчу в сторону. Он проклинал на чем свет стоит своих джигитов, понуро лежавших в укрытии.

— Я же говорил стрелять в шофера! Почему плохо целились? Пулемета испугались, ишаки вислоухие! — с пеной у рта ругался он.

Джигиты молчали. Наконец, один из них, не поднимая головы, сказал заикаясь:

— Аллах свидетель, как я целился. Прямо в шофера. Первый раз, когда он приблизился, выстрелил. Второй — когда он поворачивался.

Другой басмач ввернул уже посмелее:

— Я тоже целился хорошо. У них, наверное, машина покрыта железом, которое не пробивает пуля.

В этот момент вернулись две группы, преследовавшие машину. Увидев разгневанного главаря, остановились в сторонке.

— Чего молчите? — напустился он на них. — Около сорока человек не могли справиться с машиной, с шестью аскерами. Почему упустили, я спрашиваю?

Один из басмачей, набравшись смелости, стал объяснять:

— Машина гудит. Из винтовки и пулемета обстреливают и бомбу бросили. А лошади шарахаются в сторону, никак близко не подъедешь. Эту шайтан-машину разве догонишь?

— Эх вы, упустили из рук такую добычу. Теперь нам нужно поскорее убираться и присоединиться к нашему отряду. Аскеры сейчас тут будут!

Главарь поднял поломанную камчу, вскочил на коня.

— Быстрее! — крикнул он.

Банда помчалась на юг.

* * *

Водитель передней машины умело вел ее между кочками, прокладывал путь. За ней шла вторая. Часто буксовали в песке. Тогда бойцы спрыгивали с машины, толкали ее и подкладывали попоны под скаты.

Вода в радиаторе кипела. Водитель ворчал:

— Черт побери, ну и местность!

Проехали километров сорок и оказались на более ровной местности. Остановились.

Шофер вышел из кабины, проверил скаты, залил радиатор. Убедившись, что все в порядке, снова сел за руль.

Бойцы с жадностью припали к флягам. Командир отделения предупредил их:

— Вода еще нужна будет, не пейте много. Прополощите во рту — и хватит.

— Мы так и делаем.

Командир дивизиона, я, проводник Гали и командир взвода Н-ского дивизиона вышли на небольшой холмик.

Гали первый начал объяснять, указывая на юг:

— Видите вон те барханы? За ними урочище Кара-Ункюр (Черные пещеры). Там есть несколько колодцев с пресной водой. Потом вода будет только через шестьдесят километров. Барханы можно объехать справа, там место ровное.

Мы долго просматривали местность из биноклей. Но ничего подозрительного не обнаружили. Что было за песчаным холмом, нам не было видно.

— По машинам! — скомандовал командир дивизиона. Поехали дальше. Подъехали к высокому холму, снова остановились.

— Отсюда надо понаблюдать, — сказал проводник Гали. — С самой вершины хорошо виден Кара-Ункюр.

С вершины холма и простым глазом хорошо были видны и кони, и овцы, и верблюды. Их было много. Много людей суетилось возле колодца, видимо поили скотину.

Метрах в ста от колодца стояло с полсотни оседланных коней, видимо недавно прибывших басмачей.

Группа людей в стороне торопливо вьючила верблюдов какими-то тяжелыми тюками. Тут же, в стане, под огромными котлами, пылал огонь. Дыма не было видно, по-видимому, подкладывали сухой саксаул. На восточной стороне паслись сотни две стреноженных коней.

В сторонке от котлов сидело полукругом много басмачей, о чем-то оживленно переговариваясь.

Проводник Гали неотрывно смотрел в бинокль. Вдруг он громко сказал:

— Я вижу коня нашего Жеке!

— Да ну!

— Где же?

Заволновались мы.

Он точно указал нам место и мы на самом деле увидели серого коня нашего Жеке. Это произвело на всех тягостное впечатление...

По нашим подсчетам басмачей было около трехсот. Банда, устроившая засаду на старой зимовке, тоже находилась здесь.

После обеда и короткого отдыха они, конечно, снимутся со своего стойбища и перекочуют в другое место. Надо было действовать.

Решили: нанести внезапный удар с двух сторон: с востока и запада в тот момент, когда они будут заняты едой.

И только мы наметили предварительный план действий, как из лагеря выехали в нашу сторону два всадника. Это были разведчики.

Метрах в шестистах от нас они поднялись на холм, понаблюдали минут десять и повернули своих коней на-

зад. Машины были тщательно замаскированы. Заметить нас они не могли.

Тем временем суета в лагере прекратилась, басмачи приступили к пище.

— Товарищи командиры, пора действовать! Иначе нам бешбармака не останется, — пошутил командир дивизиона.

Мы спустились с холма. Бойцы с жадностью докуривали «козьи ножки».

— Курите, курите, товарищи! Не скоро придется снова закурить. Сейчас начнется горячая схватка, не до курева будет нам, — сказал командир дивизиона.

Погода была жаркая. Еле-еле ощущался ветерок. Небо было чистое-чистое, словно выстиранное.

Лагерь басмачей находился на ровной местности, но за колодцами местность была сильно пересеченная.

Бойцы сели в машину; приготовили оружие, и мы двинулись в объезд барханов. Я со своей группой закрыл отход басмачам на запад, а другой взвод с тремя отделениями должен был нанести удар с востока.

Внезапное наше появление с двух сторон создало в лагере панику: люди, кони, верблюды, бараны перемешались, трудно было разобраться в этой каше. Многие побежали ловить стреноженных коней, часть бросилась бежать на юг, беспорядочно отстреливаясь. Человек сто всадников успели занять выгодный рубеж в урочище Кара-Ункюр, находившееся в километре от басмаческого лагеря.

Чтобы не дать конным басмачам уйти и прорваться на юг, на машине перебросили станковый пулемет и закрыли им путь. Пулеметчик заставил залечь пытавшихся прорваться. Теперь они полностью были окружены нашим отрядом со всех сторон.

Упорный бой продолжался до самого вечера. Басмачи несколько раз пытались вырваться из окружения, но безуспешно. Куда бы они ни сунулись, их встречал ураганный огонь.

На моем участке к вечеру сосредоточилось около восьмидесяти басмачей. Они заняли выгодный рубеж и ожесточенно оборонялись. Их цель ясна: затянуть бой до темноты и под покровом ночи уйти в пустыню.

Нам удалось, пользуясь пересеченной местностью,

подползти к ним метров на пятьдесят. Приготовили пулемет. Нас разделяла продолговатая возвышенность, восточная и западная стороны которой были обрывисты. Басмачи занимали восточный склон обрыва, а мы — западный.

Наше неожиданное появление на таком близком расстоянии ошеломило их. Мы кричали им:

— Сдавайтесь, все равно вам не уйти!

Они отвечали:

— Ждите, когда у верблюда хвост отрастет до земли, — и открывали ураганный огонь. Под прикрытием нашего пулемета и лучших стрелков отделения Артомошкина и Тимофеева мы приблизились к басмачам и бросили одну за другой четыре гранаты.

Пользуясь их замешательством, я поднял отделение, и мы ринулись в атаку. И сразу очутились над обрывом как раз в тот момент, когда басмачи пытались сесть на своих коней. Пулеметчик Киров стал бить по ним длинными очередями.

Я и несколько красноармейцев спрыгнули с обрыва. Он был глубиной метра три.

И только я выпрямился после прыжка, как вдруг сбоку выскочил на меня огромный детина, в черной войлочной шляпе, с винтовкой в руках.

От такой неожиданной встречи мы оба опешили на секунду. Он хотел выстрелить в меня, но я машинально, ударом своей винтовки, выбил у него оружие и коротким выпадом нанес удар штыком. Он, не охнув, свалился.

В этот момент бежавший за мной пулеметчик Киров, не успев спрыгнуть вниз, вскрикнул и упал. Тяжело ранил его затаившийся бандит. Но и он, не успев даже перезарядить винтовку, ткнулся носом в песок от меткой пули подносчика патронов.

Под обрывом около пятидесяти всадников в панике спешно покидали поле боя. Они хотели прорваться на восток.

Однако дружный огонь отделения заставил их повернуть и укрыться за холмом.

При вторичной попытке прорваться на восток их ветретили огнем станкового пулемета, который уже подтянули сюда.

В этот момент появился над обрывом командир дивизиона. Бандиты, укрывшиеся в пещерах, открыли по нему бешеную стрельбу. Он залег и стал отстреливаться.

Бандиты в пещерах оставались в нашем тылу. Их надо было уничтожить. Это и сделали два бойца отделения, забросав их гранатами.

В самый разгар преследования восточной группы басмачей вырвался из массы убегающих всадник на быстром сером коне. Конь был всем знаком, он принадлежал проводнику Жеке.

Командир отделения крикнул:

— Не стреляйте в коня! Цельтесь в бандита!

После нескольких выстрелов всадник ткнулся в гриву головой и свалился. Конь, почувствовав свободу, повернул в нашу сторону. Взмыленный, дрожа всем телом, прискакал он к нам. На крупе были видны темные полосы от басмаческой камчи.

После боя у убитого бандита была найдена винтовка Жеке. Из ножен был извлечен большой кривой нож, рукоятка была в крови.

— Это кровь нашего проводника. Этим ножом он его зарезал, — в гневе сказал пулеметчик Старостенко...

Основные силы крупной банды в этом районе были наголову разбиты. В том числе был уничтожен и главарь банды, устроивший засаду нашей разведгруппе на старой зимовке.

Утром мы прибыли на старую зимовку и там нашли наскоро засыпанное песком, истерзанное до неузнаваемости тело Жеке. Бойцы тяжело переживали утрату этого замечательного человека.

Похоронили его на холме, где, как приманку на самом видном месте, привязывали басмачи скакуна проводника.

Предавая тело Жеке земле, мы все очень горевали. Не хотелось нам оставлять его одинокую могилу в этих пустынных местах.

13—1760

КАК ЕГО ЗОВУТ?

Наступил октябрь. Уже седьмой месяц дивизион находился в походе.

Днем осеннее солнце все еще щедро грело пески. Бойцы ходили в гимнастерках нараспашку, а ночью изношенное обмундирование и брезентовые плащи не защищали от пронизывающего холода. Бойцы разводили костры и грелись, плотно прижавшись друг к другу. Винтовки они держали на коленях.

— Что за климат дурацкий, — слышались одни и те же разговоры. — В октябре в гимнастерках жарко, а ночью холодище нестерпимый. Месяц назад прямо на песке спали, а теперь возле костров замерзаешь.

— Объясни-ка, Кочкин, в чем тут дело? — всегда спрашивали бойцы словоохотливого и досужего кавалериста.

И тот всегда терпеливо объяснял:

— Неужели вы не понимаете, почему это получается? Мы находимся между двух морей. Вот рядом Аральское море, а километров пятьсот — Каспийское и оттуда всегда движется холодный воздух. Ветер гуляет на всем этом пространстве. А песок к полуночи застывает, вот и холодно. Проще пареной репы!

Красноармеец Князев, всегда лежавший рядом с

Кочкиным, недоверчиво спрашивал, чтобы продолжить разговор:

— Почему же с Каспия? Не понимаю!

И Кочкин снова начинал терпеливо объяснять:

— Потому что Каспий — это настоящее море. Вода быстрее охлаждается. От нее холодище. Бестолковый малый. Ты вот лучше укройся плащом да усни.

— Все равно больше двух часов не пролежишь, — начинал ворчать тот. — Сейчас я закрою ноги и начну считать звезды на небе. Вчера насчитал пять тысяч триста и половину.

— Как это и половину? — удивился Кочкин.

— Да вот считаю — считаю одну звезду. А она то потухнет, то снова загорится. Я ее за половину и считаю.

— Мудришь ты, парень, — ворчал теперь Кочкин.— Сам ты половинкин...— Любил я слушать эти солдатские разговоры у мерцающих костров.

Как-то сидели мы у костра втроем: я, Клигман и Митраков. Подошел командир дивизиона, присел, протянул к огню руки.

— Да, товарищи, холодновато.— После минутного молчания начал он:— Я пришел к заключению: послать кого-нибудь из вас в Гурьев, чтобы организовать доставку обмундирования, продуктов и фуража. Хотя и далековато, тысяча километров с гаком. Но иного выхода нет. Еще мотаются по пустыне мелкие банды. Нам потребуется не менее месяца на их ликвидацию. Как вы думаете, товарищи командиры?

— Мы тоже так думаем! — почти разом ответили мы.— Рано или поздно нам возвращаться надо,— добавил Клигман. — Но в таком виде являться с победой как-то даже неудобно.

— Это дело! — согласился командир дивизиона. — Я думаю, надо поручить это дело товарищу Дженчураеву. В течение десяти суток он сумеет доставить все, что необходимо для нас.

Мне оставалось сказать только: «Слушаюсь!»

— Поедете на машине, заберете раненых. Доедете до пристани Кендерли и отправьте машину обратно. До форта Шевченко доберетесь на катере, оттуда до Гурьева. Отсюда до Кендерли примерно четыреста километров. И от Кендерли до форта Шевченко — триста

километров, а от форта Шевченко до Гурьева — пятьсот километров. Четверо суток вам хватит до Гурьева. Для сопровождения возьмете из своего взвода пять человек. В Гурьеве узнайте, приехали ли наши семьи и как они устроились?

В полдень я выехал и к утру уже был на пристани Кендерли. Погрузили раненых на катер, благополучно доплыли до форта Шевченко. Вечером того же дня направились на том же катере в Гурьев.

Я попросил рулевого:

— Давай-ка нажмем! Катер у вас хороший и погода благоприятная.

— Товарищ командир, — он указал рукой, — видите, с запада тучи наволакивает. Возможно, разыграется шторм. А Каспий, знаете какой сумасшедший!

Я не стал спорить и спустился в каюту к раненым. Они оживленно о чем-то беседовали.

— Товарищ командир, сегодня доедем? — спросили они хором.

— Обязательно! Если море будет спокойное.

Я снова вышел на палубу.

Стало темнеть. Наш катер быстро двигался вперед. Как он был похож на крошечную скорлупку среди необъятного водного простора!

Из-за горизонта выкатилась луна. Заискрились волны, заиграли разноцветными искрами.

«Шторма, видимо, не будет»,— подумал я и, успокоенный, вернулся в каюту.

Между тем боец, сопровождающий раненых, сварил борщ из продуктов, гостеприимно предложенных командой катера. Пригласили к столу всех. Раненые с аппетитом ели горячую пищу.

— Даже раны мои перестали ныть,— с улыбкой сказал один из них,— после такой вкусной пищи. Месяцев шесть, однако, мы не имели во рту такого чуда! Консервы и галеты осточертели. Смотреть на них не хочется.

Море понемногу начинало волноваться. Волны с шумом бились о борта. Я вышел к капитану на мостик и сел возле него.

— Вы просили дать полный ход? Идем полным ходом... Вижу, торопитесь?

— В Гурьеве у меня жена. Давно с ней не виделись.

— А-а,— понимающе протянул капитан, здоровяк средних лет.— Тогда ясно.

— Семь месяцев уже, как не видел ее,— доверительно сказал я.— И новорожденного не видел. Как они там?

— Да, ваша служба тяжелая. И когда только покой настанет на земле? Я вот часто вспоминаю гражданскую войну. Девятнадцатый и двадцатый годы. Тоже был ранен.

Мы долго еще говорили с ним о житье-бытье.

Чтобы скоротать время, я спустился в каюту и лег. Но уснуть никак не мог; или у них слишком мягкая постель, от которой я совершенно отвык за семь месяцев, или я был так взволнован предстоящим свиданием с женой?

В голове теснились разные мысли. Вспомнилась старушка-мать, братья и сестры. Перед глазами вставали родные тянь-шаньские горы с белыми шапками снегов на вершинах, еле заметные тропинки на крутых склонах, по которым я ездил еще мальчишкой. Незаметно я заснул.

Наступило утро. Я выскочил из душной каюты на палубу. Накрапывал мелкий дождь. Семь месяцев я не видел дождя — откуда он может быть в пустыне? Расстегнул гимнастерку, обнажил голову.

Западный ветер крепчал с каждой минутой, и наконец разразился яростный шторм.

Море забурлило.

Волны вздыбились, подхватывая наш катер. Он то взлетал высоко на гребни темных валов, то падал в глубокие котловины. Настоящее перышко в объятьях разбушевавшейся стихии!

Судно жалобно поскрипывало и стонало. А шторм все крепчал. Палубу затопляло. Капитан дал команду стать на якорь. Дальше двигаться было нельзя.

Я невольно подумал: «Вот это шторм! Да тут похуже, чем в боях с басмачами!»

Шторм продолжался целые сутки. Раненые чувствовали себя плохо, лежали бледные с закрытыми глазами. Многих рвало. Все думали об одном: скорее бы кончился шторм.

Наконец, ветер стал стихать. Дождь перестал. Выглянуло солнце. Но море все еще не могло успокоиться,

— Кто в море не бывал, тот и страху не видал,— сказал один из раненых.

Мы снялись с якоря и продолжили путь. Я вышел, шатаясь как пьяный, и подставил грудь вольному ветру. В голове шумело.

— Как себя чувствуете, товарищ командир? — спросил один из матросов.

— Чувствую себя неважно. Сколько, интересно, было баллов?

— Не меньше восьми. Даже нам, привычным к Каспию, и то было чувствительно. Такие штормы бывают редко.

В Гурьев мы прибыли с опозданием ровно на сутки. Но начальник пристани радостно встретил нас.

— Где вас захватил шторм? Все ли благополучно? Вчера в форт Шевченко мы отправляли пароход. Он вернулся обратно. Чуть не сел на мель. Вам повезло!

Я позвонил в штаб дивизиона, вызвал транспорт и отправил раненых в больницу.

От пристани всего пятнадцать минут ходьбы до штаба. После стольких месяцев, проведенных в диких песках, город казался мне раем. Народ чисто одетый, и такая мирная жизнь вокруг! Сердце мое было готово выскочить из груди.

Я даже не заметил, как очутился у штаба дивизиона. Встретил дежурного, который сообщил, что в штабе никого нет.

— Прибыли семьи Митракова и командира дивизиона? — спросил я.

— Да, прибыли, уже месяца три тому назад. Жена Митракова живет по Красноармейской улице, а командира дивизиона — здесь, при штабе.

— У кого еще прибыли?

— Да, я забыл сказать,— смутился дежурный.— Ваша жена живет неподалеку, возле казарм. Могу проводить.

— Я сам найду. В штабе никого нет, оставайтесь,— сказал я.

Поблагодарив дежурного, я отправился в сторону казарм. Подхожу к калитке, с нетерпением заглядываю во двор. Два четырехквартирных дома под железной крышей. И тишина, словно никто не живет.

Толкнул калитку, торопливо зашагал по двору. Никого.

Но вот, наконец, идет навстречу женщина.

— Скажите, где живет Дженчураева?

— Да вон в том доме,— она указала рукой.— Сейчас как раз переходит на новую квартиру.

Я тихонько поднялся по ступенькам крыльца, стараясь не греметь шпорами и клинком. Вошел в небольшой коридорчик. Слева — кухня. Дверь открыта и никого нет.

Направо за закрытой дверью послышался детский лепет:

— Папа, мама, папа, мама.

Открываю дверь, вхожу без стука. На разостланном одеяле сидит толстенький крепыш, смуглый, с курчавыми черными волосами. Ребенок увлеченно играл; в одной руке держал деревянную ложку, в другой — погремушку. Я стоял как вкопанный — это же был мой сын!

Ребенок уставился на меня большими черными глазами. Потом поджал губы — вот-вот расплачется. Чтобы успокоить его, я снял бинокль и клинок и положил перед ним. Ребенок успокоился, но не решался прикоснуться к незнакомым и совершенно ненужным ему вещам.

Я взял сына на руки.

— Ну вот мы и встретились. Как тебя зовут?

Но разве он мог мне ответить? Сын смотрел на меня во все глаза, потом робко потрогал звездочку на фуражке.

Мы стояли с ним у окна. В это время с узелком в руках мимо окна прошла жена. Мы спрятались с сыном в углу комнаты. Жена, войдя в комнату, остановилась в недоумении: ребенка не было. Но тут мой напарник разревелся. Жена выронила узел и кинулась к нам.

Начались расспросы, посыпались десятки вопросов с той и другой стороны.

— Погоди, погоди,— спохватился я наконец.— Я и забыл спросить, как зовут нашего сына?

— Мой отец дал ему имя — Мир. Как ты находишь?

— Имя Мир неплохое. Все честные люди на земле мечтают о мире. Мне нравится. Я согласен, но только до-

бавлю еще две буквы «Д» и «А»; получится имя Дамир: Да здравствует мировая революция! Ты ничего не имеешь против?

— Нет, очень хорошо получилось.

Едва я умылся и переоделся, к нам зашла женщина с мальчиком лет семи. Я тотчас узнал сына Митракова — вылитый батька.

— Ваш муж жив и здоров,— сразу сказал я.— Все время о вас скучает, вспоминает сына. Митя, кажется, его звать? Весь в отца!

Я притянул к себе мальчика, погладил по рыжей головенке.

— Товарищ Митракова, я завтра снова уезжаю. Вы передайте мужу зимнее обмундирование, белье. В общем, сами знаете.

И вот в комнату вошла черноволосая женщина лет тридцати пяти. Смело поздоровалась. Моя жена сказала, что это жена командира дивизиона.

— Татьяна Мироновна,— представилась та.— Ну как там мой батько поживает, товарищ Дженчураев? Он ведь у меня один, детей у нас нет. Мы с ним всю гражданскую войну прошли.

— Он чувствует себя хорошо. Большой шутник. Песни украинские поет с бойцами, все его любят, уважают. Мы его батькой зовем. Я завтра уезжаю. К вам, Татьяна Мироновна, та же просьба, приготовьте ему теплое зимнее обмундирование. Тяжело им и холодно в проклятой пустыне.

Вечером явился я в штаб. Радостно встретили меня замполит Кукин и начальник штаба Мезерский. Они наперебой расспрашивали о наших делах: скоро ли мы покончим с басмачами и когда вернемся. Я вкратце изложил суть дела, цель своего приезда в Гурьев.

Начальник штаба, открыв сейф, вручил мне пачку писем, адресованных мне.

— На, Джаманкул, читай. До утра тебе хватит.

Я вскрыл письмо, написанное арабским шрифтом. По почерку узнал друга моего детства Айдаралиева Малика. Письмо было написано под диктовку моей матери.

«...больше полгода от тебя нет никаких вестей. Где ты, сынок? Почему молчишь?» Далее шло несколько строк из нашей народной песни:

«В каком бы не был ты краю,
не забудь про мать свою.
Будь бесстрашен, смел в бою.
Песню о тебе пою...»

Открываю второе письмо — от жены. Полное тревог: летним солнечным утром почтальон доставил ей большой пакет из Гурьева, весь в сургучных печатях. Почерк незнакомый. В волнении она не смогла распечатать пакет и попросила брата. Тревога оказалась напрасной. Начальник штаба выслал литер на дорогу, деньги и сообщил, что я нахожусь в оперативной командировке...

Прочитав запоздалое письмо жены, я невольно вспомнил прошедшее: нашу дружбу, любовь, совместную работу в глухих кишлаках Средней Азии, борьбу с баями. Она ведь тоже была в числе двадцатипятитысячников, посланных на работу в деревню...

На следующий день наш катер был нагружен обмундированием и снаряжением. Безветренная погода сопутствовала нам. Мы взяли курс прямо на Кендерли, минуя форт Шевченко. Море было спокойно, и мы благополучно прибыли в Кендерли. Выгрузив обмундирование и продукты, навьючили тюки на восемнадцать верблюдов и наш караван двинулся по направлению к Аральскому морю.

Едва ли кто из нас хоть раз садился на верблюда и делал такой большой переход. Кое-как пристраивались мы меж двух горбов — странно и непривычно. Но потом привыкли и мерная качка даже убаюкивала. Двигались почти без остановок.

Каждый боец имел при себе сухой паек и запас воды. Закусывали и пили прямо на ходу.

Бойцы шутили:

— Верблюды, оказывается, самый хороший транспорт. Можно ехать, спать и кушать, не сходя с него. Очень даже хорошо.

Верблюдам давали отдохнуть пять-шесть часов в сутки и снова двигались дальше.

Мы прошли по пустыне более четырехсот километров и благополучно достигли стоянки. Нас встретили далеко в пустыне, и радости бойцов не было границ.

— Теперь-то мы заживем! — весело говорили они.

Из кабины машины АМО вышел командир дивизиона.

Я подъехал на верблюде и доложил ему о выполнении задания. Нас окружили со всех сторон, спрашивали, много ли мы привезли писем.

Быстро развьючили верблюдов и в первую очередь занялись раздачей писем.

Митраков спросил о своей семье, о сыне. Я торжественно вручил ему обмундирование и посылку, внутри которой что-то булькало. По-видимому, спирт. Командир дивизиона улыбнулся:

— Сегодня мы посидим по-человечески. Ты как думаешь, Митраков?

— Обязательно, товарищ командир дивизиона! — просиял тот.

Политрук Клигман получил газеты и журналы. Фельдшер и ветфельдшер — бинты и медикаменты.

Бойцы с нетерпением открывали конверты, жадно читали письма. На время воцарилась тишина. Только был слышен шелест бумаги и были видны улыбающиеся лица людей. Когда письма были перечитаны по нескольку раз, бойцы стали обмениваться новостями, оживленно беседовать с прибывшими из Гурьева.

Подошел старшина дивизиона, громко обратился ко всем:

— Получайте обмундирование. Приведите себя в порядок до наступления темноты.

А фельдшер Ватолин строго предупредил, чтобы старое белье было сожжено.

— Чтобы я больше не слышал о появлении паразитов! — докончил он.

Бойцы с шумом и фырканьем мылись, приводили себя в порядок, словно готовились к празднику. Вечером, собравшись вокруг ярко пылающих костров, бойцы пели свои любимые песни.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...
. . . .
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали
. . . .

Этот вечер остался в моей памяти на всю жизнь.

СУДЬБА УСТА И ЕГО ДЕТЕЙ

Басмаческая банда Бек-Болота на рассвете напала на аул. Убили несколько человек, попавших под руку. Угнали весь скот и скрылись в пустыне.

Наш дивизион выступил на розыски этой банды и в результате упорных поисков мы напали на басмаческий след. Наша разведка обнаружила вражеский стан, и дивизион неожиданно атаковал басмачей.

Бой длился несколько часов. Банда была разбита, только отдельные всадники сумели уйти от нашей погони.

При осмотре местности бойцы обнаружили в зарослях саксаула притаившихся детей: мальчика и девочку. Мальчику было тринадцать, а девочке примерно одиннадцать лет. Их привели к нам. Командиры были в сборе.

Дети были оборванные, истощенные, голодные; кости и кожа. На них нельзя было смотреть без сострадания. Мы усадили их у костра, стали угощать галетами, говяжьей тушонкой. Они с жадностью набросились на еду, все еще с недоверием поглядывая на нас. Всем было жаль их. Какая злая судьба забросила их в пустыню?

Быстро управившись с едой, они стали подбирать крошки. Накормить их сразу было опасно. Через минуту дети спокойно сидели у костра, вероятно, поняли, что перед ними не враги, а защитники.

Я погладил мальчика по голове и спросил, как его зовут.

— Курман,— ответил он, с удивлением глядя на меня. «Разве вы знаете наш язык?» — говорил его взгляд.

— А девочку как звать и кто она тебе?

— Девочка — моя сестра, ее зовут Сайрам.

— Где ваш отец и как его звать?

— Моего отца звать Уста, его убили басмачи месяц назад. — Мальчик опустил глаза и, закрыв лицо руками, заплакал. Сестренка тоже зарыдала, уткнувшись головой в плечо брата. Я узнал печальную историю...

Отец двух детей Уста до Октябрьской революции был батраком и работал у бая кузнецом и пастухом. Он все умел делать: кольца, серьги, браслеты. Его называли мастером — золотые руки.

До сорока лет он не мог жениться, не было у него средств на выкуп невесты: так было при старой жизни. После революции народ освободился от баев. Кузнец женился на хорошей женщине. Она тоже была из бедняцкой семьи, работящая, рукодельница. Построили дом, завели хозяйство и стали жить по-новому.

Вскоре у них родился сын, а через два года — дочка. Назвали ее Сайрам. Уста радовался этому маленькому существу. Говорил жене шутя:

— У меня сын, у тебя дочь. Нам обоим хорошо.

Он был шутник и весельчак, детей своих любил и баловал.

Жена кузнеца, играя с дочерью, говорила мужу:

— Наша дочь непременно будет доктором.

Но их счастье длилось недолго. Жена скоропостижно умерла, оставив мужу двоих детей. Он, сохраняя память о ней, не собирался вторично жениться. Так и жил одиноко.

Уста тяжело переживал смерть жены и сильно привязался к детям. Эта любовь облегчала его горе. Дети в свою очередь, понимая переживания отца, старались помочь ему. Уста радовался им и заботился: они были всегда опрятные, вежливые со старшими. В доме всегда

было чисто прибрано. Курман и Сайрам хорошо знали свои обязанности. Учились они тоже хорошо.

Не успело еще остыть горе после смерти жены, как напали на их жилье басмачи. Забрали весь скот, а его самого вывели во двор, взяли кузнечные инструменты. Басмачам, видимо, нужен был мастер, который мог бы чинить оружие, точить клинки. Он сопротивлялся, рвался к детям.

— Все равно убегу, детей своих не оставлю!

— Заберите с ним и его детей. Трудно будет тогда ему от нас убежать! — приказал курбаши.

Посадили его и детей на коня, окружили со всех сторон и увезли из села. Дом кузнеца сожгли, как и много домов в ту ночь.

И Уста с детьми находился в плену у басмачей, ведя, как и они, бродячий образ жизни.

Оторванные от учебы, дети горевали вместе с отцом.

Сайрам и Курман спрашивали отца шепотом, когда освободят их бандиты.

— Молчите, дети, чтобы они не услышали. Скоро, скоро. Когда кызыл-аскеры приедут, они выручат нас, и мы вернемся в родные места.

Уста всегда находился под наблюдением. Басмачи говорили, что его душа в их руках. Они ругали его, упрекали, что он не хочет на них работать, плохо ремонтирует оружие; медленно и некачественно.

Уста думал: «Если бы не было со мной детей, давно бы сбежал». Он не терял надежду на скорое освобождение и обдумывал план побега, ждал удобного случая. Так проходили дни за днями.

Однажды басмачи вернулись из очередного набега с богатой добычей, пригнали много баранов. Досыта наевшись жирного мяса, разморенные дневным зноем, они крепко уснули. Уста ночью осторожно оседлал коня, посадил девочку впереди себя, мальчика — сзади и выехал никем незамеченный из стана басмачей. Но через некоторое время один из басмачей, обнаружив отсутствие Уста, поднял тревогу. Курбаши приказал во что бы то ни стало догнать беглеца и расправиться с ним. В погоню кинулось несколько десятков бандитов.

Уста, проехав порядочное расстояние, остановился в небольшой лощине. Покормил детей и решил проверить,

нет ли погони. Он вышел на бугор и увидел всадников. И они заметили его...

Уста сел на коня, посадил детей, и поскакал во весь опор. Но вскоре он понял, что ему не уйти от бандитов.

Дети расплакались, Уста их успокаивал:

— Не плачьте, дети мои, все равно красноармейцы придут и освободят нас, а их уничтожат.

Уставший конь не мог идти дальше. С шумом и криками окружили их басмачи.

— Ах ты, собака! Поехал сообщить красным аскерам? — кричали они.

Уста с ненавистью смотрел на них, бережно придерживая девочку. Один из басмачей вырвал детей, стащил его с седла. Дети цеплялись за отца. Их отшвырнули в сторону.

А звери не слышали детской мольбы, не видели детских слез. Они отшвыривали их ногами.

Один из басмачей свалил Уста на землю, выхватил кривой нож.

— Шакалы, звери! Оставьте хоть живыми детей. Дайте последний раз посмотреть на них,— со слезами на глазах говорил Уста.

— На том свете посмотришь на них,— и басмач занес нож. — Вот тебе! — и покончил с ним на глазах у детей.

Курмана и Сайрам схватили за шиворот, положили поперек седла и помчались в свой бандитский стан...

Главарь басмачей нервничал в ожидании своих головорезов, поехавших на поиски Уста. Но вот они, наконец, показались, подъехали к главарю и бросили к его ногам детей кузнеца.

— С волком мы покончили, а двух волчат привезли вам.

Курбаши был рад, что Уста не убежал, а его дети перед ним. Он похвалил своих бандитов.

Дети в пыли и слезах лежали перед ним.

— Пусть останутся в живых эти волчата,— приказал он. — Мы их перевоспитаем.

Курман и Сайрам, находясь в лагере басмачей, старались не попадаться на глаза курбаши.

Испуганная Сайрам часто плакала, по ночам вскакивала, бросалась бежать в пустыню. Курман успокаивал

ее: «Скоро придут кызыл-аскеры. Непременно освободят нас. Вот посмотришь!»

— Если освободят, где мы будем жить?— спрашивала сестренка.— Дом наш сожгли. Коровы тоже нет.

— Да ты не беспокойся, все нам дадут. Помнишь, папа рассказывал, как Советская власть им помогла. И нам помогут. Учиться будем снова. Нам бы только дождаться кызыл-аскеров. А ты не плачь, а то могут и нас с тобой убить.

— Я сегодня видела во сне папу и маму, но рассказать не могу,— все чаще вспоминала Сайрам.

— Сайрам, мама говорила, что когда ты вырастешь, будешь доктором. А я обязательно буду командиром, как в той книжке, помнишь, какую я тебе читал дома? — отвлекал сестренку от грустных дум Курман.

И вдруг как-то под вечер начался переполох среди басмачей: показались красноармейцы. Басмачи в панике метались, беспорядочно отстреливаясь.

Курман схватил за руку сестренку и потащил ее в заросли саксаула. Они спрятались в небольшой лощине. Почти рядом был слышен топот коней, стрельба. Басмачи перебегали с места на место, видимо, отходили. Несколько всадников сунулось тоже в заросли, но увидев приближение красноармейцев, поскакали дальше. Сайрам заткнула уши пальцами, чтобы не слышать стрельбу. Курман кричал ей:

— Я же тебе говорил? Это аскеры пришли, ведь я правду сказал. Только бы нас за бандитов не приняли. Сайрам, посмотри, посмотри, бандит, который папу зарезал, с лошади падает. Убили его!

Но сестренка в испуге никак не хотела поднять головы. Потом все же осмелилась поднять голову.

Стрельба закончилась, и дети притихли в ожидании. Что будет дальше?

Курмана и Сайрам приютили бойцы. Каждый старался приласкать и побаловать их чем-нибудь. Нашлись и мастера — сшили детям одежду. Они с каждым днем поправлялись, крепли прямо на глазах. Командира дивизиона дети называли отцом.

Дети стали спокойными. Только Сайрам иногда вскрикивала во сне, звала отца или мать. Курман осторожно

поворачивал ее на другой бок, и она засыпала безмятежным сном.

Так они до конца операции ездили с нами. А когда вернулись в город, для них специально оборудовали комнату. Курману сшили полную военную форму, ружейный мастер смастерил небольшой клинок и шпоры. Когда он проходил по улице, все ребята с завистью смотрели на него. Сайрам была одета в национальный костюм, она росла красивой девочкой. И учились они очень хорошо, были способными и прилежными учениками.

В дивизионе я прослужил до 1934 года. Курману тогда было 15 лет, а Сайрам 13. Вскоре меня перевели в другое место...

Однажды, незадолго перед Отечественной войной, на одной железнодорожной станции ко мне подошел молодой стройный лейтенант и назвал меня.

— Я спросил, откуда известна ему моя фамилия?

— Я знаю вас по пустыне. Помните, я и моя сестра были воспитанниками дивизиона?

Я не верил своим глазам. Передо мной стоял красивый смуглый подтянутый лейтенант. Я вспомнил картины боев с басмачами, пески и двух перепуганных детишек. Неужели Курман?

— Неужели Курман?

— Так точно,— улыбнулся он.

Я крепко обнял его.

— А где твоя сестра?

— Она окончила среднюю школу и поступила в мединститут. Учится хорошо, жаль, что родителей нет. Мать так мечтала увидеть Сайрам врачом... Если бы вы знали, как я благодарен всему дивизиону, Коммунистической партии! Они сделали нас настоящими людьми. Мы с сестрой в неоплатном долгу перед вами. Но мы постараемся оплатить этот долг.

— Молодец, Курман! Я уверен в этом.

Загудел паровоз.

— Ну, Курман, мне пора. Может быть, встретимся еще.

Поезд тронулся. Я стоял в тамбуре и долго еще видел стоящего на перроне Курмана...

Вскоре началась Отечественная война. Лейтенант Курман с первых дней войны был на передовой. Несколь-

ко раз был ранен, и после излечения в полевых госпиталях снова и снова возвращался в строй.

Время шло... Война подходила к концу. Курман прошел огненный путь до самого Берлина. На его груди сверкало несколько орденов и медалей.

Сайрам в тяжелых условиях военного времени работала в эвакогоспиталях и училась. В 1944 году она закончила мединститут и стала врачом-хирургом и тут же попросилась на фронт.

Сайрам работала в полевом госпитале под Берлином. Она не жалела сил и энергии, находя для каждого раненого ласковое слово и материнскую заботу.

Однажды, войдя в палату, она узнала среди раненых своего брата Курмана. Он очень изменился. Теперь это был не худощавый паренек, а возмужавший бывалый воин.

Сайрам смеялась от радости, и слезы бежали по щекам. Она была не одинока! Вот они и снова вместе...

Когда враг капитулировал и Берлин был взят нашими войсками, выздоровевший Курман с Сайрам пошли к рейхстагу, над которым развевалось знамя победы.

Чуть погрустневшие шли они по улицам повергнутой и разрушенной вражеской столицы, и перед их глазами проходили картины жестокой войны. «Нет, никогда бы гитлеровские полчища не покорили Советскую страну! Никогда бы не встал на колени такой великий народ! Напрасно думал бесноватый фюрер сделать советских людей рабами немецких князей и баронов!» — так думали они в этот момент.

Над разбитым рейхстагом величаво колыхалось красное знамя. Брат и сестра смотрели на него взволнованные и гордые. Стояли долго, и легкий ветерок ласкал их разгоряченные лица. И казался он им прилетевшим издалека, из родных мест.

Наконец сестра сказала:

— Я еще больше рада за нашу победу! Такого врага победил наш народ! И не верится даже... Неужели конец войне?! Снова мир и покой?

— Да, войне конец, Сайрам! — твердо и глуховато ответил брат. — А мне сейчас вспомнилась пустыня и незабываемая трагедия в песках, когда басмачи зарезали нашего любимого отца. Сожгли дом! Все враги одинаково

похожи друг на друга — и басмачи, и бандиты, и фашисты! У всех одинаковое нутро... Я только очень верю сейчас, особенно в эти непривычно тихие минуты, что войны больше никогда не будет! Не могут люди забыть всех ужасов и страданий, всей пролитой крови!

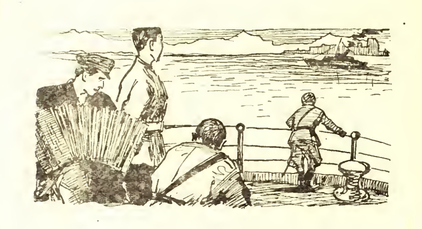
— Я тоже очень верю, что войны больше никогда не будет! — твердо сказала сестра. — Но сколько теперь впереди работы! Ведь надо восстановить половину света!

— Сделаем и это! — брат взял сестру за руку. — Пойдем, Сайрам, вечером отправка. Надо еще собраться.

Они пошли по разбитым улицам Берлина...

...Я заглянул на много лет вперед, рассказал читателям о дальнейшей судьбе детей Уста, усыновленных и воспитанных нашим дивизионом.

В моих воспоминаниях осталась последняя глава.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы с Клигманом стояли на холме.

— Джаманкул, видишь, кажется, возвращается Митраков со своим взводом из разведки. — Он указал на группу всадников.

— Не кажется, а точно он — рыжий! Даже вижу его облупленный нос,— пошутил я.

— Это ты уже слишком! — Клигман стал смотреть в бинокль. — Я в бинокль рассмотрел лишь его коня...

Мы, конечно, шутили. На душе было радостно — с басмачами было покончено.

— Слушай, политрук,— не унимался я. — Я ведь тянь-шаньский беркут. А у них зрение ты сам знаешь какое. У нас в горах водятся вороны. Киргизы их называют черными воронами; живут они на высоких скалах под самыми ледниками. В долины почти не спускаются. У них клюв красный-красный. Они летают совсем по-своему, то прижав крылья к бокам, то распластав их. Вот я и вспоминаю этих ворон, как только взгляну на Митракова с его облупившимся носом.

— Вот ты опять сочинил, я в жизни не видел ворон с красным клювом. — Клигман смотрел недоверчиво.

— Если не веришь, приезжай к нам в Тянь-Шань. Разве не интересно посмотреть страну небесных гор? И вообще, политрук, я немного дурачусь сегодня. Потому что очень я соскучился по Киргизии.

Пока мы переговаривались, подъехал Митраков со своим взводом. С ним было пятеро пленных басмачей.

Я спросил:

— Друг, где ты их поймал?

— Черт побери, я с самого утра гонялся за ними, полдня скакал, кони прямо шатаются. Вот тебе нашел работу — допрашивай их и вправляй им мозги. Это, наверно, последние.

Митраков устало слез с коня...

Наш дивизион с первого дня борьбы вел самую важную и трудную разъяснительную работу среди басмачей, чтобы вернуть на правильный путь заблудившихся и насильно загнанных в банды. Большая часть этой работы выпадала на мою долю, как на владеющего их языком.

Проведя соответствующую работу среди пленных, мы посылали их обратно в стан басмачей. В результате разъяснительной работы многие навсегда покидали басмаческую среду и возвращались к честному труду. Как это облегчало нашу борьбу!

После разгрома главных сил басмачей в Босога, Сары-Камыше, Кара-Ункуре и других местах бандиты приняли хитрую тактику: они уходили и скрывались мелкими группками в барханах. При встрече с нами никогда не принимали боя, ускользали от погони. Но при удобном случае делали налеты на селения, грабили и убивали.

Чтобы полностью ликвидировать множество таких мелких групп на большом пространстве, требовалось сосредоточить несколько воинских частей.

В сентябре — октябре 1931 года наш дивизион совместно с прибывшими на помощь Актюбинским отдельным дивизионом ОГПУ, Кызыл-Ординским дивизионом, дивизионом особого назначения, подразделениями Алма-Атинского кавалерийского полка войск ОГПУ и Казахским национальным кавалерийским полком под командованием Алиева полностью разгромили и ликвидировали басмаческие шайки в районе Устюрта.

В Кара-Кумах воинскими частями среднеазиатского военного округа были разгромлены басмаческие шайки.

Часть оставшихся мелких групп сложила оружие и сдалась добровольно.

Отъявленные головорезы, не желавшие сдаваться, скрывались в самых глухих местах. Но мы все равно находили и вытаскивали из своих берлог.

Некоторые пытались уйти за границу к своим хозяевам, но попадали в руки советских пограничников.

Итак, с врагами советского народа, наймитами иностранных империалистов, полностью и навсегда было покончено. Коварные планы врагов, которые хотели помешать строительству социализма в СССР, потерпели полный крах.

Наступление социализма в нашей стране по всем фронтам шло гигантскими шагами. Претворялась в жизнь генеральная линия Коммунистической партии...

За семь месяцев наш отдельный оперативный дивизион ОГПУ совершил тяжелый поход по безводным пустыням в невыносимую жару, пройдя около семи тысяч километров. Личный состав дивизиона во время боевых операций показал высокие морально-боевые качества и преданность Родине. Накопился богатый практический боевой опыт по борьбе с классовыми врагами. Многие показали себя отважными и мужественными людьми. Навеки сохранятся в нашей памяти имена проводников Жеке и Гали, выходцев из бедных крестьянских семей, которые добровольно решили пойти вместе с нами и бороться против врагов нашей Родины.

Разве можно забыть разведчиков Захарова и Малахова, отбивавшихся от басмачей до последнего патрона, или погибшего на боевом посту начальника Гурьевского горОГПУ Фетисова...

В боях с басмачами особенно отличились своей смелостью и находчивостью командиры отделений Покладов, Наумов, Сигалаев, помкомвзвода Хорошаев, пулеметчики Старостенко, Киров, Князев, красноармейцы Артомошкин, Тимофеев, Демин, Карандин, Тайлаков, Марин, Валиуллин, шофер Чистяков, а также оперативный уполномоченный окружного ОГПУ Попов и многие другие... Разве всех перечислишь!

За проявленную отвагу и мужество в борьбе с классовыми врагами ОГПУ СССР наградило грамотами и именным боевым оружием с надписью: «За беспощадную

борьбу с контрреволюцией» командира нашего дивизиона Сырна, командира кавалерийского национального полка Алиева, политрука дивизиона Клигмана и меня.

* * *

Выполнив боевое задание, мы 1-го ноября возвратились в форт Шевченко, стали грузиться на пароход для отплытия в Гурьев. На пристани собрались жители, чтобы попрощаться с воинами. Сердечными были эти проводы. И мы все долго еще стояли на палубе и махали руками провожающим...

День был теплый. Лучи солнца играли на зеленоватой поверхности моря. Еле заметный прохладный ветерок едва рябил его. И опять я поразился, как и в первый раз, такому непонятному мне — жителю гор — обилию воды. И снова стали наплывать на меня мысли и думы о родном Тянь-Шане, о родных и близких, о семье. Но вдруг грянула дружная песня.

На зов коминтерна — стальными рядами.
Под знамя Советов, под Красное знамя!
Мы красного фронта отряд боевой
И мы не отступим с пути своего.

Огонь ленинизма наш путь освещает,
На штурм капитала весь мир поднимает.
Два класса столкнулись в последнем бою
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз.

Митраков взял гармонь, слегка склонив на бок рыжую голову, тронул загрубелыми пальцами клавиши, как бы проверяя все ли в порядке. Потом заиграл плясовую. Ноги бойцов, давно не касавшиеся деревянного пола, заходили ходуном.

Даже повар не выдержал и вышел на палубу с поварешкой. Долго он крепился, но не вытерпел и пустился в пляс. Не знаю, на долго ли бы он еще покинул свои котлы, если бы не поваливший из камбуза чад...

Матросы парохода, заразившись общим весельем, попросили Митракова сыграть «Яблочко». Все смешались в азартной пляске.

Командир дивизиона вначале сидел спокойно, похлопывая в такт ладонью по колену. Но потом тоже пошел

по кругу. Красноармейцы расступились. И он удивил всех своим мастерством.

Шофер Чистяков сидел сначала в своей машине АМО, с разбитыми окнами и простреленной десятками басмаческих пуль. Но вдруг выпрыгнул прямо на середину круга и сильные ноги легко понесли его по палубе.

Первый плясун дивизиона Киров сидел в стороне, не принимая участия в общем веселье из-за раненой ноги, но здоровой ногой в такт музыке выбивал дробь. Озорные юношеские глаза его блестели задором.

Бойцы плясали до тех пор, пока у гармониста не онемели руки и пока опять на палубе не появился повар звать обедать. Вытирая пот с лица, одергивая гимнастерки, бойцы направились обедать.

Все трудности, перенесенные за эти семь месяцев, остались позади. Никто даже не вспоминал о недавних боях.

Такова уж натура человека!

Все заволновались, едва показался вдалеке Гурьев. Казалось, что пароход идет слишком медленно. У каждого на душе были свои думы. Многих бойцов ожидали письма от отцов, матерей, друзей, любимых и нареченных невест. Многие городские девушки, успевшие познакомиться и полюбить бойцов, тоже ждали прибытия парохода.

Митраков перебегал с одного места на другое и все наблюдал в бинокль. Политрук Клигман смеялся над ним:

— Чего ты бегаешь с биноклем, скоро и без него все увидишь.

— Никак сына своего не найду среди встречающих! Как же не бегать!

На берегу у пристани собрались все трудящиеся города. От мала до велика пришли встречать нас горожане. Минуты ожидания тянулись очень медленно. Все ждали, когда пароход «Красноармеец» войдет в устье Урала и бросит якорь.

Среди встречающих я заметил стройную смуглую девушку лет девятнадцати, отчаянно пробирающуюся вперед. Но ее все оттесняли назад. Как знакомо было ее лицо, особенно глаза!

И вдруг я вспомнил: я же видел ее на фотокарточке,

которую носил разведчик Захаров у самого сердца. У меня перехватило дыхание, горький комок подкатил к самому горлу...

В этот момент встречающие образовали широкий проход для бойцов, и Галя очутилась в первом ряду. Жадно, с глубокой надеждой, смотрела она на сходивших по трапу бойцов, ведущих под уздцы коней.

Я не знаю, что шептали эти бледнеющие с каждой минутой губы, но я никогда не забуду этих померкших девичьих глаз, когда они не увидели любимого...

А жизнь катилась между тем своим неукротимым могучим потоком.

Всюду царило оживление: поцелуи, объятия, слезы радости.

Среди встречающих находилась и жена Фетисова, с волнением искавшая глазами своего мужа. Она с тревогой заглядывала в загорелые лица приехавших бойцов и командиров.

Сообщить печальную весть о гибели ее мужа сразу было нелегко; командир дивизиона и другие командиры взяли на себя это печальное поручение... В этот день, видя радость и счастье одних и безутешное горе других, я с новой силой возненавидел войну.

А кто может ненавидеть ее так, как военные!..

Седьмого ноября на площади собрались на митинг трудящиеся города. Погода, как на заказ, стояла солнечная и теплая.

Митинг открыл председатель горисполкома и предоставил слово члену правительства Союза ССР. Речь его была яркой и краткой, затем он прочел постановление ВЦИК СССР о вручении нашему отдельному оперативному дивизиону ОГПУ боевого знамени — символа воинской части. Держа алое знамя в правой руке, он сказал:

— От имени ВЦИК СССР вручаю вам боевое знамя! Личный состав дивизиона проявил мужество и отвагу в борьбе с классовым врагом и беззаветную преданность большевистской партии и советскому народу!

Вечная память и слава героям, отдавшим свою жизнь за дело трудового народа Советского Союза!

СОДЕРЖАНИЕ

Джаманкул Дженчураев

ПО СЛЕДАМ БАСМАЧЕЙ

Редактор *А. Сальников*
Оформлеиие худож. *И. А. Ефимова*
Заставка худ. *Д. Кожахматова*
Тех. редактор *С. Чотиев*
Корректоры *Т. П. Анипко, Л. М. Федорова*

Сдано в набор 16/VIII-1962 г. Подписано к печати 13/XI-1962 г. Д—02731.
Бумага 84X108 1/32. 6,87 физич. печ. л., 11,28 условн. печ. л., 10,9 учет.-изд. л.
Заказ № 1760. Тираж 12000. Цена 48 к.

г. Фруизе, типография № 1 Полиграфиздата Мин. культ. Кирг. ССР

Цена 48 к.